



УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

доктор филологических наук, доцент **Е. В. Шелестюк**

Ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент **А. А. Селютин**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. И. Бархатов, доктор экономических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Н. Н. Болдырев**, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **А. В. Бузгалин**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Качалов**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **А. Б. Невелев**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Нижегородцев**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция); **Н. Л. Худякова**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **А. Н. Чумаков**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Россия); **П. Элиоулос**, PhD, Университет Пелопонесский, Триполи, Греция, главный редактор научного журнала PAPHYRI & DELTI (Греция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **И. В. Глухова**, кандидат педагогических наук, доцент (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, утвержденный
ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129, каб. 350

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, г. Челябинск,
пр. Победы, 162в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
www.csu.ru
(раздел Наука/Вестник ЧелГУ)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения
авторов публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода
аннотаций несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректура *О. Е. Шшимаренковой*
Верстка *О. Е. Шшимаренковой*

Подписано в печать 13.05.20.
Выход в свет 20.05.20.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 17,2.
Уч.-изд. л. 15,2.
Тираж 500 экз. Заказ 147.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576



FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

E.V. Shelestyuk, Doctor of Philology, Associate Professor

Executive secretary

A.A. Selyutin, Candidate of Philology, Associate Professor

EDITORIAL BOARD

V.I. Barhatov, Doctor of Economics, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **N.N. Boldyrev**, Doctor of Philology, Professor (Tambovsky State University named after G.R. Derzhavin, Russia); **A.V. Buzgalin**, Doctor of Economics, Professor (Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Russia); **E.I. Golovanova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R.M. Katchalov**, Doctor of Economics, Professor (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A.B. Nevelev**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R.M. Nizhegorodtsev**, Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S.A. Pitina**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **J. Richard**, PhD, Professor at the Paris-Dauphine University (France); **N.L. Khudyakova**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **A.N. Chumakov**, Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy of RAS, Russia); **P. Eliopoulos**, PhD, University of Peloponnese, Editor-in-chief of the Scientific Journal "PAPYRI & DELTI" (Greece)

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E.V. Shelestyuk, Doctor of Philology, Associate Professor, Chairman of Editorial Board (Chelyabinsk); **T.A. Borisenko**, Candidate of Philology, Deputy Chairman of Editorial Board (Chelyabinsk); **G.K. Valeev**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **T.A. Vorontsova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **I.V. Glukhova**, Candidate of Pedagogy, Associate Professor (Chelyabinsk); **E.I. Golovanova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **S.Yu. Dvinina**, Candidate of Philology (Chelyabinsk); **L.A. Mesenyashina**, Doctor of Pedagogy, Professor (Chelyabinsk); **A.A. Mironova**, Doctor of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **L.A. Nefedova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **N.S. Olizko**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **S.A. Pitina**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Candidate of Philology (Chelyabinsk); **Al.A. Selyutin**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **A.A. Selyutin**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: Ulrich's Periodical Directory; EBSCO's research collections.

**The journal is published
12 times per year**

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
of. 350, 129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philology Sciences"
editorial office's address:
162v Pobedy pr.,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Tel.: +7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in catalogue "Russian Press"

Proofreader *O.E. Shishmarenkova*
Imposition by *O.E. Shishmarenkova*

Passed for printing 13.05.20.
Date of publication 20.05.20.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 17,2.
Ac.-publ. sh. 15,2.
Circulation 500 copies.
Order 147. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алиева Э. А.</i> Функциональный статус второго лица местоимений и глаголов в языке орнаментальной прозы.	7
<i>Аякулов Н. А.</i> Заимствованные спортивные термины и их употребление в публицистике.	12
<i>Биюмена А. А.</i> Номинативная лексика в печатном медиадискурсе советского периода.	21
<i>Болдырева О. Н., Ао Линлу, Сунь Жаньжань.</i> Игра слов в рекламном дискурсе: на материале русско-китайской рекламы.	31
<i>Бондаренко Е. В., Луханина А. Н.</i> Лексико-грамматические особенности камерунского варианта английского языка (на материале публицистических текстов)	40
<i>Борисенко Т. В.</i> Концепты «мать» и «отец» в русской и англоязычной лингвокультурах.	47
<i>Журавлёв А. П.</i> Разработка метода моделирования состава и структуры терминополья в общем и терминополья «повреждения таза» в частности	56
<i>Каменева В. А., Федянина Л. И.</i> Антропоморфная метафора в профессиональном дискурсе женщин-политиков ФРГ.	66
<i>Кобыскан А. С., Яковлева Е. А.</i> Место цвета в семиотической системе спорта	73
<i>Миронова А. А.</i> Нарративность церковно-приходских летописей XIX в.: объективное и субъективное.	81
<i>Нешкова Е. Г., Олизько Н. С.</i> Специфика реализации категории интертекстуальности во французском мультипликационном дискурсе (на примере мультипликационного сериала «Приключения Гинтина»)	87
<i>Силецкая С. С.</i> Реализация категории модальности в тексте литературной рецензии.	92
<i>Скворцова В. В.</i> Функции культурно-коннотированной лексики в рассказе В. Пелевина «Девятый сон Веры Павловны» (на фоне англоязычного перевода)	97
<i>Табаква З. П.</i> Художественный концепт «как хороши, как свежи были розы» (философия жизни и гармония языка)	105
<i>Уржа А. В.</i> Функции показателей неопределенности в романе «Приключения Тома Сойера» и их интерпретация в русских переводах	113
<i>Чжао Цзяи</i> Употребление графических заимствований в текстах А. С. Пушкина	123
<i>Шафаги М., Загидуллина М. В.</i> Церемония как речевой жанр в аспекте эмотивности (на примере персидского и русского языков).	130

<i>Шкарин Д. Л., Шелестюк Е. В.</i> Сопоставление семиотической и ритмологической интерпретаций ритма и связанных с ним знаковых структур	139
<i>Питина С. А.</i> Рецензия на монографию Т. А. Волковой «От модели перевода к стратегии перевода» (Москва: Флинта, 2016. 304 с.).....	146

CONTENTS

<i>Alieva E.A.</i> Functional Status of the Second Person of Pronouns and Verbs in the Language of Ornamental Prose	7
<i>Ayakulov N.A.</i> Borrowed Sports Terms and Their Use in Publicism	12
<i>Biyumena A.A.</i> Nominative Vocabulary in the Printed Media Discourse of the Soviet Period.	21
<i>O.N. Boldyreva, Ao Linglu, Sun Ranran.</i> The Play on Words in Advertising Discourse: Based on the Material of Russian and Chinese Advertising	31
<i>Bondarenko E.V., Lukhanina A.N.</i> Lexico-Grammatical Features of Cameroon English (Based on Newspaper Articles)	40
<i>Borisenko T.V.</i> “Mother” and “Father” in Russian- and English-Speaking Linguocultures	47
<i>Zhuravlyov A.P.</i> Developing a Method of Modeling Lexical-Semantic Structure of a Terminological Field in General and the “Pelvis Injuries” Field in Particular	56
<i>Kameneva V.A., Fedyanina L.I.</i> Anthropomorphic Metaphor in the Professional Discourse of Female Politicians in the Federal Republic of Germany.	66
<i>Kobyskan A.S., Yakovleva E.A.</i> The Role of Color in the Semiotic System of Sport	73
<i>Mironova A.A.</i> Narrativity of Church and Parish Chronicles of the 19th Century: Objective and Subjective.	81
<i>Neshkova E.G., Olizko N.S.</i> Characteristic Aspects of the Implementation of the Category of Intertextuality in the French Animated Discourse (on the Example of Animated Series “The Adventures of Tintin”)	87
<i>Siletskaya S.S.</i> The Realization of the Category of Modality in the Text of Literary Review	92
<i>Skvortcova V.V.</i> “Vera Pavlovna’s Ninth Dream” — Realia in Translation and Pelevin’s Concept of Time, Sleep and Philosophy of Solipsism.	97
<i>Tabakova Z.P.</i> Artistic Concept “How Good, How Fresh the Roses Were” (Philosophy of Life and Harmony of the Language)	105
<i>Urzha A.V.</i> Functions of the Markers of Uncertainty in the Novel “The Adventures of Tom Sawyer” and Its Russian Translations	113
<i>Zhao Jiayi.</i> The Use of Graphic Borrowings in the Texts of A.S. Pushkin	123
<i>Shafaghi M., Zagidullina M.V.</i> Ceremony As a Speech Genre in the Aspect of Emotivity (Based on the Example of Persian and Russian).	130

<i>Shkarin D.L., Shelestyuk E.V.</i> Comparison of the Semiotic and Rhythmological Interpretation of Rhythm and Related Sign Structures	139
<i>Pitina S.A.</i> Review of the Monograph by T.A. Volkova “From the Model of Translation to the Strategy of Translation” (Moscow, Flinta Publ., 2016. 304 p.).....	146

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС ВТОРОГО ЛИЦА МЕСТОИМЕНИЙ И ГЛАГОЛОВ В ЯЗЫКЕ ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ

Э. А. Алиева

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

Впервые на материале языковой структуры произведений писателей-орнаменталистов показана модификация функционально-семантического статуса форм 2-го лица местоимений и глаголов. В орнаментальном повествовании данные формы позволяют имитировать коммуникативную ситуацию непосредственного общения субъекта речи с различными типами адресатов; служат одним из показателей субъективизации, создают игру формами 3-го и 2-го лица, что способствует созданию полифонизма.

Ключевые слова: *субъектно-экспрессивные формы синтаксиса, второе лицо, глагол, местоимение, функции, семантика, орнаментальная проза.*

В современной лингвистической науке достаточно большое количество исследований посвящено изучению форм 2-го лица в различных аспектах (В. В. Виноградов, А. М. Пешковский, М. В. Панов, Д. Н. Шмелев; В. А. Богородицкий, Е. Бенвенист, Ю. С. Степанов, О. Н. Селиверстова, С. А. Крылов и Е. В. Падучева; Л. Я. Маловицкий; Н. М. Пазилова).

В лингвистических исследованиях получило освещение и изучение семантики и функционирования форм 2-го лица в лирике. Одна из первых работ такого рода — незаконченная статья Г. О. Винокура «Я и Ты в лирике Баратынского» [4].

Наиболее интересны, на наш взгляд, работы И. И. Ковтуновой [5; 6] и Н. М. Азаровой [3]. Лингвисты отмечают, что изменения семантики форм 2-го лица местоимений и глаголов происходят под влиянием своеобразного поэтического контекста [3. С. 197; 6. С. 89].

Обзор источников показал, что в лингвистической и лингвопоэтической литературе достаточное освещение получили взаимоотношения форм 1, 2, 3-го лица местоимений в разговорной речи и поэтическом тексте. Однако функционирование личных местоимений, а тем более форм 2-го лица местоимений и глагола в орнаментальном художественно-прозаическом тексте специально не рассматривалось. Это обуславливает актуальность выбранной нами темы исследования. Помимо этого, в данной статье впервые проводится анализ форм 2-го лица местоимений и глаголов с учетом доминирующего типа повествования, соотношения этих типов, использования различных форм изображения действительности в рамках одного художественного целого, а также особенностей литературно-художественной коммуникации и языковых средств ее воплощения в русской орнаментальной прозе. Этим обосновывается новизна данного исследования.

В связи с тем что орнаментальная проза ориентирована на язык лирической поэзии, мы можем предположить, что формы 2-го лица местоимений и глаголов, будучи использованы в монологическом художественно-прозаическом повествовании, также могут модифицировать свои функции и семантику.

Целью данного исследования является установление семантико-функционального статуса форм 2-го лица местоимений и глаголов в русской монологической орнаментальной художественно-прозаической речи.

Намеченная цель предопределяет постановку и решение следующих задач:

- 1) описать семантико-функциональные особенности форм 2-го лица местоимений и глаголов на горизонтальном и вертикальном срезах каждого привлеченного для анализа произведения;
- 2) определить специфику индивидуально-авторского использования данных форм в художественной речи, а также выявить общие особенности функционирования данных средств в языке орнаментальной прозы.

В речевой ткани произведений писателей-орнаменталистов («Петербург» А. Белого, «Смерть Вазир-Мухтатра» Ю. Тынянова, «Города и годы» К. Федина, «Дар» В. Набокова) широко используются формы 2-го лица местоимений и глаголов. Второе лицо, оказываясь в монологическом художественном тексте и будучи направленным к другому лицу или предметному миру, часто модифицирует свои функции и семантику.

При использовании вместе с повелением, обращением или в составе вопросительных предложений формы 2-го лица местоимений и глагола являются вспомогательным изобразительно-выразительным средством в художественной ткани произведений. Оно снимает дистанцию между субъектом речи и адресатом, вносит значение внутренней причастности

адресанта к предмету речи. Включение же форм 2-го лица местоимений и глаголов в монолог с самим с собой (разговор Грибоедова со своей совестью в романе «Смерть Вазир-Мухтара») [1. С. 99—102], напротив, создает дистанцию, указывает на раздвоение личности героя и способствует диалогизации его монолога. Напротив, присутствие второго лица в монологизированном диалоге (например, Сипягина в романе «Смерть Вазир-Мухтара») порождает эффект присутствия безмолвного собеседника [1. С. 99—102].

Встречаются фрагменты текста, когда 2-е лицо глаголов функционирует самостоятельно, независимо от других речевых форм диалога.

Местоимения и глагол 2-го лица могут реализовать апелляцию субъекта речи к внешнему неопределенно широкому адресату, читателю. Обычно это тот, кто духовно близок повествуемому субъекту, кто способен понять его и разделить его воззрения: *«Вдруг» знакомы тебе. Почему же, как страус, ты прячешься при приближении неотвратимого «вдруг»? («Петербург»)*. С помощью формы 2-го лица местоимений и глагола настоящего времени сокращается психологическая дистанция между повествователем и читателем, создается эффект присутствия последнего в момент речи.

В приведенном ниже примере местоимение «вы» расширяется, вбирает в себя и самого автора, и любого, кто разделяет его воззрения: *Так будет, откуда литературная критика не отложит вовсе свои социологические, религиозные, философские и прочие пособия, лишь помогающие бездарности уважать самое себя. Тогда, пожалуйста, вы свободны: можете раскритиковать Пушкина за любые измены его взыскательной музе и сохранить при этом и талант свой и честь («Дар»)*.

Вследствие обобщения высказывания в повествование привносится коммуникативная ситуация непосредственного общения субъекта речи с воображаемым оппонентом, которым может быть и читатель. Благодаря формам 2-го лица глагола и местоимения контакт автора с читателем может приобретать форму внутреннего диалога-спора: *Все пройдет и забудется, — и опять через 200 лет самолюбивый неудачник отведет душу на мечтающих довольстве простаках (если только не будет моего мира, где каждый сам по себе, и нет равенства, и нет властей, впрочем, если не хотите, не надо, мне решительно все равно) («Дар»)*. В приведенном отрывке реализуется диалог автора с читателем-современником. В первой вставке [*если только не будет моего мира, где каждый сам по себе, и нет равенства, и нет властей*] представлен альтернативный текстовому вариант будущего, воображаемого героем. С ней сцепляется другая вставка [*впрочем, если не хотите, не надо, мне решительно*

все равно], в которой дается пренебрежительная реакция этого героя на возможную негативную оценку такого будущего со стороны читателя.

С помощью форм 2-го лица местоимений и глаголов осуществляется апелляция субъекта речи к обобщенному адресату — всякому, независимо от места и времени его существования. В подобных высказываниях имеет место передача личных впечатлений, внутренних переживаний повествователя или героя в обобщенной форме. Например: *Все это было вроде арабесков, как он их созерцал в бессонные ночи под Аббас-Абадом во время переговоров, что идешь-идешь за линией натыкаешься на перепону и путаница («Смерть Вазир-Мухтара»)*.

При обобщенном адресате исчезает конкретный производитель действия, происходит отождествление субъекта речи и адресата. Это способствует активизации читательской позиции, так как автор умышленно воспроизводит хорошо знакомую ситуацию («идешь», «натыкаешься»), вызывающую сочувствие, сопереживание читателя.

В речевой ткани произведений орнаменталистов степень обобщенности адресата может иногда ограничиваться, например: *Коли бывал в Петербурге, то знаешь подъезд: там дубовые двери с зеркальными стеклами... Днем ли, иль утром, под вечер ли ты пройдеши мимо дверей — увидиши галун, булаву, треуголку. И остановишися перед видением... Коли тронется белая борода, прокачается булава и сверкнут галуны, будешь ты как безумный кружиться по петербургским проспектам («Петербург»)*. Здесь повествователь тоже обращается с речью к обобщенному адресату. Однако степень обобщенности, передаваемая формами 2-го лица, под влиянием лексического контекста ограничивается определенными пространственно-временными рамками: адресат — это всякий, кто бывал в Петербурге, либо тот, кто силою творческого воображения переносится в описанную ситуацию, заняв место подобного адресата.

Роман В. Набокова «Дар» отличается свободой в использовании категории лица, включением в основной текст романа разнообразных отрывков, написанных поэтом Федором Константиновичем Годуновым-Чердынцевым. В двух созданных этим героем романах (о Чернышевском и об отце) воплощен поток его сознания. В связи с этим в речевой ткани названного произведения наблюдается частое чередование форм третьеличностного повествования, в которые вклиниваются фрагменты перволичностного, обращенные ко второму лицу.

Например: *Я с ней познакомился в июне 1916 года... Она была умна, малообразованна, банальна, то есть полной твоей противоположностью... нет, нет, я во-*

все не хочу сказать, что я ее любил больше **тебя**... («Дар»). В этом фрагменте перволичностное повествование Федора Константиновича, нейтральное по своему коммуникативному статусу, неожиданно переходит в высказывание, обращенное к конкретному адресату, его возлюбленной — Зине Мерц. При этом в предшествующем контексте никакого намека на диалогическую ситуацию не было. Адресация эта явно осуществляется во внутренней речи героя, в связи с чем последующее сообщение также оказывается обращенным к героине, как бы специально написанным для нее.

Благодаря употреблению форм 2-го лица личного, притяжательного местоимений и нечленимого отрицательного высказывания «нет-нет» создается впечатление реального присутствия адресата в момент речи, в то время как в действительности этот контакт с собеседницей чисто иллюзорный, он осуществляется в его внутренней речи. Герой диалогизирует свое повествование. Оно не только обращено к возлюбленной. Его форма, его лексическое наполнение строятся с расчетом на ее предполагаемую реакцию — он «оправдывается» перед ней. Диалог в отсутствии адресата воплощает раздвоение сознания героя, который вступает в воображаемый коммуникативный контакт с образом своей фантазии, то есть со своим вторым «Я».

Обращения героя к образу своей возлюбленной встречаются в речевой ткани романа неоднократно. Так, в завершающее все произведение третьеличностное описание воображаемой прогулки Федора Константиновича с Зиной вклинивается внутренняя речь этого героя, в которой он также мысленно обращается к своей возлюбленной. Например: *Этот запах таял, заменяясь черной свежестью, от липы до липы, и опять преснел мрак, и опять наливался медом. Неужели сегодня, неужели сейчас? Груз и угроза счастья. Когда я иду так с тобой, медленно-медленно, и держу **тебя** за плечо, все немного качается, шум в голове и хочется волочить ноги...* На переход от третьеличностного повествования во внутреннюю речь героя указывают такие субъектно-экспрессивные формы, как неполное вопросительное предложение, выражающее эмоциональное состояние героя, номинативный ряд, проникнутый глубоким звуковым повтором, порождающий паронимическую аттракцию (поэтическая этимология), форма 2-го лица личного местоимения, настоящее живописно-изобразительное время глагола. Внутренняя речь героя создает эффект «здесь и сейчас» происходящих событий; наличие местоимений 2-го лица порождает впечатление непосредственного контакта субъекта и адресата.

Подобная диалогизация наблюдается и во внутренней речи Федора Константиновича, обращенной к матери.

Так, рассказ о намерении написать книгу об отце Федор Константинович адресует своей матери. При этом в тексте нет никакого указания на то, что это письмо или что она находится рядом с сыном в момент речи. Сигналами перехода от объективного повествования к внутренней речи героя являются местоимения и глаголы 2-го лица: *Временами я чувствую, что где-то она уже написана мной, что вот она скрывается тут, в чернильных дебрях... **Ты** хорошо сама **знаешь**, с каким набожным чувством, с каким волнением я готовился к ней. **Ты** сама мне писала о требованиях, которые следует к такому труду предъявить... **Не брани** меня за слабость и трусость. Как-нибудь я **тебе** прочту случайные, разрозненные, неоформившиеся обрывки записанного мной: как оно не похоже на мою статную мечту!..* Как и в приведенных выше фрагментах, в данном отрывке осуществляется имитация диалога с отсутствующим в момент речи адресатом. Благодаря личным, притяжательным местоимениям и глаголам 2-го лица создается эффект присутствия. Использование данной субъектно-экспрессивной формы приводит к игре формами повествования, чем достигается эстетический эффект, осуществляет диалогизацию монолога, что создает впечатление «здесь и сейчас» происходящих событий. Кроме того, данные формы воплощают «раздвоение» сознания адресата речи и осуществляют приближение читателя к описываемому.

Встречаются случаи употребления форм 2-го лица глагола и местоимения и в апелляциях к неодушевленным предметам, которые волею героя-повествователя становятся адресатами его речи. Это, например, обращение Федора Константиновича с прощальной речью к ставшей ему родной и близкой комнате, в которой прошли несколько последних лет его жизни: *Этот мертвый уже инвентарь не воскреснет потом в памяти: не пойдет вслед за нами постель, неся самое себя; отражение в зеркальном шкапу не восстанет из своего гроба... Я бы **тебе** сказал прощай, но **ты** бы даже не услышала моего прощания. Все-таки — прощай.* В этом фрагменте предмет речи сначала называется в третьеличностном повествовании, а затем становится адресатом внутренней речи героя. При переходе от 3-го лица ко 2-му происходит мгновенное перенесение предмета речи в другое пространство: из пространства внешнего мира — в пространство внутреннего мира.

Таким образом, формы 2-го лица местоимений и глагола позволяют имитировать в повествовании коммуникативную ситуацию непосредственного общения субъекта речи (автора, повествователя) с различными адресатами. Адресатами речи героя могут выступать: его возлюбленная, мать, читатель, разделяющий его воззрения, и читатель-антагонист,

а также конкретные предметы, рукотворные объекты, абстрактные понятия, продукты творчества.

При переходе от 3-го лица ко 2-му или от 1-го ко 2-му происходит снятие дистанции между предметом речи и повествующим субъектом, создается эффект близости внутреннего адресата и адресанта. Кем бы ни был внутренний адресат, в подобном высказывании всегда предполагается и позиция внешнего адресата-читателя.

Чередование повествовательных форм, организованных с точки зрения 1, 2, 3-го лица, порождает гибкую речевую структуру, в которой объективные формы авторского изображения взаимодействуют с различными видами субъективизации.

Выводы. Изучение использования форм 2-го лица местоимений и глаголов в языке орнаментальной прозы показало, что, используя почти во всех повествовательных типах, данные формы охватывают важнейшие стороны произведения. На вертикальном срезе художественного текста формы 2-го лица местоимений и глаголов выполняют различные художественные функции. Они служат одним из показателей субъективизации повествования. Благодаря смене 3-го лица на 2-е происходит переход от внешней, объективной точки зрения на внутреннюю точку зрения субъекта речи.

Игра формами 3-го и 2-го лица местоимений и глаголов способствует субъектному расслоению повествования, созданию полифонизма речевой структуры художественного текста (А. Белый, «Петербург»; В. Набоков, «Дар»; К. Федин, «Города и годы»; Ю. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»).

Форма 2-го лица местоимений и глаголов в рамках художественно-прозаического целого способна создавать диалогические отношения повествователя или

героя произведения с различными типами адресатов. При апелляции повествователя к читателю основной функцией форм 2-го лица местоимений и глаголов является создание прямого контакта между повествователем и читателем.

Достаточно часто местоимения «ты» и «вы» трансформируются в местоимение «мы», которое используется как прием косвенного контакта между повествователем и читателем. Под влиянием лексического контекста контактоустанавливающее местоимение «мы» может становиться средством подтрунивания повествователя над читателем (либо героем), пародирования его позиций.

С помощью форм 2-го лица местоимений и глаголов может осуществляться апелляция повествователя (или героя) к внутренним адресатам — героям, отсутствующим в момент речи («Дар»), что способствует диалогизации монолога, воплощает раздвоение сознания субъекта речи.

Формы 2-го лица местоимений и глаголов, использованные в ситуации коммуникативного контакта с заведомо некоммуникабельными объектами, нелицами, служат знаком внутренней сопричастности, близости автора или героя к предмету речи («Дар», «Петербург»). Коммуникативный контакт с нелицом выступает одновременно в качестве специфической для орнаментальной прозы формы автокоммуникации повествующего субъекта и воплощает не только его поэтическое познание, но и самопознание, самораскрытие, самовыражение.

Таким образом, 2-е лицо местоимений и глаголов, оказываясь в монологической ткани художественно-прозаического текста и будучи направленным к другому лицу или предметному миру, модифицирует свои функции и семантику.

Список литературы

1. Алиева, Э. А. Семантико-функциональные особенности вопроса в художественно-прозаическом монологе (на материале языка русской прозы первой трети XX века) : монография / Э. А. Алиева. — Ташкент, 2016.
2. Алиева, Э. А. Второе лицо местоимений и глагола в речевой ткани романа В. Набокова «Дар» / Э. А. Алиева // Восток — Запад: аспекты взаимодействия : материалы респ. науч.-практ. конф. — Ташкент, 2015 — С. 12—15.
3. Азарова, А. М. Местоимения «ты» и «Ты» в языке поэзии и философии [Электронный ресурс] / А. М. Азарова // Сиб. филол. журн. — 2008. — № 3. — С. 197—204. — URL: http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?p=you_you.
4. Винокур, Г. О. Я и ты в лирике Баратынского / Г. О. Винокур // Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. — М., 1990.
5. Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. — М., 1986.
6. Ковтунова, И. И. Семантика форм лица в языке поэзии / И. И. Ковтунова // Рус. яз. в науч. освещении. — 2003. — № 1 (5).
7. Левин, Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения / Ю. И. Левин // Избр. тр. — М., 1998. — С. 469—470.
8. Левин, Ю. И. Об особенностях повествовательной структуры и образного строя романа В. Набокова «Дар» / Ю. И. Левин // Russ. Literature. — 1981. — IX.
9. Макерова, С. Р. Актуализация категориальной семантики в художественном тексте (на материале местоимений) [Электронный ресурс] / С. Р. Макерова // Гуманитар., соц.-экон. и обществ. науки. — 2014. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-kategorialnoy-semantiki-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-mestoimeniy/>.

Сведения об авторе

Алиева Эльвина Аметовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии факультета зарубежной филологии Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека. Ташкент, Узбекистан. alieva.elvina@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 7—11.*

FUNCTIONAL STATUS OF THE SECOND PERSON OF PRONOUNS AND VERBS IN THE LANGUAGE OF ORNAMENTAL PROSE

E.A. Alieva

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan. alieva.elvina@rambler.ru

The functional status of the second-person forms of pronouns and verbs in an artistic prose monologue based on the material of Russian prose of the first third of the twentieth century is considered. Using examples from fiction works of ornamental writers, a modification of the functions and semantics of second-person forms of pronouns and a verb is shown, and it is concluded that these subjective-expressive forms of syntax allow us to imitate the communicative situation of direct communication of the subject of speech in the narrative; serve as one of the indicators of subjectivization of the narrative, the transition from the external, objective point of view to the internal point of view of the subject of speech, the play of third and second person forms of pronouns and verbs, which contributes to the subjective separation of the narrative to create polyphonism of the speech structure of the literary text; capable of creating dialogical relations between the narrator or the hero of the work with various types of addressees (external and internal).

Keywords: *subjectively expressive forms of syntax, second person, verb, pronoun, function, semantics, ornamental prose.*

References

1. Alieva E.A. *Semantiko-funkcional'nye osobennosti voprosa v hudozhestvenno-prozaicheskom monologe (na materiale yazyka russkoy prozy pervoy trety XX veka)* [Semantic and functional features of the issue in an artistic and prose monologue (based on the material of the Russian prose language of the first third of the twentieth century)]. Tashkent, 2016. (In Russ.).
2. Alieva E.A. Vtoroe lico mestoimeniya i glagola v rechevoy tkani romana V. Nabokova "Dar" [The second person of pronouns and a verb in the speech tissue of the novel by V. Nabokov "Gift"]. *East-West: aspects of interaction. Materials of the republican scientific-practical conference.* Tashkent, 2015. Pp. 12-15 (In Russ.).
3. Azarova A.M. Mestoimeniya "ty" i "Ty" v yazyke poezii i filosofii [The pronouns "you" and "You" in the language of poetry and philosophy]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2008, no. 3, pp. 197-204. Available at: http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?p=you_you (In Russ.).
4. Vinokur G.O. Ya i ty v lirike Baratynskogo [You and I are the lyrics of Baratynsky]. *Philological Studies: Linguistics and Poetics.* Moscow, 1990. (In Russ.).
5. Koftunova I.I. *Poeticheskiy sintaksis* [Poetic syntax]. Moscow, 1986. (In Russ.).
6. Koftunova I.I. Semantika form lica v yazyke poezii [The semantics of facial forms in the language of poetry]. *Russian language in scientific coverage*, 2003, no. 1 (5) (In Russ.).
7. Levin Yu.I. Lirika s kommunikativnoy tochki zreniya [The lyrics are from a communicative point of view]. *Selected works.* Moscow, 1998. Pp. 469-470. (In Russ.).
8. Levin Yu.I. Ob osobennostyah povestvovftel'noy struktury i obraznogo stroya romana V. Nabokova "Dar" [On the peculiarities of the narrative structure and the figurative system of V. Nabokov's novel "Gift"]. *Russian Literature*, 1981, IX. (In Russ.).
9. Makerova S.R. Aktualizaciya kategorialnoj semantiki v hudozhestvennom tekste (na materiale mestoimeniya) [The actualization of categorical in creative writing (based on pronouns)]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, 2014. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-kategorialnoy-semantiki-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-mestoimeniya> (In Russ.).

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СПОРТИВНЫЕ ТЕРМИНЫ И ИХ УПОТРЕБЛЕНИЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ

Н. А. Аякулов

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан

Владение спортивной лексикой и терминологией является одним из условий развития коммуникативной компетенции не только специалистов данной сферы, но и обычного носителя языка. В статье рассматриваются актуальные вопросы общей спортивной терминологии, требующей усвоения и правильного употребления.

Ключевые слова: спортивная лексика, термин, жаргонизм, профессионализм, неологизм.

Благодаря средствам массовой информации в последние десятилетия интерес к спорту значительно возрос, произошли большие изменения в области спортивной лексики, обусловленные появлением новых видов спорта и необходимостью создания соответствующих терминологических систем. Это привело к пополнению лексического запаса в сфере физической культуры и спорта специальной терминологией и иноязычными заимствованиями.

Спорт — неотъемлемая часть традиции и самосознания народа, часть культурной, экономической и политической жизни определенной страны. Спортивное явление находится в центре внимания специалистов в различных областях, в том числе лингвистов, которых особенно привлекает словарный запас представителей спорта. Наше исследование предусматривает изучение спортивных лексических единиц и терминов с точки зрения их употребления в публицистических материалах русского и узбекского языков.

Интернет-журналистика развивается в процессе современной глобализации. Поэтому сложно представить современную журналистику без интернет-материалов. Изучая спортивные термины и словарный запас, мы стараемся осветить, из каких языков заимствуются использованные в интернет-журналистике единицы.

В процессе анализа мы приводим примеры с сайтов новостей, которые популярны достоверностью материалов в России (www.gazeta.ru) и Узбекистане (www.kun.uz). «Газета.RU» — общественно-политическое интернет-издание, основанное в 1999 г. Круглосуточно освещает российские и мировые новости. Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-67642 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Роскомнадзор 10.11.2016) [17]. KUN.UZ — это одно из самых активных онлайн-изданий в Узбекистане. Целью сайта является предоставление оперативной, точной и достоверной информации о главных событиях в Узбекистане и по всему миру. Проект был запущен в январе 2012 года, зарегистрирован как средство массовой информации под № 0987.

Спортивная лексика динамично отражает малейшие изменения в развитии спорта, появление и рост популярности новых его видов и связанной с ними атрибутики, правил и т. п. В языке спорта имеется значительное число терминов, неологизмов, профессионализмов и жаргонизмов, которые обслуживают несколько видов спорта и составляют группу общеспортивных терминов. Это достаточно большая группа [5. С. 46]. На наш взгляд, в общеспортивные термины необходимо включать перечисляемые единицы и лексеммы этого типа, учитывая, что эти единицы используются не только в конкретном виде, а, наоборот, во всех видах спорта одинаково.

Термины, используемые в спортивной лексике, следует классифицировать в зависимости от частотности их употребления на *общеспортивные*, *узкоотраслевые* и *узкоспециальные*. К общеспортивным следует отнести термины, которые одинаково употребляются во всех видах спорта:

1. *Соревнование* (*Соревнование* проводится в один круг — все команды играют друг с другом по одному матчу и распределяют места в зависимости от набранных очков).

2. *Олимпиада* (Это будет моя заключительная *Олимпиада*, я уйду из большого спорта, не буду активным спортсменом, но останусь в спорте). В том числе имеются узкоотраслевые термины, функционирующие в двух или более видах спорта:

3. *Алекс* (Вопрос отцов и детей предстоит решить на новом уровне, где надо оперировать скоростью на *алексе*, жесткостью пружин и передаточными числами).

4. *Вратарь* (*Вратарь* сборной Узбекистана дисквалифицирован на восемь месяцев).

5. *Мяч* (После ошибки защитника гостей *мяч* попал к Эльдару Шамуратову у границ штрафной).

6. *Перекладина* (Российский лидер и главная звезда «синерубашечников» на этот раз подкараулил отскок на дальнюю штангу после активных действий все того же Какко и вогнал снаряд под *перекладину*).

7. *Ворота* (На 22-й минуте в *ворота* Эльдара Суюнова было назначено пенальти).

8. *Ракетка* (Первая *ракетка* Узбекистана Денис Истомин вышел в основной этап турнира BNP Paribas Open в Индиан-Уэллсе, США).

Термины, функционирующие только в одном виде спорта, называются узкоспециальными:

9. *Мэдисон* (В воскресенье Романюта вместе с Ольгой Забелинской заняла шестое место в дружной дисциплине велотрека — *мэдисоне*).

10. *Кейрин* (Российская спортсменка Дарья Шмелева завоевала «серебро» в *кейрине* на первом этапе Кубка мира по велоспорту на треке в польском Прушкове, сообщает «Советский спорт»).

11. *Омниум* (Велогонщица Гончарова сравнила *омниум* с гонкой на выживание).

Терминология спорта в настоящее время является не только составной частью спортивной лексики, культуры, но и сферой профессиональной деятельности [2]. Термины, относящиеся к одному из перечисленных типов, образуют определенную терминологическую систему вокруг исходного слова — ядра. Эти термины обозначают соревнования, участников, элементы организации, входящие в различные терминосистемы низшего уровня практически без изменения содержания понятий. Базовыми также оказываются названия видов спорта, организующие в качестве исходного термина собственные терминосистемы.

Спортивная терминосистема имеет структуру, суть которой состоит в терминологии, характерной для всех (или многих) видов спорта. Они указывают на турниры, конкурентов, институциональные компоненты, которые являются частью различных терминологических структур более низкого уровня, с почти незначительным отличием по существу. Также оказывается, что основными являются названия видов спорта, которые организуют свои собственные терминологические системы в качестве исходного термина:

12. *Брасс* (Владислав Мустафин к финалу пришел с третьим результатом в 50-метровом *брассе*):
— *ныряющий брасс* (Поэтому на Олимпийских играх 1956 г. почти все брассисты-мужчины применили вариант «ныряющего» *брасса* с длинным гребком руками до бедер);

— *планирующий брасс* (Г. Прокопенко для шлифовки своего *планирующего брасса* использовал «сверхобтекаемую» доску каплеобразной формы).

13. *Положение*:

— *положение вне игры* (На 40-й минуте Пулишич забил второй мяч в ворота, действующего победителя Лиги чемпионов, но главный арбитр встречи Стефани Фраппар взятие ворот не засчитала, так как американец оказался в *положении вне игры*);

— *положение кор-а-кор* (Правилами запрещается бросаться на противника и прижиматься к нему, чтобы избежать укола или удара. Такое *положение называется кор-а-кор*).

14. *Борьба*:

— международные виды борьбы — *греко-римская, вольная борьба, самбо, дзюдо* (Всего таких видов четыре — *самбо, дзюдо, вольная и греко-римская борьба*);

— национальные виды борьбы — *гюлеш, кох, чидаоба, кошти, казахша-курес, куреш, трын-тэ, гуштингири, куряш, гюреш, гореш, кураш, хапсагай, сумо* и др.;

— у каждого народа есть свой вид национальной борьбы: так, например, *гюлеш* — азербайджанская национальная борьба, *кох* — армянская, *чидаоба* — грузинская, *кошти* — иранская, *казахша-курес* — казахская, *куреш* — киргизская, *трын-тэ* — молдавская, *гуштингири* — таджикская, *куряш* — татарская, *гюреш* — турецкая, *гореш* — туркменская, *кураш* — узбекская, *хапсагай* — якутская, *сумо* — японская и т. д. [6].

Значительное обогащение словарного состава достигается путем заимствования новых слов в результате установления экономических, культурных, политических связей с другими народами, вместе с появлением в обиходе новых понятий и реалий [7]. В процессе своего развития терминология сферы спорта пополнялась также путем заимствования иноязычных терминов. В связи со смежностью науки, общего предмета или методов исследования большинство заимствований вошли в язык без изменения, то есть сохранив свое значение и особенность.

Язык спорта находится в центре внимания многих лингвистов. Проблемами заимствования

в спортивной лексике русского языка занимались В. И. Гынин [8], М. Е. Медетова [11], Л. Г. Ярмолинец [16], Е. Н. Шагалова [14], З. С. Логинова [10]. Терминологическими проблемами узбекского языка занимались Г. Абдурахмонов [1], С. А. Азизов [3], И. Ю. Юлдашев [15], П. Нишонов [12], О. С. Ахмедов [4], Х. Д. Палуанова [13], Д. К. Кадирбекова [9] и др. Однако до сих пор отсутствует полное монографическое исследование, связанное с терминологией в узбекском языке, касающейся физической культуры и спорта. В связи с этим существует необходимость в их углубленном изучении.

Нами проанализировано определенное количество спортивных терминов, активно используемых в русском и узбекском языках. Результаты анализа свидетельствуют о том, что основная часть спортивной терминологии русского и узбекского языков является заимствованной. Приведенные нами примеры перечислены в соответствии с количеством заимствований из других языков:

1. Из английского языка:

— *баскетбол* (Соперники «Лейкерс» довольно часто применяли персональную опеку, закрывая свое кольцо от метких бросков *баскетболистов* калифорнийской команды);

— *бодибилдинг* («Культуризм», а точнее «*бодибилдинг*», переводится как «строительство тела»);

— *бокс* (Рефери развел *боксеров*);

— *боулинг* (Самые юные участники состязаний — 8-летние, а самая пожилая чемпионка завоевала золотую медаль по *боулингу* в возрасте 82 лет);

— *буллит* (Но в успешности для нас серии *буллитов* были уверены с самого начала);

— *ватерполо* (Российские синхронистки выиграли золото в технической программе групп, китайскому прыгуну с трамплина не понравилось изображение родной страны на медали, а сборная России по *ватерполо* уступила американцам — в обзоре дня на чемпионате мира по водным видам спорта в Казани);

— *волейбол* (В Ферганском государственном университете построены спортивно-оздоровительный комплекс, три *волейбольные* площадки);

— *кросс* (В пробе Романа Малеева после соревнований по *кроссу* была найдена субстанция 4-метилпентала-2-амина);

— *гейм* (Он смог записать в свой актив только четыре *гейма*, проиграв со счетом 1 : 6, 1 : 6, 2 : 6);

— *гит* (Наши спортсмены первый *гит* финала отпрыгали без штрафных очков);

— *гол* (В составе победителей авторами *голов* стал нападающий российского футбольного клуба «Ростов» Эльдар Шамуратов);

— *пенальти* (На 22-й минуте в ворота Эльдара Сууюнова было назначено *пенальти*);

— *голкипер* (*Голкипер* Йемена Ахмед Садек не смог отразить удар. Еще через две минуты Достон Хамдамов упустил шанс забить);

— *грегари* (До «Катюши» он не занимал серьезных призовых мест, был на позиции «*грегари*», а вот в нашей команде стал лучшим гонщиком мира, причем два раза);

— *дартс* (В этот день он принимал участие в турнире по *дартсу*, который прошел на «Эхо Арене» в Ливерпуле);

— *дерби* (Вчера прошло одно из самых принципиальных противостояний в британском футболе, Северо-западное дерби, «Манчестер Юнайтед» против «Ливерпуля»);

— *дисквалификация* (Южноамериканская конфедерация футбола *дисквалифицировала* нападающего сборной Аргентины Лионеля Месси на три месяца за обвинения организации в коррупции);

— *допинг* (Она была не допущена Международным олимпийским комитетом (МОК) до Олимпиады-2016 в Рио-де-Жанейро, так как в прошлом была уличена в употреблении *допинга*);

— *драфт* (20-летнего россиянина выбрали под 31-м номером на *драфте* 2017 года);

— *дроп-гол* (Два штрафных и *дроп-гол* на счету Юрия Кушнарева);

— *инсайдер* (Единственный источник, на который можно положиться в этом вопросе, — *инсайдер* Дэвид Орнштейн, к словам которого принято относиться серьезно в мире футбола);

— *картинг* (Ее цель — популяризация этого вида спорта среди населения посредством организации соревнований по *картингу*, ралли, автоспорту и др.);

— *клинч* (Хабилев до самой сирены тотально контролировал *клинч* у сетки и удерживал оппонента в партере);

— *корнер* (Квинси только-только стал лучшим бомбардиром РПЛ, а в новом сезоне бегал за мячами к боковой линии, отрабатывал в обороне и прессинговал, а также создавал голевые ситуации отменными подачами *корнеров*);

— *корт* (На *корт* от команды Узбекистана вышла юниор сборной Федерации — Милана Масленкова, уверенно обыграв Гулжан Мухаметулиеву (6 : 1, 6 : 3));

— *кроль* (Российский пловец Владимир Морозов завоевал «золото» на дистанции 50 м *кролем* на четвертом этапе Кубка мира, который проходит в Будапеште);

— *матч* (До 2012 года «Пахтакор» являлся основным стадионом, где национальная сборная Узбекистана по футболу проводила домашние матчи);

— *матчбол* (Таким образом, всего Джокевич и Троицки не реализовали три *матчбола*);

— *микст* (В *микст*-зоне говорили в основном футболисты «Рубина»);

— *мини-бэнди* (Сызранцы завоевали «серебро» на турнире по *мини-бэнди*);

— *нокаут* (Шамиль Завуров (Россия) — Ивица Трусчек (Хорватия): в третьем раунде техническим *нокаутом* победил Шамиль Завуров);

— *ринг* (Чагаев завершил карьеру в 2016 году. На профессиональном *ринге* он одержал 34 победы, завершил один бой вничью и потерпел три поражения);

— *овертайм* («Армейцев» хоккеисты «Хумо» победили в *овертайме* со счетом 4 : 3, а в битве с динамовцами уверенно держались до финального свистка, уступив лишь в серии буллитов, поэтому предсказать исход матча «Ростов» — «Хумо» не мог никто);

— *офсайд* (Сначала после небольшой суматохи в штрафной корейцев мяч чудом не залетел в ворота, а при розыгрыше углового судья не засчитал гол из-за *офсайда*);

— *панчер* (Бывший временный чемпион Абсолютного бойцовского турнира (UFC) в легкой весовой категории Дастин Порье рассказал, кого считает самым жестким *панчером* в промоушене из тех, с кем сражался);

— *пас* (Получил мяч и оценил ситуацию: впереди два защитника, из наших рядом никого. Иначе бы отдал *пас* партнеру, но пришлось решать самому);

— *пейс-кар* («Когда выпустили *пейс-кар*, я почувствовал, что это наш шанс, но, к сожалению, сразу после этого пришлось остановить машину», — сказал Сироткин);

— *пелетон* (Руководитель команды «Формулы-1» «Уильямс» Клэр Уильямс хочет вернуть свою «конюшню» на верхние позиции в списке середняков *пелетона*, передает «Советский спорт»);

— *пит-стоп* (Ранее сообщалось, что механики «Ред Булла» провели *пит-стоп* в условиях невосможности);

— *плей-офф* (Матчи *плей-офф* состоят из двух таймов, каждый из которых длится 20 минут);

— *поло* (Спортсмены из стран, входящих в Евразийский экономический союз, перестанут считаться легионерами в футболе, хоккее, баскетбо-

ле, гандболе, водном *поло* и хоккее на траве на территории России);

— *ралли* (Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов готовится к предстоящему в Туркменистане *ралли* «Амуль-Хазар»);

— *сет* (Решающей оказалась парная встреча, в которой Акгуль Аманмурадова и Нигина Абдураимова в трех *сетах* выиграли у Эудис Вонг Чонг и Хон И Коды Вон);

— *спринт* (Стоит отметить, что впервые в соревнованиях Кубка Узбекистана по триатлону принял участие паратриатлет: Рустамжон Сотиболдиев из Андижанской области преодолел дистанцию *спринт*);

— *старт* (В 2012 году велогонщица завоевала две бронзовые медали Олимпиады — в групповой гонке и гонке с отдельным *стартом*);

— *стипль-чез* (В тот момент я выступал в *стипль-чез* (*стипль-чез*, бег с препятствиями, у взрослых расстояние 3 тыс. м).);

— *тай-брейк* (В *тай-брейке* норвежец обыграл американца, выиграв три партии из трех);

— *тайм* (Гости после первого *тайма* вели в счете 2 : 0 после точных ударов Лаутаро Мартинеса (5-я минута) и Матиаса Весино);

— *теннис* (Ранее *тенисист* Узбекистана праздновал победу над американцем Эваном Сонгом);

— *кикбоксинг* (В ноябре 2016 года всплыли очень интересные вещи, которые творились в Ассоциации *кикбоксинга* Узбекистана в последние четыре года);

— *траверс* (альпинизм) (Маршрут считается пешим при высоте преодолеваемых препятствий (прохождение перевалов, *траверсы* хребтов, восхождения на вершины) до 3000 метров над уровнем моря);

— *трек* (Сборная Узбекистана завоевала семь медалей чемпионата Азии по велоспорту на *треке*, который проходил в индонезийской Джакарте с 9 по 13 января);

— *тренинг* (В организации понимают, что норвежец вряд ли примет предложение. Но верят, что тот сможет провести что-то вроде *тренинга* на сборах);

— *фальстарт* (на этапе «Бриллиантовой лиги» по легкой атлетике в Монако спортсмен после *фальстарта* пробежал всю дистанцию);

— *финиш* (Эргашев в общем зачете *финишировал*, четвертым подняв по сумме 328 кг);

— *фол* (За *фол* последней надежды с поля был удален защитник Егор Кримец);

— *форвард* (На 36-й минуте молодой *форвард* «красных дьяволов» Маркус Рэшфорд отправил мяч в сетку ворот «мерсисайдцам»);

— *фристайл* (Среди наших достижений — золотые медали на зимних Олимпийских играх и чемпионатах мира по *фристайлу*, более 70 медалей фигуристов на Азиатских играх и других международных соревнованиях);

— *хавбек/хав* (*Хавбек* провел в РПЛ шесть лет и успел застать золотые годы в «Анжи», а затем боролся за чемпионство в «Краснодаре»);

— *хоккей* (31 мая было принято решение об участии вновь созданного профессионального клуба «Хумо» в чемпионате высшей *хоккейной* лиги — Кубке Шелкового Пути);

— *хук* (Ни нокаутирующая мощь Харриса, который в мае отправил на настил дебютанта промоушена Сергея Спивака в первую же минуту противостояния, ни мощные левый *хук* и левый кик противника также не сбивали Алексея с правильного курса);

— *джеб* (Он пошел на соперника с *джебом* и как будто в стену воткнулся);

— *раунд* (За 15 секунд до окончания первого *раунда* Оверим поймал Олейника серией точных ударов и снес Алексея с ног, выиграв бой техническим нокаутом);

— *центрфорвард* (Андрей Шевченко предпочитает располагать его на правом фланге атаки, там он взаимодействует с *центрфорвардом* Евгением Коноплянкой);

— *шорт-трек* (На основной арене также предусмотрено проведение матчей по баскетболу, волейболу, гандболу, футзалу, соревнованиям по боксу, таэквондо, по *шорт-треку*, фигурному катанию и керлингу, а также концертов).

Мы разделили заимствованные спортивные термины из английского языка, используемые в русском и узбекском языках, на два вида в зависимости от степени их употребления, а также привели примеры, чтобы определить частотность употребляемых терминов. В результате доказано, что термины, которые заимствованы из английского, такие как *грегари*, *дартс*, *дроп-гол*, *инсайдер*, *клинч*, *корнер*, *кроль*, *матчбол*, *мини-бэнд*, *пелетон*, *панчер*, *стипль-чез*, *траверс*, *фальстарт*, используются реже, чем другие термины в русском и узбекском языках. Мы можем назвать их малоупотребительными спортивными терминами. В то же время имеются заимствованные спортивные термины из английского языка, часто используемые в русском и узбекском языках, такие как *баскетбол*, *бодибилдинг*, *бокс*, *боулинг*, *волейбол*, *кросс*, *гейм*, *гит*, *гол*, *пенальти*, *голкипер*, *дерби*, *дисквалификация*, *допинг*, *корт*, *матч*, *нокаут*,

нокдаун, *ринг*, *овертайм*, *офсайд*, *пас*, *пит-стоп*, *плей-офф*, *поло*, *ралли*, *сет*, *спринт*, *старт*, *тайм-брейк*, *тайм*, *теннис*, *кикбоксинг*, *трек*, *тренинг*, *финиш*, *фол*, *форвард*, *фристайл*, *хавбек*, *хоккей*, *хук*, *джеб*, *раунд*, *центрфорвард*, *шорт-трек*. Их следует называть часто употребительными спортивными терминами. Частотность их применения связана с глобализацией и освоением неологизмов в языке. Кроме того, есть фактор, что публика иногда не воспринимает перевод этих терминов и некоторые из них не имеют устоявшегося употребления и четкого значения.

2. Из французского языка:

— *бильярд* (Никто не забил мяч в матче — это как играть в *бильярд* и не забить ни одного шара);

— *болид* (В результате *болид* Юбера разлетелся на две части, а машина Корреа перевернулась);

— *бомбардир* (Аргентинец в шестой раз выиграл приз лучшему *бомбардиру* сезона, что является рекордным результатом);

— *волан* (Российский бадминтонист Владимир Иванов на турнире в индийском Лакхнау поставил новый мировой рекорд по скорости полета *волана* в одиночном разряде);

— *Гран-при* (Сборная Узбекистана по пара-дзюдо завоевала 4 золотые, 3 серебряные и 2 бронзовые медали на *Гран-при* IBSA в Ташкенте и заняла первое место в общекомандном зачете);

— *пелетон* (Российский пилот Даниил Квят вернулся в «Формулу-1» в этом году после отсутствия в *пелетоне* на протяжении сезона с небольшим и уже успел зарекомендовать себя повзрослевшим и по-прежнему быстрым гонщиком);

— *приз* (Саша выиграл много индивидуальных *призов* в НХЛ, взял Кубок Стэнли);

— *трамплин* (Хабиб Нурмагомедов отметил, что проведение данного турнира в Узбекистане послужит *трамплином* для узбекских спортсменов);

— *чемпион* (Олимпийская чемпионка Игр 1992 года гимнастка Оксана Чусовитина заявила РИА «Новости», что выступает против наказания невиновных спортсменов в ситуации с решением Всемирного антидопингового агентства (WADA) по России).

3. Из немецкого языка:

— *рапира* (Более 150 фехтовальщиков выступят в эти дни по трем видам оружия (шпага, *рапира*, сабля);

— *турнир* (Как заявил функционер WADA, Евро-2020 не является мультиспортивным событием, поэтому России не грозит лишение права принять четыре матча турнира);

— *шайба* (Третья *шайба* влетела уже в пустые ворота гостей, когда «Хумо» заменил вратаря на полевого игрока после удаления у «Зауралья», пытаясь забросить хоть однажды);

— *штанга* (По словам атлета из США, он не решился поднять в тяге больший вес после того, как держа в руках *штангу* на 400 кг, потерял равновесие и едва не повредил спину);

— *штрафная зона* (После ошибки защитника гостей мяч попал к Эльдару Шамуратову у границ *штрафной*).

4. Из испанского языка:

— *шпага* (Более 150 фехтовальщиков выступят в эти дни по трем видам оружия (*шпага*, рапира, сабля)).

5. Из итальянского языка:

— *батут* (Россиянин Мельник взял «серебро» в индивидуальных прыжках на *батуте* на Евроиграх);

— *регата* («Кроме того, в программе визита Голодец в Нижний Новгород — посещение училища олимпийского резерва имени Владислава Тишина, награждение участников Международной парусной *регаты* Junior Volga Cup Optimist, содействие по развитию детского спорта в области, встреча с главой региона», — говорится в сообщении пресс-службы правительства Нижегородской области).

6. Из японского языка:

— *айкидо* (Звезда Голливуда решил принять участие в Международном фестивале *айкидо*);

— *киокусинкай/кёкусинкай* (Трутнев является обладателем 5-го дана *киокусинкай*);

— *дан* (Стоит отметить, что *даны* в карате присваивают после получения черного пояса и для прохождения каждого из них необходимо преодолеть серьезные испытания);

— *кимоно* (В беседе она объяснилась по всем случаям проявления вменявшегося ей расизма — отчиталась и за «кукурузные косы», которые рядами заплетают себе чернокожие женщины, и за японское *кимоно*);

— *джиу-джитсу* («Думаю, у предыдущих соперников Хабиба еще не было настолько высокого уровня *джиу-джитсу*», — приводят слова Вартапяна «Известия»);

— *карате* (В 2019 году на Нумо Arena планируют провести лицензионный чемпионат Азии по *карате*);

— *татами* (В категории 63 кг на *татами* выйдет Хожинисо Комолдинова и в категории 70 кг выступит Мухайё Ибрагимова).

7. Из китайского языка:

— *кунг-фу* (Вас самого называют королем *кунг-фу* и телохранителем Путина);

— *ушу* (Представительница Узбекистана по *ушу* таулу Дарья Латышева вчера смогла завоевать путевку в финал).

8. Из корейского языка:

— *тхэквондо* (Международная федерация *тхэквондо* (ITF) была признана не соответствующей кодексу Всемирного допингового агентства (WADA)).

Следует помнить, что в связи с появлением новых игр некоторые слова применяются в разное время по-разному. Например: в лексике футбола слово *out* (*аут*) возникло на английском языке, имеет значение «вне, вон». Это ситуация, когда мяч находится за пределами игрового поля и достигает границы; *overtime* (дополнительное время) — время, указанное после ключевого времени игры, в котором необходимо определить победителя команды; *hat trick* (*хет-трик*) — три гола, забитых одним человеком в одной игре. Статистические данные из лексикографических источников показывают, что в период XIX—XX веков такие слова, как *lob*, *score*, *shoot*, *smash*, *sprint*, *goal*, *dribble*, *tackle*, были заимствованы из английского языка во время максимального воздействия английского спортивного словаря на русский.

Нами произведена подборка более ста часто употребляемых терминов и лексических единиц в различных сферах спортивной деятельности русского и узбекского языков. В процессе анализа выяснилось, что данные термины и по сей день активно используются и являются востребованными в соответствующих сферах спорта. Соотношение степени частотности употребления терминов приведено в таблице на с. 18. Данная таблица о заимствованных терминах в публицистических текстах показывает, что в терминологию спорта проникают слова в основном из английского языка.

Общеспортивные термины являются неотъемлемой частью лексики игроков, менеджеров, чиновников, зрителей и СМИ. Немаловажное значение имеют узкоотраслевые и узкоспециализированные названия. Каждый пласт спортивной лексики служит правомерному развитию спортивной терминологии на языковом уровне. Широкое использование заимствований в спортивной лексике способствует улучшению применения и доступности заимствованных спортивных терминов в разных языках.

Соотношение степени частотности употребления терминов

<i>Из английского языка</i>			
баскетбол	драфт	панчер	теннис
бодибилдинг	дроп-гол	пас	траверс
бокс	инсайдер	пейс-кар	трек
боулинг	картинг	пелетон	тренинг
буллит	кикбоксинг	пенальти	фальстарт
ватерполо	клинч	пит-стоп	финиш
волейбол	корнер	плей-офф	фол
гейм	корт	поло	форвард
гит	кроль	ралли	фристайл
гол	кросс	раунд	хавбек/хав
голкипер	матч	ринг	хоккей
грегари	матчбол	сет	хук
дартс	микст	спринт	шорт-трек
джеб	мини-бенди	старт	центрфорвард
дерби	нокаут	стипель-чез	
дисквалификация	овертайм	тай-брейк	
допинг	офсайд	тайм	
<i>Из французского языка</i>			
бильярд	бомбардир	гран-при	приз
болид	волан	пелетон	трамплин
			чемпион
<i>Из немецкого языка</i>			
рапира	турнир	шайба	штанга
штрафная зона			
<i>Из итальянского языка</i>			
батут		регата	
<i>Из японского языка</i>			
айкидо	джиу-джитсу	кимоно	татами
дан	киокусинкай/кёкусинкай	кататэ	
<i>Из китайского языка:</i>			
кунг-фу		ушу	
<i>Из корейского языка</i>			
тхэквондо			

Список литературы

1. Абдурахмонов, Г. Терминология муаммолари / Г. Абдурахмонов // Ўзбек тили терминологияси ва унинг тараққиёт перспективалари : Биринчи Республика терминология конференцияси материаллари. — Тошкент : Фан, 1986. — 136 б.
2. Авакова, Л. А. Структурно-семантический и функциональный анализ терминосистемы «шахматы» : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Л. А. Авакова. — Майкоп, 2006. — 20 с.
3. Азизов, С. А. Лексико-грамматическое исследование музыкальной терминологии узбекского языка : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Азизов. — Ташкент, 1981. — 160 с.
4. Ахмедов, О. С. Инглиз ва ўзбек тилларида солиқ ва божхона терминларининг лингвистик таҳлили ва таржима муаммолари : филол. фан. д-ри ... дис. автореф / О. С. Ахмедов. — Тошкент, 2016. — 25 б.
5. Богословская, В. Р. Англицизмы в русской спортивной лингвокультуре конца XX века : дис. ... канд. филол. наук. Кн. 1 / В. Р. Богословская — Волгоград, 2003.
6. Бымбыгыденова, С. Б. О теоретических исследованиях классического спорта и национальных спортивных игр бурят: социологический анализ / С. Б. Бымбыгыденова // Теория и практика обществ. развития. — 2014. — № 8. — С. 49—53.

7. Власичева, В. В. Тюркизмы в современном английском языке / В. В. Власичева // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. — 2010. — № 2—12.
8. Гынин, В. И. Некоторые характерные особенности заимствований в спортивной терминологии / В. И. Гынин // Научная речь. Лингвометодические аспекты описания и преподавания. — М., 1988.
9. Кадирбекова, Д. Х. Инглизча-ўзбекча ахборот-коммуникацияси технологиялари терминологияси ва унинг лексикографик хусусиятлари : филол. фан. д-ри (PhD) ... дис. автореф. / Д. Х. Кадирбекова — Ташкент, 2017. — 44 б.
10. Логинова, З. С. Англицизмы в спортивной терминологии русского языка: синхронно диахроническая характеристика : дис. ... канд. филол. наук / З. С. Логинова. — Ташкент, 1978. — 181 с.
11. Медетова, М. Е. Иноязычные заимствования в русском языке (на материале терминологии спортивных игр) / М. Е. Медетова // Сравнительно-сопоставительное изучение языков и интерференция. — Алма Ата, 1989.
12. Нишонов, П. Француз ва ўзбек тиллари юридик терминологиясининг қиёсий-типологик тадқиқи : филол. фан. ном. ... дис. автореф. / П. Нишонов. — Тошкент, 2009. — 26 б.
13. Палуанова, Х. Д. Экологик терминларнинг деривацион-семантик хусусиятлари (ўзбек, қорақалпоқ, инглиз ва рус тиллари мисолида) : филол. фан. д-ри (DS) ... дис. автореф. / Х. Д. Палуанова. — Тошкент, 2016. — 88 б.
14. Шагалова, Е. Н. Словарь новейших иностранных слов / Е. Н. Шагалова. — М. : АСТ-Пресс, 2019.
15. Юлдашев, И. Ж. Ўзбек китобатчилиқ терминологияси; шаклланиши, тараққиёти ва тартибга солиш : филол. фан. д-ри ... дис. / И. Ж. Юлдашев. — Тошкент, 2005. — 323 б.
16. Ярмолинец, Л. Г. Некоторые особенности функционирования игровых спортивных терминов в современном английском языке / Л. Г. Ярмолинец // Лингвистические единицы разных уровней в языке и речи. — Краснодар, 1988.

Электронные ресурсы

17. www.finversia.ru/finhandbook/finatlas/gazeta-ru-799
18. www.gazeta.ru
19. www.kun.uz

Сведения об авторе

Аякулов Нурбек Абдугаппар угли — докторант, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан. nurbek.ayaqulov.1992@gmail.com, nurbek.ayaqulov.1992@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 12—20.*

BORROWED SPORTS TERMS AND THEIR USE IN PUBLICISM

N.A. Ayakulov

Uzbek State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan. nurbek.ayaqulov.1992@gmail.com

With the external simplicity, accessibility, and entertainment of sports, all its types have complex terminology, which requires certain efforts for mastering and proper use. They occupy an increasing place in the system of modern knowledge about a person and are associated with the concept of “healthy lifestyle”. Possession of sports vocabulary and terminology is one of the conditions for the development of communicative competence of a native speaker. In this regard, the topic of this article seems relevant to us. We divided the borrowed sports terms from the English language used in the Russian and Uzbek languages into two types depending on the degree of their use. We gave examples to determine the frequency of terms used. As a result, it was proved that terms borrowed from English, such as *darts, drop goal, insider, clinch, corner, crawl, match ball, mini-band, pellet, puncher, steeple chase, traverse, false start*, are used less often, than other terms in both Russian and Uzbek. We can call them uncommon sports terms. They should be called frequently used sports terms – as *basketball, bodybuilding, boxing, bowling, volleyball, cross, game, goal, penalty, goalkeeper, derby, disqualification, doping, court, match, knockout, knockdown, ring, overtime, offside, pass, pit stop, play off, polo, rally, set, sprint, start, tie break, time, tennis, kickboxing, track, training, finish, foul, forward, freestyle, midfielder, hockey, hook, jab, round, center-forward, short-track, etc.*

Keywords: *sports vocabulary, term, jargon, professionalism, neologism.*

References

1. Abdurakhmanov G. Terminologiya muammolari [Problems of terminology]. *O'zbek tili terminologiyasi va uning taraqqijot perespektivalari: Birinchi Respublika terminologiya konferenciyasi materiallari* [Uzbek terminology and prospects of its development: Proceedings of the First Republic Terminology Conference]. Tashkent, Science, 1986. 136 p. (In Uzbek).
2. Avakova L.A. *Strukturno-semanticheskij i funkcional'nyj analiz terminosistemy "shaxmaty"* [Structural-semantic and functional analysis of the term system "chess". Abstract of thesis]. Majkop, 2006. 20 p. (In Russ.).
3. Azizov S.A. *Leksiko-grammaticheskoe issledovanie muzikal'noy terminologii uzbekskogo yazyka* [Lexical and grammatical study of the musical terminology of the Uzbek language. Thesis]. Tashkent, 1981. 160 p. (In Russ.).
4. Ahmedov O.S. *Ingliz va ozbek tillarida soliq va bojxona terminlarining lingvistik taxlili va tarjima muammolari* [Linguistic analysis of tax and customs terms in English and Uzbek and problems of translation. Thesis]. Tashkent, 2016. 25 p. (In Uzbek).
5. Bogoslovskaya V.R. *Anglicizmy v russkoj sportivnoj lingvokul'ture koncza XX veka* [Anglicisms in Russian sports linguistic culture of the late twentieth century. Thesis]. Book 1. Volgograd, 2003. (In Russ.).
6. Bambygydenova S.B. O teoreticheskix issledovaniyax klassicheskogo sporta i nacional'nyx sportivnyx igr buryat: sociologicheskij analiz [On theoretical studies of classical sports and national sports games are being drilled: a sociological analysis]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development], 2014, no. 8, pp. 49-53. (In Russ.).
7. Vlasicheva V.V. *Tyurkizmy v sovremenom anglijskom yazyke* [Turkisms in modern English]. *Vestnik VolGU* [Bulletin of Volgograd State University]. Series 2, Linguistics, 2010, no. 2-12. (In Russ.).
8. Gynin V.I. Nekotorye xarakternye osobennosti zaimstvovaniy v sportivnoj terminologii [Some characteristic features of borrowing in sports terminology]. *Nauchnaja rech'. Lingvometodicheskie aspekty opisaniya i prepodavaniya* [Scientific speech. Linguistic and methodological aspects of description and teaching]. Moscow, 1988. (In Russ.).
9. Kadirbekova D.Kh. *Inglizcha-ozbekcha axborot-kommunikaciyasi texnologiyalari terminologiyasi va uning leksikografik xususiyatlari* [English-Uzbek ICT terminology and its lexicographic features. Abstract of thesis]. Tashkent, 2017. 44 p. (In Uzbek).
10. Loginova Z.S. *Anglicizmy v sportivnoj terminologii russkogo yazyka: sinxronno diaxronicheskaya xarakteristika* [Anglicisms in the sports terminology of the Russian language: synchronously diachronic characteristic. Thesis]. Tashkent, 1978. 181 p. (In Russ.).
11. Medetova M.E. *Inoyazychnye zaimstvovaniya v russkom yazyke (na materiale terminologii sportivnyx igr)* [Foreign borrowing in Russian (based on the terminology of sports games)]. *Sravnitel'no-sopostavitel'noe izuchenie jazykov i interferenciya* [Comparative study of languages and interference]. Alma Ata, 1989. (In Russ.).
12. Nishonov P. *Fransuz va o'zbek tillari yuridik terminologiyasining qiyosij-tipologik tadqiqi* [Comparative-typological study of legal terminology of French and Uzbek languages. Abstract of thesis]. Tashkent, 2009. 26 p. (In Uzbek).
13. *Derivacion-semantik xususiyatlari (y'zbek, qoraqalpoq, ingliz va rus tillari misolida)* [Derivative and semantic features of ecological terms (in examples of Uzbek, Karakalpak, English and Russian languages)]. Tashkent, 2016. 88 p. (In Uzbek).
14. Shagalova E.N. *Slovar' novejshix inostrannyx slov* [Dictionary of the latest foreign words]. Moscow, AST-Press, 2019. (In Russ.).
15. Yuldashev I.J. *O'zbek kitobchilik terminologiyasi; shakllanishi, taraqqiyoti va tartibga solish* [Uzbek textbook terminology; formation, development and regulation. Thesis]. Tashkent, 2005. 323 p. (In Uzbek).
16. Yarmolinets L.G. Nekotorye osobennosti funkcionirovaniya igrovyx sportivnyx terminov v sovremenom anglijskom yazyke [Some features of the functioning of game sports terms in modern English]. *Lingvisticheskie edinicy raznyh urovnej v jazyke i rechi* [Linguistic units of different levels in language and speech]. Krasnodar, 1988. (In Russ.).
17. www.finversia.ru/finhandbook/finatlas/gazeta-ru-799
18. www.gazeta.ru
19. www.kun.uz

НОМИНАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ПЕЧАТНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

А. А. Биюмена

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Описаны результаты исследования субстантивной лексики в печатном медиадискурсе советского периода на материале статей, посвященных трудовой деятельности. Выделены семантические группы частотных имен существительных советского трудового медиадискурса, отмечена его солидаризирующая функция, а также обусловленность содержания и языкового оформления трудового дискурса материалами партийных съездов и пленумов.

Ключевые слова: *имя существительное, интердискурсивность, медиадискурс, солидарность, трудовой дискурс.*

К важнейшим социальным функциям медиа традиционно относят [4; 6; 7; 11]: а) социализацию индивидов, рассматриваемую как включение их в общественные взаимоотношения через присоединение к единому информационному пространству; б) интеграцию общества, то есть обеспечение его целостности посредством системы представленных в СМИ каналов коммуникации, функционирующих на базе определенного социально-культурного сообщества, общих смыслов, символов и форм социальной солидарности; в) трансляцию и закрепление общественных норм, усвоение людьми социально-культурного опыта предшественников и способствование формированию иерархической структуры ценностных ориентаций личности.

Пресса является одним из мощных инструментов формирования и внедрения в общественное сознание ценностей, релевантных в данный период в конкретном обществе исходя из сложившейся социально-экономической обстановки. В средствах массовой коммуникации каждого общества строится свой миф, нацеленный на формирование единого коммуникативного пространства, что, в свою очередь, способствует единению нации [10. С. 299]. В отличие, например, от американского мифа, который акцентирует свободу, национальный нарциссизм, возможности роста для всех, в фокусе внимания советского мифа находится трудовой энтузиазм, вклад каждого в построение нового общества, работа на пределе возможностей. При этом советский миф ставит общественные нормы выше норм биологических, общественное благо выше личных амбиций или семейных отношений [Там же].

Многие исследователи рассматривают советские медиа в качестве отдельной группы, имеющей специфические особенности и выполняющей ряд уникальных функций (Б. И. Есин, Т. Л. Каминская, Н. И. Клушина, С. Г. Корконосенко, В. Г. Костомаров, Т. И. Краснова, Д. Маккуэйл, Г. С. Мельник, О. Д. Минаева, В. А. Сидоров, Ю. С. Степанов, Д. М. Фельдман и др.). Автор нормативных теорий массовой коммуникации Дэнис Маккуэйл рассматривает советские медиа в качестве отдельной группы, имеющей специфические особенности и выполняющей ряд уникальных функций.

Советской прессе отводилась позитивная роль в формировании общества и движении к коммунизму, поэтому она имела большое влияние на процессы социализации, неформального общественного контроля и мобилизации в направлении запланированных социальных и экономических целей, в частности в продвижении социальных и экономических реформ [1. С. 26]. В 1920-х гг., после перехода СССР на административно-командное управление, в стране был принят курс на индустриализацию, строительство новых предприятий, повышение производительности труда. Для улучшения мотивации труда и стимулирования его результатов было предложено понятие социалистического соревнования, которое вплоть до распада СССР функционировало как одна из ключевых составляющих картины мира, создаваемой средствами массовой коммуникации страны. В январе 1929 г. газета «Правда» опубликовала статью В. И. Ленина «Как организовать соревнование», а в марте того же года в этой газете было напечатано обращение коллектива ленинградского завода «Красный выборжец» ко всему рабочему

классу с призывом вступить в соревнование [13]. Начиная с первой советской пятилетки (1928—1932) соцсоревнование разрастается до масштабов всей страны.

Статьи, посвященные ударному труду и соцсоревнованию, печатались в белорусских газетах на протяжении всего советского периода. С целью установления особенностей освещения указанной тематики в республиканской прессе того времени были проанализированы группы наиболее частотных субстантивных лексем советского трудового дискурса, поскольку наряду с глаголами имена существительные несут главную нагрузку в реализации коммуникативной интенции адресанта текста. Это обусловлено номинативной значимостью единиц, относящихся к данной части речи, исходя из которой отношение «имя существительное — предмет» образует доминантный тип номинации [17. С. 233]. Ведущую роль субстантивным лексемам отводят и в установлении референтной отнесенности высказывания, так как они «обеспечивают удержание в памяти необходимого референта, то есть представление о названных актантах и участниках ситуации» [8. С. 228].

Материал исследования составили 700 статей, опубликованных в центральных белорусских газетах: «Советская Белоруссия» (СБ), которая до 1932 г. носила название «Рабочий», и «Звезда» (Зв.) — в период с 1930 по 1988 г. В разные десятилетия существования советской страны меняются задачи общества и, соответственно, контент медиа, однако статьи указанной тематики присутствуют практически в каждом номере изданий. С точки зрения жанров в материале исследования представлены короткие новостные заметки, аналитические материалы, письма в редакцию, официальные политические программы, постановления и прочее, объединенные тематикой труда. Во всех примерах сохранена авторская орфография.

Группы частотных в советском трудовом дискурсе имен существительных представлены в таблице на с. 23.

Частотной группой существительных советского трудового дискурса являются единицы, номинирующие *органы власти и их деятельность*. Данную группу можно разделить на существительные, обозначающие различные органы власти (*партия, правительство, комиссия, горком*); лексемы, называющие мероприятия, проводимые органами власти (*съезд, пленум*); слова, называющие результаты этих мероприятий (*решение, постановление, призыв, поручение, ди-*

ректива): *Штодзеннае кіраўніцтва, кантроль і дапамога ЦК КПБ(б)Б, СНК БССР, гаркома КПБ(б)Б, унаўнаважанага Камісіі Совецкага кантроля забяспечылі выкананне ў тэрмін гэтага важнейшага задання партыі і ўрада* (Зв., 01.09.35); *Натхненыя гістарычнымі раішэннямі XIX з'езда партыі, хлебарабы ўключыліся ў сацыялістычнае спаборніцтва за вырошчванне ў гэтым годзе высокіх уражajaў сельскагаспадарчых культур* (Зв., 07.04.53); *Претворяя в жизнь исторические решения ЦК КПСС и Советского правительства, выполняя принятые обязательства, колхозы и совхозы Киевской области досрочно выполнили годовой план хлебозаготовок на 100,2 процента* (СБ, 30.07.58); *Поручение партии выполним!* (СБ, 10.01.64); *Рассветовцы с большим энтузиазмом знакомятся сейчас с решениями февральского Пленума ЦК КПСС, выступлением товарища Н. С. Хрущева* (СБ, 18.02.64); *Недавно Центральный Комитет Компартии Белоруссии одобрил повышенные обязательства передовых коллективов республики* (СБ, 14.12.83).

В сталинское время в данной группе присутствуют также слова, обозначающие лидера страны (*вождь, поводырь*): *На заклік правядыра* (СБ, 11.03.42).

В СССР средства массовой коммуникации подчинялись высшему контролю со стороны государственных органов и являлись составной частью других инструментов политической жизни. В. В. Барсукова рассматривает основные элементы партийной идеологии как прекоконструкты газетной речи, то есть «заданные смысловые элементы, регулярно воспроизводимые и конкретизируемые в пропагандистских целях» [2. С. 8]. Идеологические установки представляют собой дискурсообразующий фактор советской публицистики [Там же], определяя структуру, содержание и языковое воплощение газетных текстов. Можно также утверждать, что в текстах анализируемой тематики реализуется интердискурсивность медиакоммуникации, которую В. Е. Чернявская определяет как «отсылку не к конкретному тексту (что происходит при интертекстуальности), а к некоторым моделям, по которым построен текст, то есть имеет место диалог дискурсов» [15. С. 248]. В результате взаимодействия различных типов дискурсов происходят их взаимовлияние и лексическое взаимообогащение [14. С. 247]. Таким образом, советский политический дискурс выступает для медиадискурса как своеобразная система координат, моделирующая образ публицистического

Частотные имена существительные советского трудового медиадискурса

Семантика имен существительных	Лексические единицы
Деятельность органов власти: а) наименования органов власти б) мероприятия органов власти в) результаты мероприятий органов власти	Партия, правительство, ЦК КПСС, горком, комитет, вождь Съезд, пленум Решение, постановление, призыв, поручение, директива
Коллектив	Завод, фабрика, колхоз, коллектив, звено, цех, бригада, экипаж, артель, предприятие
Профессия, род деятельности	Колхозница, рабочий, тракторостроитель, доярка, водник, сталевар, слесарь, учитель, киномеханик
Лучшие работники	Передовик, ударник, стахановец, рационализатор, новатор, изобретатель, многостаночник
Единицы измерения: а) время б) результаты труда	Семилетка, пятилетка, год, квартал, месяц, неделя, сутки, смена Тонна, штука, гектар, процент, центнер, килограмм
Плановость	План, задача, цель, обязательство, график, задание, норма
Стремление к повышению эффективности труда	Возможности, ресурсы, резервы
Энтузиазм	Воодушевление, почин, поход, энтузиазм, инициатива, подъем, азарт, порыв, стремление, вдохновение
Соревновательность	Соревнование
Непрерывность	Ритм, ритмичность, пульс, темп, вахта
Изменение качества	Увеличение, уменьшение, сокращение, расширение, снижение, улучшение, ускорение, рост, прирост, усовершенствование, прибавление, интенсификация, укрепление
Содержание трудовой деятельности	Уборка, выпуск, реализация, отгрузка, заготовка, производство, изготовление, внедрение, проведение
Выполнение	Выполнение, перевыполнение, завершение
Характеристики и результаты трудовой деятельности: а) маркированные идеологически б) не маркированные идеологически	Эффективность, экономия, качество, бережливость, производительность, продуктивность, перевыполнение, подряд Срок, цена, результат, эффект
Положительная оценка: а) общая положительная оценка б) качества личности и характеристики деятельности	Удовлетворение, радость, успех, победа Добросовестность, ответственность, взаимовыручка, мастерство
Отрицательная оценка: а) общая отрицательная оценка б) нерадивые работники	Недостаток, упущение, отставание, опоздание, нарушение, непорядок, проблема, срыв, брак, невыполнение, невыполнение Отстающий, бездельник, прогульщик

текста.

Еще одна группа субстантивной лексики называет различные трудовые коллективы (коллектив, завод, фабрика, колхоз, коллектив, звено, цех, бригада, экипаж, артель, предприятие): *Увечары бригада сабралася на першую вытворчую нараду* (Зв., 05.09.35); *Вытворчыя перамогі калгасаў рэспублікі* (Зв., 24.09.44); *Калгаснікі сельгасарцелі «Хваля», натхненыя выдатнымі баявымі поспехамі савецкіх войск, рашылі датэрмінова разлічыцца з дзяржавай* (Зв., 27.08.44); *Тут створана дзесяць комсамольска-маладзевых звенняў, якія*

ўзначальваюць вопытных касцы (Зв., 01.08.44); *Цэхі калектыўнай стаханаўскай працы* (Зв., 23.05.53); *Лідзіруе экіпаж, дзе трактарыстам В. Лукашэвіч і камбайнерам І. Самуйловіч* (Зв., 01.10.72). Белорусская пресса таким образом выдвигает на первый план ценность сотрудничества и солидарности, подчеркивая, что в Советском государстве наилучших результатов можно достичь в процессе совместной деятельности, а социальная идентичность превалирует над личностной [5].

Многочисленна и разнообразна в проанализированных статьях и группа существительных, называ-

ющих людей по их профессии, роду деятельности: *Успехи водников; Обязательство спичечников* (СБ, 01.04.39); *Стахановцы-сплавицики* (СБ, 29.05.39); *Медзеплавільнікі перавыканалі план 12-ці дзен ліпеня на выплаўцы чарнавой медзі* (СБ, 17.07.42); *Стаханаўскую вахту нясуць тэкстыльшчыкі, гарбары, табачнікі, будаўнікі і рабочыя іншых прафесій* (Зв., 29.04.53); *С каждым днем растет число тяжеловесных поездов, проведенных жлобинскими паровозниками* (СБ, 20.07.58); *Сябры-буракаводы, на сраборніцтва* (Зв., 09.01.66). Как видно из приведенных примеров, данные номинации характеризует высокая степень детализации, при этом в подавляющем большинстве случаев речь идет о представителях рабочих профессий и сельскохозяйственных работниках.

Отдельная группа существительных обозначает лучших работников. В газетах всего советского периода для их номинирования используются лексемы *передовик* и *ударник*, с 1935 г. до конца 1940-х гг. самой популярной единицей этой группы становится *стахановец*, в 1950-х гг. в нее добавляются слова *рационализатор*, *изобретатель*, *новатор*, а в 1980-х — *многостаночник* и субстантивированное прилагательное *правофланговый*: *Машины сельских вынаходцаў* (Зв., 13.05.53); *Падтрымліваць пачынанні наватараў вытворчасці* (Зв., 18.01.53); *У перадавым калектыве кожны трэці рабрчы — рацыяналізатар* (Зв., 23.05.53); *Рядом с передовиками у нас нередко еще трудятся рабочие, которые не выполняют плановые задания* (СБ, 06.02.74); *Среди правофланговых — прорабские участки А. И. Козловского из Брестской ПМК-125...* (СБ, 25.10.83); *В основе успеха — движение многостаночников, овладение передовыми приемами труда, техническое перевооружение производства* (СБ, 14.12.83); *Более 220 ударников коммунистического труда работают с перевыполнением сменных заданий* (СБ, 07.10.83).

Ударный труд предполагает выполнение больших объемов работы, и газеты советского времени изобилуют материалами, сообщающими об этом. Ключевыми существительными таких статей являются лексемы, обозначающие единицы измерения времени (*семилетка*, *пятилетка*, *год*, *квартал*, *месяц*, *неделя*, *день*, *сутки*, *смена*) и результатов труда (*тонна*, *штука*, *гектар*, *процент*, *центнер*, *килограмм*): *Норма Наркамзема для ВППЛ-5 — 50 гектараў за 10 дзен. Ільноцерабільшчыкі Горацкай МТС абавязаліся ва што-б там ні стала добраякасна выканаць гэту норму за 7 дзен* (Зв., 05.07.1935); *Е. Д. Журова — четвертая на фабрика*

передовая работница, которая справилась с личным планом текущей пятилетки (СБ, 02.10.83); *Стахановец Хвойницкий выполняет норму на 183 проц., стахановка Левчукова — на 235 проц.* (СБ, 26.11.37); *14—15 норм за смену* (СБ, 01.04.39); *Дзве тысячы тон сталі звыш плана далі ў лістападзе сталевары 3-га мартэнаўскага цэха* (СБ, 05.12.42); *Нынче мы решили получить с каждого гектара посевов по 8 центнеров семян и столько же волокна льна-долгунца на площади 9 гектаров* (СБ, 29.07.58).

Трудовые подвиги советских граждан были неотъемлемой частью плановой экономики, в которой деятельность каждого работника детерминировалась нормативными заданиями. Семантика *плановости* в материале исследования выражается с помощью таких существительных, как *план*, *задача*, *цель*, *обязательство*, *график*, *задание*, *программа*, *норма*: *Дэкаднае заданне перавыканана* (СБ, 17.20.42); *Змена майстра Багамоловай штодзённа недавыконвае вытворчую праграму* (СБ, 14.10.42); *Перад намі, чыгуначнікамі, стайць адказейшая задача — у тэрмін закончыць увод у строй дэпо...* (Зв., 24.09.44); *План збожжапаставак выканан* (Зв., 27.08.44); *Опередив производственный график на 571 рабочий день, передовые вязальщицы выпустили с начала пятилетки по 384,5 тысячи пар носочных изделий* (СБ, 14.12.83).

В белорусских газетах также подчеркивается стремление к увеличению эффективности труда, для чего необходимо искать дополнительные ресурсы. Данная идея акцентируется с помощью имен существительных: *резервы*, *ресурсы*, *возможности*: *Нашы магчымаці невычарпальны* (Зв., 01.09.35); *Используем внутренние резервы* (СБ, 29.07.58); *Где нашли передовики глубинные резервы, позволившие им обогнать время?* (СБ, 14.12.83).

Советский медиадискурс подчеркивает добровольный характер повышенных обязательств и перевыполнения плановых показателей, а также энтузиазм и творческое вдохновение исполнителей. Данные идеи выражают имена существительные: *воодушевление*, *почин*, *поход*, *энтузиазм*, *инициатива*, *начинание*, *подъем*, *азарт*, *порыв*, *обязательство*, *стремление*, *вдохновение*: *Радасныя весткі аб усе растучым творчым энтузіазме на савецкіх фабрыках і заводах...* (СБ, 07.10.41); *Расце ініцыятыва рабочых* (Зв., 05.03.53); *Патрыятычны ўздым* (Зв., 29.04.53); *Падтрымліваць пачынанні наватараў вытворчасці* (Зв., 18.01.53); *Зберагчы 500 тон чорных і каляровых металаў у гэтым годзе — такое*

абавязальства прыняў калектыў магілеўскага заводу «Строммашына» ў адказ на пачын маскврычоў і лянінградцаў (Зв., 09.01.66); *У паходзе трактарабудаўнікі* (Зв., 08.01.66); *Встречающимся трудностям противопоставляется единый порыв творческого поиска и неутомимой энергии* (СБ, 24.05.64); *З такім жа патрыятычным імкненнем выконвае першую запаведзь калектыў саўгаса «Стрэлічава»* (Зв., 15.08.72); *Нарастае працоўны напал* (Зв., 07.12.72); *Их трудовой азарт неволью захватывал, хотелось стать такой же быстрой, умелой* (СБ, 02.11.83).

Примечательна семантика лексемы *поход*, которая используется в текстах трудовой тематики начиная с 1960-х гг. В словаре отмечены следующие ее значения: 1) передвижение войск или флота с какой-н. целью; 2) массовая организованная прогулка с определенной целью; 3) военные действия против кого-н.; 4) перен.: организованное выступление, действия против кого-чего-н. или для борьбы за что-н. [9. С. 854]. На наш взгляд, в советском трудовом дискурсе существительное *поход* приобретает новое значение, вытекающее из четвертого указанного выше словарного значения «организованная трудовая деятельность коллектива по достижению заранее запланированной цели»: *У саборніцтва калгасных брыгад, трактарных атрадаў, у паход імя таварыша Гікало за лён, за соцыялістычную жывёлагадоўлю павінны быць уцягнуты новыя тысячы людзей соцыялістычнай вёскі* (Зв., 08.07.35).

Энтузиазм работников выражается и в проявлении инициативы участия в социалистическом соревновании. Данное понятие можно во многом считать ключевой идеей, определяющей смысл трудовой деятельности советских граждан. Поэтому существительное *соревнование* и сочетание *социалистическое соревнование* относятся к самым частотным лексическим единицам в материале исследования: *Условия социалистического соревнования у нас четкие* (СБ, 27.04.74). Часто лексема *соревнование* сочетается с предложением *за*: *Поспехі калектыву ў рэспубліканскім саборніцтвы за забеспячэнне своечасовай перапрацоўкі малака і перавыкананне планаў вытворчасці прадукцыі ў зімовы перыяд...* (Зв., 12.09.86).

В разные годы пресса призывает советских людей включиться в социалистическое соревнование: за успешное выполнение принятых обязательств; увеличение производства сельскохозяйственных продуктов; увеличение выпуска высококачественных товаров народного потребления; досрочное

выполнение плановых заданий; достойную встречу 50-летия образования БССР (66-й годовщины Великого Октября, 40-летия освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков) и т. д. Таким образом, поводом для объявления участия в соцсоревновании в БССР могли послужить любые государственные праздники, а также обозначенные партией и правительством приоритетные экономические задачи.

Кроме того, весьма популярно в прессе 1970—80-х гг. сочетание *победитель социалистического соревнования* как обозначение лучших работников: *Напрыклад, Валяціна Кісель выходзіла пераможцай сацыялістычнага саборніцтва...* (Зв., 11.07.86).

С 1950-х гг. в материалах печатных изданий начинает акцентироваться идея *непрерывности*, которую эксплицируют субстантивные лексемы *ритм, ритмичность, пульс, темп, вахта*: *На вахце — жывелаводы* (Зв., 19.02.66); *Вагонники дали слово при любой погоде держать высокий темп в труде* (СБ, 03.03.64); *На предмайской трудовой вахте* (СБ, 17.04.64); *Рытм жніва* (Зв., 09.08.72); *Это помогло сохранить высокую ритмичность «первичек», дающих полуфабрикаты для установок дальнейшей очистки* (СБ, 04.12.83).

В советском трудовом дискурсе наблюдается модификация семантики существительного *вахта*, имеющего следующие словарные значения: 1) во флоте: дежурство, а также смена, несущая такое дежурство; 2) место, помещение для вахтеров; 3) человек или группа лиц, работающих посменно [9. С. 114]. В материале исследования данная лексема используется в значении «непрерывная самоотверженная работа, которую обеспечивает трудовой коллектив».

В проанализированных текстах встречается большое количество существительных, обладающих семантикой *изменения качества*: *Рост самалетабудаўніцтва* (СБ, 09.07.42); *Мы ведаем, што ад нашай працы, ад павелічэння выпуску зброі залежыць поспех разгрому Гітлера* (СБ, 01.05.42); *Рабочыя цэха ўносяць значны ўклад у справу ўдасканалення тэхналогіі* (Зв., 05.03.53); *Работа на расшырэнню пасеўных плошчаў за кошт тарфянікаў прадаўжаецца* (Зв., 14.06.53); *Собрание наметило меры, направленные на улучшение руководства социалистическим соревнованием...* (СБ, 27.07.58); *Сярэднясутачнае прыбаўленне ў вазе цяляці складае 600—700 грамаў* (Зв., 18.02.66); *З поспехі, дасягнутыя ў павышэнні ўраджайнасці, павелічэнні вытворчасці*

і нарыхтовак цукровых буракоў, Прэзідыум Вярхоўнага Савета СССР Указам ад 31 снежня 1965 года ўзнагародзіў ордэнамі і медалямі СССР вялікую групу перадавікоў буракаводства раду саюзных рэспублік (Зв., 04.01.66); *Выступившие на совещании ... рассказали о конкретных мероприятиях по дальнейшей интенсификации сельскохозяйственного производства* (СБ, 03.03.64); *І селета тут імкнуцца да паскарэння вытворчасці прадукцыі* (Зв., 12.09.86); *Укрепление кормовой базы позволило хозяйству досрочно выполнить план трех лет пятилетки по продаже молока и мяса* (02.12.83).

Как видно из приведенных примеров, абстрактные существительные с семантикой увеличения (*повышение, расширение* и т. п.) обычно обладают положительной оценочностью в контексте газетных материалов. Кроме того, позитивное значение имеют и слова «уменьшения» (*сокращение, понижение* и т. п.), если они сочетаются с лексемами, называющими явления, для которых желательны низкие показатели (*себестоимость, сроки* и др.): *Барацьба за якасць прадукцыі, зніжэнне сабекошту, барацьба за няўхільны рост унутрыпрамысловых наапаўненняў, — усё гэта стаіць, як усеабдымная рашаючая праблема для кожнага прадпрыемства, для ўсіх галін прамысловасці* (Зв., 04.07.35); *Одно из них — сокращение сроков ремонта оборудования* (СБ, 04.12.83). В негативных контекстах существительные данной группы в проанализированных статьях практически не используются.

Все существительные изменения качества — абстрактные отглагольные единицы, представляющие собой трансформированные глагольные высказывания, в которых нейтрализуется большинство признаков глагола. Представитель французской школы анализа дискурса П. Серио выделил «номинализацию», то есть обилие в тексте отглагольных существительных, в качестве яркой особенности советского политического дискурса. Из-за регулярного использования номинализированных слов и сочетаний вместо глаголов все процессы, о которых сообщается в тексте, обезличиваются, что ведет к значительной двусмысленности и неопределенности дискурса и позволяет субъекту снять с себя ответственность за происходящее [12].

Частотной в материале исследования является и группа отглагольных существительных, указывающих на *содержание трудовой деятельности* людей конкретных профессий (*уборка, выпуск, реализация, отгрузка, заготовка, производство,*

изготовление, обработка, внедрение, проведение и т. д.). В белорусских советских газетах эти лексемы обычно сочетаются с существительными в форме родительного падежа, которые П. Серио также считает одной из констант советского политического дискурса [12. С. 339]: *І тут Анісім Іванавіч расказаў, як іх ферма ў гэтым годзе, як ніколі змаглася за вырошчванне маладняка* (Зв., 21.08.35); *Начат выпуск мягкой мебели на пружинах непрерывного плетения* (СБ, 01.10.58); *На ўборцы «другога хлеба» самаддана працавалі не толькі механізатары* (Зв., 01.10.72); *3 планам по нарыхтоўцы сена справіліся паспяхова* (Зв., 12.09.86); *Экономический эффект от внедрения новинки составил 430 рублей* (СБ, 04.12.83).

Отдельно среди отглагольных существительных можно выделить лексемы, имеющие семантику *завершения* (*выполнение, завершение, окончание*): *Хлебаробы робяць усе для таго, каб побач з паспяховым завяршэннем сяўбы азімых, нарыхтоўкай кармоў для грамадскага статку хутчэй убраць бульбу, выканаць два плана продажу клубняў дзяржаве* (Зв., 15.09.72); *На предприятии много внимания уделяют выполнению планов производства по ассортименту и качеству продукции* (СБ, 07.10.83). Данные единицы преимущественно используются для того, чтобы указать на достижение запланированных показателей.

Важная группа субстантивных слов трудового медиадискурса — это абстрактные существительные, номинирующие идеологически маркированные *характеристики и результаты трудовой деятельности*, представляющие собой, в терминологии Т. В. Шмелевой, ключевые слова текущего момента (КСТМ). Как пишет исследователь, «каждый текущий момент выдвигает в центр общественного сознания фрагмент словаря, заключающий в себе понятия наиболее значимые, обсуждаемые повсеместно» [16. С. 33]. В советском государстве «язык каждого нового текущего момента задавался “сверху”, что делало его в известной степени сакрализированным и практически исключало обсуждение, анализ, критику» [16. С. 33]. В разные десятилетия в фокусе внимания прессы находятся такие обсуждаемые на партийных съездах и пленумах понятия, как эффективность, экономия, бережливость, производительность, продуктивность, качество продукции, перевыполнение планов и прочее, а соответствующие им абстрактные существительные регулярно используются в заголовках и текстах советских газет. В материале исследования в качестве КСТМ

можно выделить слова и сочетания: 1950-х гг. — *производительность труда, перевыполнение планов и экономия*; 1960-х гг. — *высокая выработка, химическая промышленность, скоростной (поточный) метод, производительность труда, механизация*; 1970-х гг. — *эффективность производства, высокие показатели, перевыполнение планов*; 1980-х гг. — *бригадный/коллективный подряд, ускорение производства, техническое переоснащение производства, экономия и бережливость, производительность, продуктивность труда, качество: Включившись в социалистическое соревнование за достойную встречу 40-летия БССР, овощеводы активно борются за **перевыполнение плана** (СБ, 02.10.53); За **перавыкананне дзяржаўных заданняў** на вырошчванню ільну многія ільнаводы атрымалі дадатковую аплату (Зв., 06.03.53); Высокай **прадукцыйнасці** працы дасягнулі ў гэтыя дні многія механізатары Ружанскага і Брэсцкага раенаў (Зв., 07.04.53); Стаханавыя метады **эканоміі** металу (Зв., 13.05.53); Высокай **выпрацоўкі** дабіваюцца ў гэтыя дні трактарысты Уладзімір Дубовік і Мікалай Баршчэўскі (Зв., 22.02.66); Главная задача, поставленная перед нами партией, всемерно **повышать эффективность производства** (СБ, 06.02.74); Свеклу в хозяйстве по праву считают надежным подспорьем в борьбе за **продуктивность ферм** (СБ, 02.12.83); Днем наивысшей **производительности труда, отличного качества продукции** стал субботник для многотысячного коллектива Пинского производственного прядильно-трикотажного объединения (СБ, 16.10.83)*

Часто встречаются в материалах прессы в течение всего анализируемого периода и другие абстрактные существительные, которые относятся к характеристикам и результатам трудовой деятельности (*срок, цена, результат, качество, эффект*): *Будаўніцтва цаплаходаў будзе арганізавана паточным метадам, што значна скароціць **тэрміны** іх зборкі, падзешавіць **кошт*** (Зв., 09.01.66); *Лучших **результатов** в соревновании добились работники смены старшего осмотрищика т. Сапача* (СБ, 03.03.64).

Еще одна группа субстантивной лексики, регулярно встречающейся в белорусских газетных статьях на тему труда, — это слова, выражающие положительную оценку (*удовлетворение, радость, успех, победа, внимание, забота*): *Об **успехах** своего звена в выращивании льна и кукурузы рассказала комсомолка сельхозартели «Перемога» т. Зайцева* (СБ, 29.07.58); *Центральный Комитет*

*КПСС и Совет Министров СССР горячо поздравили строителей, монтажников, эксплуатационников с большой трудовой **победой** — вводом в действие последних агрегатов на Братской электростанции* (СБ, 16.01.64); *С огромным **удовлетворением** встречено здесь решение Сентябрьского пленума ЦК КПСС о созыве XXI Съезда партии* (СБ, 01.10.58); *Рабочья карыстаюцца ўвагай і клопатамі дырэктара соўгаса* (Зв., 03.07.35).

Отдельно в группе позитивнооценочных существительных выделяются лексемы, относящиеся к качествам личности и характеристикам деятельности (*добросовестность, ответственность, взаимовыручка, мастерство*). Данные единицы подчеркивают качества, которые желательно проявлять при выполнении трудовой деятельности: *Эти путевки повысили **ответственность** людей за качество ремонта и осмотра подвижного состава* (СБ, 03.03.64); *Высокая **сознательность и дисциплина**, постоянный творческий поиск, товарищеская **взаимопомощь** — вот микроклимат каждой рабочей смены* (СБ, 03.01.74); *Атмасфера сяброўскай **узаемадапамогі**, высокае прафесійнае **майстэрства** працуючых на ўчастку дазволілі калектыву неаднаразова выходзіць у лік лепшых у сацыялістычным спаборніцтве* (Зв., 23.08.86).

Присутствуют в материале исследования и статьи, описывающие неудовлетворительную работу. Их максимальная концентрация наблюдается в белорусских газетах в 1930-х гг., в один из периодов наиболее высокого уровня агрессивности прессы в стране [3], в последующие десятилетия количество негативных статей о трудовой деятельности в проанализированных изданиях незначительно. В данных материалах описываются такие отрицательные явления, как невыполнение плановых показателей, нарушения трудовой дисциплины, проблемы в организации работы конкретных предприятий и т. п. Самыми распространенными именами существительными в этих текстах являются абстрактные слова: *недостаток, упущение, отставание, опоздание, нарушение, беспорядок, проблема, срыв, брак, невыполнение, невыполнение: **Невыкананьне** прамфінпляну ў прамысловасці БССР выклікае сур'езную трывогу ў радох рабочае клясы Заходняй Беларусі* (Зв., 06.04.30); *Да выпуску запасных частак да трактароў і трактарных плугоў Віцебскі завод «Чырвоны металіст» з-за адсутнасці сырцу прыступіў з вялікім **спазненнем*** (Зв., 09.02.34); ***Недахопы** ў рабоце прамысловасці — ёсць перш за ўсё **рэзультат прабелаў** у выхаванні*

кадраў (Зв., 04.07.35); **Непарадкі ў сталовай** (Зв., 06.06.53); **Толькі за май пушчана ў брак 7,316 кілаграмаў металу** (Зв., 16.06.53); **А вот в сельскохозяйственном производстве больше упуцений, чем успехов; Анализировались факты нарушения дисциплины труда** (СБ, 04.12.83); **За ўвесь час яе існавання не было ніводнага выпадку парушэння працоўнай дысцыпліны** (Зв., 11.07.86); **Зрывы ў выкананні планавых заданняў дапусцілі: Пінскі завод кавальска-прэсавых аўтаматычных ліній...** (Зв., 23.08.86).

Для обозначения работников, плохо выполняющих порученные задания, обычно используются существительные *прогульщик* и *бездельник*, а также субстантивированное прилагательное *отстающий*: *На откормочном пункте кормятся бездельники-заготовители, а свиньи голодают; Прогульщик позорит почетное пролетарское звание* (Рабочий (СБ), 19.11.32); *Здесь воплощены принципы и «Рабочей эстафеты», и движений «Работать без отстающих», «Качеству — рабочую гарантию»* (СБ, 02.10.83).

Таким образом, статьи с тематикой труда представляют собой яркий пример реализации категории солидарности в медиадискурсе, поскольку его важнейшими функциями выступает объединение аудитории и ее мобилизация на ударную работу и трудовые подвиги.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о высокой степени интердискурсивности белорусской советской прессы, ее тесной связи с политическим дискурсом: как смысловая структура текстов, так и их конкретное языковое наполнение оказываются во многом детерминированными решениями и постановлениями партийных съездов и пленумов. В семантике частотных субстантивных лексем печатного трудового дискурса объективируются базовые ценности и идеологические смыслы советской эпохи: трудовой энтузиазм и самопожертвование, коллективизм, участие властных органов во всех сферах жизни людей, признание рабочих профессий наиболее почетными в стране, плановость экономики.

Список литературы

1. Бакулев, Г. П. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции / Г. П. Бакулев. — М., 2005.
2. Барсукова, В. В. Русский газетный дискурс тоталитарной эпохи в его обусловленности меняющейся партийной идеологией (на материале статей и заметок экономической тематики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Барсукова. — Пермь, 2011. — 22 с.
3. Биюмена, А. А. Содержание медиатекстов как отражение ситуации в обществе / А. А. Биюмена // Вестн. МГЛУ. Сер. 1: Филология. — 2019. — № 4 (101). — С. 32—39.
4. Венедзіктаў, С. Сацыяльная адказнасць СМІ ў працэсе развіцця грамадскай супольнасці / С. Венедзіктаў // Журналістыка-2008: стан, праблемы, перспектывы: матэрыялы 10-й міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; рэдкал. С. В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. — Вып. 10. — 2008. — С. 340—342.
5. Ерофеева, И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре: репрезентация ценностей в журналистике начале XXI века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Ерофеева. — СПб., 2010. — 51 с.
6. Іўчанкаў, В. І. Дыскусія беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту : дыс. ... д-ра філал. навук / В. І. Іўчанкаў. — Мінск, 2003. — 232 л.
7. Корконосенко, С. Г. Основы журналистики : учебник / С. Г. Корконосенко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2007.
8. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — М., 2004.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. — 26-е изд., испр. и доп. — М., 2009.
10. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. — Киев ; Москва, 2001.
11. Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики: учебник / Е. П. Прохоров. — 5-е изд., испр. и доп. — М., 2003.
12. Серио, П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио ; предисл. Ю. С. Степанова. — М., 1999. — С. 337—383.
13. Социалистическое соревнование // Большая Советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — Т. 24, кн. 1. — М., 1976. — С. 240—241.

14. Тужилина, Ю. М. Неоднородность как одна из основных характеристик масс-медийного дискурса / Ю. М. Тужилина // Вестн. ТГУ. — 2011. — № 9 (101). — С. 246—249.
15. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. — М., 2009.
16. Шмелева, Т. В. Ключевые слова текущего момента / Т. В. Шмелева // *Collegium*. — 1993. — № 1. — С. 33—41.
17. Языковая номинация (Общие вопросы) / А. А. Уфимцева [и др.] ; отв. ред. Б. А. Серебrenников, А. А. Уфимцева. — М., 1977.

Сведения об авторе

Биумена Анна Александровна — кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры речеvedения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета, Минск, Беларусь. a-mesyats@tut.by.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 21—30.*

NOMINATIVE VOCABULARY IN THE PRINTED MEDIA DISCOURSE OF THE SOVIET PERIOD

A.A. Biyumena

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus. a-mesyats@tut.by

The article describes the results of a study of substantive vocabulary in the Soviet printed media discourse based on articles on labor activities. It has been exposed that the most frequent semantic groups of nouns of the Soviet labor media discourse include words denoting activities of authorities, collective workers, professions and occupations, best employees, planning, work results and characteristics, enthusiasm, competitiveness, continuity, quality change, positive and negative evaluation, etc. The paper emphasizes that one of the main functions the Soviet labor discourse performed was solidifying and mobilizing the audience. It has also been revealed that the content and linguistic features of the articles devoted to labor activities are highly influenced by materials of party congresses and plenums.

Keywords: *inter-discursiveness, labor discourse, media discourse, noun, solidarity.*

References

1. Bakulev G.P. *Massovaya kommunikaciya: Zapadnye teorii i koncepcii* [Mass communication: Western theories and concepts]. Moscow, 2005. (In Russ.).
2. Barsukova V.V. *Russkij gazetnyj diskurs totalitarnoj epohi v ego obuslovlennosti menyayushchejsya partijnoj ideologii (na materiale statej i zametok ekonomicheskoy tematiki)* [Russian newspaper discourse of the totalitarian era in its conditioning by a changing party ideology (based on articles and notes on economic topics). Abstract of thesis]. Perm', 2011. 22 p. (In Russ.).
3. Biyumena A.A. *Soderzhanie mediatekstov kak otrazhenie situacii v obshchestve* [The content of media texts as a reflection of the situation in society]. *Vestnik MGLU. Ser. 1, Filologiya* [MSLU Journal. Ser. 1, Philology], 2019, no. 4 (101), pp. 32-39. (In Russ.).
4. Venedziktaw S. *Sacyal'naya adkaznasc' SMI w pracese razviccyja gramadskaj supol'nasci* [Social responsibility of the media in the development of civil society]. *Zhurnalistyka-2008: stan, prablemy, perspektyvy* [Journalism-2008: state, problems, perspectives]. Minsk, BSU, 2008, pp. 340-342. (In Belarusian).
5. Erofeeva I.V. *Aksiologiya mediateksta v rossijskoj kul'ture: reprezentaciya cennostej v zhurnalistike nachale XXI veka* [Axiology of the media text in the Russian culture: representation of values in journalism at the Beginning of the 21st Century. Abstract of thesis]. St. Petersburg, 2010. 51 p. (In Russ.).
6. Iuchankaw V.I. *Dyskurs belaruskich SMI. Arganizacyja publicystynaga tekstu* [Belarusian media discourse. Organization of journalistic text. Thesis]. Minsk, 2003. 232 p. (In Belarusian).

7. Korkonosenko S.G. *Osnovy zhurnalistiki* [Journalism basics]. 2nd ed. Moscow, 2007. (In Russ.).
8. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanij o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to gain knowledge of the language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow, 2004. (In Russ.).
9. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: Ok. 100 000, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: about 100,000 terms and phraseological expressions]. 26th ed. Moscow, 2009. (In Russ.).
10. Pochepcov G.G. *Teoriya kommunikacii* [Communication theory]. Kiev, Moscow, 2001. (In Russ.).
11. Prohorov E.P. *Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki* [Introduction to journalism theory]. 5th ed. Moscow, 2003. (In Russ.).
12. Serio P. *Russkij yazyk i sovetskij politicheskij diskurs: analiz nominalizacij* [Russian language and Soviet political discourse: An analysis of nominalizations]. *Kvadratura smysla: Francuzskaya shkola analiza diskursa* [Sense quadrature: French school of discourse analysis]. Moscow, 1999. (In Russ.).
13. *Socialisticheskoe sorevnovanie* [Socialist competition]. *Bol'shaya sovetskaya enciklopediya. T. 24. Kn. 1* [Great Soviet Encyclopedia. Vol. 24. Book 1]. Prohorov A.M. (ed.). 3rd ed. Moscow, 1976. (In Russ.).
14. Tuzhilina Yu.M. *Neodnorodnost' kak odna ih osnovnykh harakteristik mass-medijnogo diskursa* [Inhomogeneity as one of the main characteristics of media discourse]. *Vestnik TGU* [TSU Journal], 2011, no. 9 (101), pp. 246-249. (In Russ.).
15. Chernyavskaya V.E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Text linguistics: Multi-coding, intertextuality, inter-discursiveness]. Moscow, 2009. (In Russ.).
16. Shmeleva T.V. *Klyucheve slova tekushchego momenta* [Keywords of the current moment]. *Colloquium*, 1993, no. 1, pp. 33-41. (In Russ.).
17. Serebrennikov B.A., Ufimceva A.A. (ed.) *Yazykovaya nominaciya (Obshchie voprosy)* [Language nomination (General issues)]. Moscow, 1977. (In Russ.).

ИГРА СЛОВ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО-КИТАЙСКОЙ РЕКЛАМЫ

О. Н. Болдырева¹, Ао Линлу², Сунь Жаньжань²

¹Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия

²Университет Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР

Объект исследования — игровой сегмент рекламного дискурса. Актуальность темы: игра слов стала одним из незаменимых методов создания современной рекламы: используемые в рекламе методы игры не только очень богаты, но и формируют уникальный стиль. Авторы анализируют средства языковой игры в рекламе по шести аспектам: произношение, письмо, словообразование, словарный запас, семантика и морфология в двух языках — русском и китайском.

Ключевые слова: текст, дискурс, рекламный текст, структура, лингвостилистические особенности.

Современное общество — это информационное общество. Реклама как средство распространения информации стала неотъемлемой частью жизни людей. С течением времени и экономическим развитием волна рекламы, кажется, достигает всех уголков общественной жизни. Неважно, идете вы на улицу, в супермаркет, театр, едете в автобусе или сидите дома, смотрите телевизор, слушаете радио, просматриваете газеты и журналы. Реклама — это концентрированный и интегрированный язык искусства. В последнее время она тщательно продумана, изобретательна и всесторонне использует несколько языков. Конечная цель — убедить потребителей совершить покупку. Эта цель определяет ее языковой стиль и характеристики и делает ее независимой от других стилей. Следует отметить, что в современном языке языковая игра используется как способ привлечения внимания, и для достижения ярких эффектов необходимо нарушать правила языка. Проявлением этой тенденции в слогане является широкое использование игры слов.

Основная причина, по которой рекламодатели предпочитают игру слов, заключается в том, что этот ход имеет огромное преимущество. Кроме того, в определенном контексте игра слов может вызвать ассоциации и запечатлеться в памяти, «видеть мудрость в юморе» и достигать эффекта «потрясающей фразы», позволяя читателям войти в роль, описанную в рекламе. Контекстуальные эффекты создают позитивное отношение к идее и, наконец, достигают цели — товар покупают.

В настоящее время в русской и китайской рекламе используется игра слов.

Со стремительным развитием современной индустрии социальной рекламы под влиянием глобализиро-

ванной рыночной экономики реклама стала важной частью повседневной жизни людей. У ученых разные взгляды на определение языка рекламы. Некоторые ученые считают, что рекламный язык — это естественный язык, используемый в рекламе, который языковые единицы и знаки — слова, предложения, знаки препинания и т. д. Другие ученые считают, что под рекламным языком понимаются все семиотические средства и методы, используемые в рекламе, в основном это звук, музыка, изображения, танцы, цвет и т. д. Обе перспективы имеют свои рациональные элементы, но с непрерывным развитием и диверсификацией рекламных средств массовой информации в современном обществе вторая перспектива становится все более доминирующей. В дополнение к традиционным газетам, журналам и телевизионным передачам появляется ряд новых рекламных средств, таких как онлайн-реклама. Итак, языком рекламы являются различные языковые и невербальные формы, используемые в производстве рекламы. Языки рекламы включают не только лингвистические формы, такие как язык, но и невербальные семиотические формы, такие как музыка, танец и др.

Основные характеристики языка рекламы

Цель рекламной продукции — привлечь внимание широкой аудитории, стимулировать интерес людей, улучшить впечатление от товара и способствовать его приобретению. Поэтому в процессе производства рекламы необходимо учитывать следующие основные характеристики языка рекламы:

1. Точность. Язык рекламы должен быть точным, и актеры рекламы должны передавать правильную информацию о продукте аудитории. Основная

задача рекламы — передача информации. Полное обеспечение точности передаваемой информации является основным требованием к рекламе. Эта реальная информация в основном включает название продукта, производство, происхождение и т. д.

2. Популярная простота. Реклама является публичной. Выражение информации кратким и точным текстом — основное требование и характеристика рекламы. Поскольку у рекламной аудитории разные уровни образования, возраст и профессии, их способности к пониманию также различны. Чтобы создать информацию, которая должна приниматься широкой аудиторией, в рекламных кампаниях субъект рекламного поведения должен использовать часть повседневной жизни. Рекламопроизводители стараются избегать тех малоизвестных выражений, которые используются редко, и сделать рекламный язык максимально простым и лаконичным.

3. Новизна и интересный язык рекламы. Язык рекламы должен быть новым и интересным, то есть требуется, чтобы актеры рекламы использовали юмористический и современный язык для передачи оригинальной и свежей информации. Юмористические элементы в рекламе могут привлечь и впечатлить аудиторию. Поэтому основная часть рекламного поведения должна нарушать правила в рамках языковой игры и создавать оригинальный рекламный язык.

4. Воспроизводимость. Дж. Лич отметил: «Реклама, производящая неизгладимое впечатление, может повлиять на покупки клиентов» [1. Р. 125]. Рекламные актеры обычно добавляют различные риторические приемы в свои рекламные объявления, чтобы сделать язык живым и ярким, производя глубокое впечатление на аудиторию. Яркий рекламный язык может специально и ясно отображать рекламируемые товары перед аудиторией и глубоко запечатлеться в их умах.

Краткий обзор теории языковых игр

Философ Й. Хейзинга специализировался на анализе игровых элементов в культуре. Основные положения Хейзинга: «Игры — это соревнования»; «Игры можно назвать сверхнормальными бесплатными действиями, которые проводятся упорядоченным и ограниченным образом в ограниченном пространстве и времени»; «Мы можем назвать игру с точки зрения формы некой свободной деятельностью, которая осознается как настоящая, не связанная с обыденной жизнью и тем не менее способная полностью захватить играющего; которая не обуславливается никакими ближайшими

материальными интересами или доставляемой пользой; которая протекает в особо отведенном пространстве и времени, упорядоченно и в соответствии с определенными правилами» [6. С. 24]. Характерной чертой игры является ее повторение. Й. Хейзинга не только описывает игровое поведение, но также исследует игровые элементы искусства и других видов человеческой деятельности, таких как военные операции, свадебные церемонии, коронации и т. д. Исходя из этого мы можем понимать игру как бесплатную деятельность, которая соединяет интеллект и креативность, что происходит в определенное время и определенном пространстве, основывается на конкретных правилах и существует для развлекательных целей.

Если мы рассматриваем игры как коммуникативное поведение людей, то должны понимать, что это коммуникативное поведение может происходить в следующих ситуациях [3. С. 25]:

- 1) невербальное общение (например, спорт);
- 2) словесное общение (например, кроссворды);
- 3) игра, которая сочетает в себе два коммуникативных действия (например, драматическое представление).

Мы можем думать о языковых играх как о форме речевого поведения, и эта форма позволяет людям полностью выразить свою способность произносить слова и производить определенный юмористический эффект. Все мы знаем, что стандартный язык обычно имеет два основных элемента — нормативный и логичный. Он имеет определенную стандартную структуру. У нас должны быть определенные знания языковых спецификаций при использовании стандартного языка. В реальном процессе речевого общения, чтобы привлечь внимание слушателей, мы часто сознательно нарушаем некоторые языковые спецификации, то есть используем языковую игру.

Основные особенности и функции игры слов

Игра слов имеет некоторые примечательные особенности. Например, она может генерировать специальный условный шаблон для реальных действий. С помощью игры слов мы можем построить второй мир, отличный от повседневного. Сильный контраст игры слов, нарушая языковые нормы, имеет юмористический эффект. Формирование юмористических впечатлений предполагает необходимость двух элементов: нарушение языковых норм и сильный контраст. Чтобы игра слов достигла желаемого результата, основная ее часть должна не только нарушать языковые нормы, но, что бо-

лее важно, эффекты, которые будут достигнуты, должны иметь сильный контраст. Только резкие контрасты будут привлекать внимание аудитории. Игра слов изначально не преследует практических целей, основная ее цель — развлечение. Проще говоря, игра слов используется для того, чтобы приносить людям счастье и не допускать, чтобы их жизнь была слишком однообразной. Философ Ж. Ф. Лиотар считает это одним из основных атрибутов игры слов [4]. Например, некоторые словесные игры в литературном творчестве всегда будут доставлять читателям удовольствие. Кроме того, игра слов является основным компонентом языковых шуток, что весело для создателей и читателей. Однако в современных социальных сетях, особенно в рекламной индустрии, использование языковых игр имеет определенную практическую цель, что, конечно же, также является результатом постоянного развития общества.

Игра слов имеет особую красоту. Поскольку не существует фиксированных правил для создания игры слов, основная ее часть может использовать полную фантазию в соответствии с ее собственными творческими потребностями, связать ее с реальностью и создавать выдающиеся произведения. Однако, с другой стороны, игра слов является совершенно нерегулярной и не имеет норм для подражания. Один из основных принципов создания игры слов заключается в том, что получатели по обе стороны (основная часть и аудитория) должны быть в состоянии понять смысл игры. Например, языковые игры обычно используются в процессе дизайна рекламы, и создатели должны учитывать такие факторы, как уровень знаний потребителя или информационный резерв в процессе использования игры слов. Если потребители не могут узнать или понять игровой элемент в рекламе, тогда производство рекламы провалится. Это также показывает, что языковые игры не воображаются, а создаются произвольно. Существование игры слов обычно имеет следующие конкретные правила [3. С. 28]:

1. Есть участники игры — создатели и получатели.
2. Наличие игровых материалов — создатель использует язык, понятный получателю.
3. Наличие игровых условий.
4. Потребители должны понимать эти условия.
5. Поведение участников игры должно соответствовать условиям.

Игра слов многофункциональна, и с помощью анализа мы обнаруживаем, что она имеет следующие основные функции:

1. Эстетические функции. Основная часть игры создает для себя и своих получателей прекрасную языковую форму через языковые игры. Эту функцию часто называют функцией юмора, а использование языковых игр всегда дает определенный юмористический эффект.

2. Прагматическая функция. Используйте игру слов, чтобы привлечь внимание потребителя и позволить ему узнать оригинальную форму языка. Эту функцию часто называют функцией привлечения.

3. Выразительная функция. Игра слов может выразить смысл в графической и деликатной форме.

4. Описательные функции. Игра слов может визуализировать сцены разговора, персонажей и т. д.

5. Функция маскировки. Игра слов часто способна наложить маску разума и логики на некоторые вульгарные и абсурдные слова, которые запрещено говорить в культурном обществе.

6. Развлекательная функция. Основная цель игры слов — оставить потребителя удовлетворенным.

7. Усилить функции общения. Свобода словарного запаса и речевого потока является основной особенностью игры слов, поэтому она стала популярным явлением в современной коммуникационной деятельности.

В дополнение к упомянутым выше основным функциям языковых игр можно добавить следующие: функции сжатия, привлечения, развлечения, формирования мышления, выражения и оценки. Автор считает, что игра слов также имеет очень важную функцию создания языка. Поскольку языковая игра сама по себе способ обогащения языка, она является важной формой выражения идей. Игра слов часто может выражать мысли человека с помощью краткого и точного словарного запаса, что составляет ценный актив человеческого мышления.

Функции игры слов в рекламе

1. Повысить привлекательность рекламы.

Мы знаем: чтобы реклама была успешной, она должна сначала соответствовать требованиям привлечения внимания читателей. Игра слов основана на предпосылке нарушения языковых или речевых норм. Аномальные явления, возникающие из-за них, часто могут быть обнаружены быстрее. Тем не менее игра слов часто делает рекламу, особенно рекламные заголовки или слоганы, более привлекательной. По мнению итальянского ученого и философа Умберто Эко, навыки хорошей рекламы основаны на концепции информации.

Ключом к этой концепции информации является то, что чем привлекательнее тема, тем больше она разрушает нормы общения, тем самым трансформируя язык [5. С. 177].

2. Добавить веселья и отразить главную мысль.

Средства игры слов основаны на нарушении языковых или речевых норм. Если аудитория хочет выяснить, какие языковые правила и причины нарушены, это потребует много усилий, что принесет некоторую духовную радость и удовлетворение людям. И чем более уникальный метод игры слов используется, тем больше удовольствия это приносит аудитории, особенно некоторые слова, потому что они часто придают тексту эстетическую ценность. Эстетическое наслаждение, которое аудитория получает от рекламного текста, часто может повлиять на его оценку объекта рекламы. Хорошая реклама обычно заставляет рекламный продукт произвести хорошее впечатление на потребителя. Мало того, предпочтение продукта может также улучшить оценку человека, потому что он думает, что может понять и оценить элементы игры в тексте объявления.

3. Избегать критики со стороны аудитории и повысить оригинальность рекламы.

Психоаналитик З. Фрейд считает, что текст рекламы с игрой слов обладает способностью «ошеломлять» критические способности людей: «Человеческая мысль всегда ищет какую-то игристую упаковку, потому что эти слова могут привлечь внимание других, и этот текст может добавить смысл и ценность человеческой мысли. Но самым важным из всех причин является то, что упаковка может завоевать благосклонность людей и лишить людей возможности критиковать. Кроме того, нам также нравится форма игры слов, мы не хотим находить неправильные слова в этих словах, которые приносят нам счастье. В то же время, потому что мы боимся, что это заставит нас не получать удовольствия. Цель игры слов — преувеличить определенную идею, чтобы она была замечена и свободна от критики» [Цит. по: 2. С. 17].

4. Игра слов означает один из способов идеологического сжатия.

Все средства игры слов — концентрированные сущности. З. Фрейд показывает, что необходимым условием игры слов является лаконичность. По сравнению с обычными выражениями, которые соответствуют языковым и речевым нормам, многие средства языка используют меньше языковых единиц или средств для выражения определенной идеи.

Выражение игры слов в рекламном дискурсе

Методы выражения речи в игре слов

Языковое выражение игры слов основано на сходстве звуков, слогов или словарного запаса. Такие языковые игры не очень распространены в письменной рекламе, однако они очень выразительны и привлекательны. Они часто появляются одновременно с ошибками правописания в рекламных объявлениях, то есть отклоняются от орфографических и фонетических норм, придают фразам сильное чувство ритма и делают рекламный текст комедийным. Цель состоит в том, чтобы привлечь потребителей, оказать влияние на них и достичь лучших результатов рекламы.

Голосовое повторение

Повторение речи относится к использованию одного и того же звука или слога в предложении или строке. Этот феномен повторения часто используется в рекламных текстах для улучшения выразительности, ритма и музыки рекламных текстов при одновременном усилении рекламы, для привлечения внимания потребителей.

Например, в русской рекламе:

Cola — море прикола!

КНОРР- вкусен и скорр.

Пейте Пиво Пенное!

Это явление также существует в китайской рекламе:

药材好, 药才好! (Хорошие травы, хорошие лекарства).

默默无蚊[闻] (Молча без комаров [запах]).

衣衣[依依]不舍 (Одежда [зависит] не подходит) [7].

Повторное начало

Повторение начала — это повторение первого слова или фразы в начале непрерывной структуры. Его функция заключается в том, чтобы реклама достигла определенного звукового эффекта посредством повторения слов в фонетике, что усиливает ритм языка, производит глубокое впечатление и легко запоминается.

Например, в русской рекламе:

Всегда свежий. Всегда к месту.

В китайской рекламе:

美的空调, 美的享受! (Кондиционер красоты, наслаждение красотой!)

万家乐, 乐万家! (Счастливая семья — радость и счастье!) [10].

Средства выражения в языковых играх

Письмо является важной частью игры слов, и это нередко используемое выражение в рекламе. Имеется в виду шрифты, цвета, размеры, пробелы, знаки препинания, рисунки и т. д. Этот подход можно использовать в слове, фразе, предложении или во всем дискурсе. Суть написанного средства состоит в том, чтобы придать новое значение, выделив определенную часть слова или предложения, его функция — сохранить языковое пространство рекламного текста и расширить его информационную емкость. Основными целями использования методов письма в рекламных текстах являются: 1) привлечение внимания потребителей, 2) путем преобразования письменности сделать рекламные тексты ассоциативными, то есть дополнительными выражениями и эмоциональными значениями. Средства написания выражения влияют на человеческое зрение. Именно это слияние текстового и визуального языка позволяет рекламе достигать хороших результатов и делать рекламное производство успешным.

Например, в русской рекламе:

СЫРУ!!!

Visu. Здоровье для кожи. Здоровье для жизни. наСТОЯЩИЕ джинсы!

Например, в китайской рекламе:

一举“三”得。(Одним махом «три» получили).

无中“生”有。(Нет в «сыром» есть).

多多益善!(Как много!) [9].

Словарное выражение

Игра слов является главной особенностью современной рекламы. В настоящее время большое количество многозначных слов, словарных омофонов и случайных слов используется в рекламных текстах для создания игры слов. Неоднозначность словарного запаса может полностью соответствовать основным требованиям рекламы: лаконичность и большой объем информации. Лексические омофоны отличаются от многозначных. Многозначные слова — одно слово, омонимы — это два или три слова с одинаковым произношением, но разным значением. Лексические омофоны могут сделать рекламу неоднозначной и часто представляют собой каламбур. Случайное слово — это своего рода новое слово, которое находится в конкретной ситуации; чтобы достичь риторических целей, мгновенно создаются новые слова в соответствии со схемой словообразования. Случайные слова теряют свое значение без контекста. Эти словарные

средства составляют уникальную языковую игру, делающую рекламный текст юмористическим и выразительным.

Многозначные слова

Многозначные слова — это слова, имеющие два сознательных значения и более. Использование полисемии в рекламных текстах отвечает основному требованию рекламы: выразить объемную информацию в сжатой форме. В рекламном дискурсе полисемия создает языковую игру, которая позволяет зрителям по-разному интерпретировать рекламу. Кроме того, многозначные выражения являются юмористическими в рекламных текстах. Многозначность также может усиливать выразительность и ритм рекламного языка, быть легко запоминаемой и привлекать внимание аудитории.

Например, в русской рекламе:

ВАЗИЛИП — ваш сердечный друг.

Топ-модели доступны.

Пример в китайской рекламе:

人类失去“联想”,世界将会怎样?(Что произойдет с миром, когда человечество потеряет свою «ассоциацию»?)

情系中国结,联通四海心。(Любовь — китайский узел, Союз — четыре моря сердца) [8].

Лексический омофон

Омофоны — это слова, имеющие одинаковое произношение и письменную форму, но разные значения. Омонимы являются одним из распространенных выражений языковых игр в рекламных текстах. Игры-омонимы в рекламных текстах могут приводить к неоднозначности предложений, в основном путем встраивания названия продукта, услуги или компании в рекламное слово. Это широко используемый метод манипулирования языком в рекламном дискурсе для улучшения воздействия на аудиторию. Омофоны могут образовывать каламбуры, делая язык ярким, тонким и выразительным.

Например, в русской рекламе:

Все решает «СТАТУС».

Найди свой ОАЗИС!

Например, в китайской рекламе:

情系中国结,联通四海心。(Любовь — китайский узел, Союз — четыре моря сердца) [9].

Грамматическое выражение

Рандомные сравнительные и превосходные прилагательные

В последние годы для привлечения внимания аудитории к качеству продукции производители

рекламы часто используют специальный метод языковой игры, то есть сравнительные и расширенные формы рандомных прилагательных для оценки качества и количества продуктов. Это языковое игровое выражение широко используется в русских рекламных текстах.

В российской рекламе сравнительные степени нередко используются с относительными прилагательными, что является отклонением от норм современного русского языка и нарушает последнее. Однако исходя из значений этих прилагательных легко догадаться о значении рекламного текста и производительности продукта. Намерение производителя рекламы состоит в том, чтобы сделать рекламный текст новым и уникальным, манипулировать психологией аудитории и привлечь ее внимание.

Например, в русской рекламе:

— *Куда они спешат?*

— *На новый аромат Fairy!*

— *Яблочнее яблок! Лимоннее лимонов! Ягоднее ягод!*

*САМОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ!
КРУАССАНЫ MON BLAN.*

Но это явление редко встречается в китайской рекламе.

Цифровые средства выражения

Числа часто используются в рекламных текстах для представления экономических или культурных показателей. Числа являются одним из эффективных способов убедить клиентов. Рекламные тексты, особенно заполненные большими цифрами, оказывают глубокое влияние на аудиторию.

Например, в русской рекламе:

В 1 грамме — 300 метров нити;

220 грамм чистого удовольствия;

20 причин гордиться.

Например, в китайской рекламе:

充电5分钟, 通话2小时。(Зарядка 5 минут, разговор 2 часа) [7].

Количественное выражение

Языковая игра используется как в русском, так и в китайском рекламном дискурсе, и эта игра слов стирает границу между количеством и качеством посредством методов выражения, которые сознательно и преднамеренно нарушают количественные нормы. Производители рекламы используют этот метод, чтобы позволить аудитории совершенно по-новому интерпретировать рекламные объявления для достижения цели манипулирования аудиторией.

Например, в русской рекламе:

Больше, чем подарок.

Больше, чем вкус. Больше, чем йогурт. Больше, чем Ehrmann.

Например, в китайской рекламе:

多一些润滑、少一些摩擦。(Больше смазки, меньше трения).

喝酒不贪杯,健康长相随。(Пить не жадно, здоровье долго идет) [7].

Побудительные предложения

В рекламном дискурсе выбор предложений с разными коммуникативными целями зависит не только от различных функциональных факторов, но и от необходимости выражать дополнительное значение для производителя. Эта игра слов, представленная побудительными предложениями, широко используется в рекламных дискурсах на русском и китайском языках, и ее цель — призвать аудиторию принять меры и приобрести продукты.

Например, в русской рекламе:

Лови момент! Купи ноутбук IRU и выиграй цифровую камеру!

Возьми чудо с собой!

Например, в китайской рекламе:

要想身体好, 请饮健力宝! (Чтобы быть здоровым, пожалуйста, пейте бодрость!)

好吃点, 好吃你就多吃点! (Ешьте, ешьте больше!)

您想找个市场情报员吗? 您想请个致富参谋吗? 您想有个生活顾问吗? 您想聘个经济资料员吗? 请订阅《经济消息》! (Вы ищете маркетолога? Хотите разбогатеть? Вы хотите иметь консультанта по жизни? Вы хотите нанять специалиста по экономическим данным? Подпишитесь на «Экономические новости»!) [9].

Риторическое выражение

Рекламный язык имеет свои уникальные характеристики и не обладает формальными четкими ограничениями, поэтому в рекламных текстах используются риторические приемы, такие как метафоры, преувеличения, каламбуры и аналогии. Цель состоит в том, чтобы заставить в умах потребителей создать красивую ассоциацию посредством рекламы, потому что потребитель видит в рекламе не только определенный продукт или услугу, но и новый опыт, который продукт или услуга приносят потребителю или физическое наслаждение и удовлетворение от статуса, чувства. Задача состоит в том, чтобы убедить потребителей передавать красивые галлюцинации, создаваемые продуктами, через рекламное пространство,

чтобы потребители испытывали положительные эмоции в отношении продуктов и, таким образом, покупали товары.

Метафора

Метафора — это скрытое сравнение вещей или явлений с общими характеристиками, а метафорическое значение относительно расплывчато. Использование метафор в рекламных текстах очень распространено. Метафоры обычно понимают информацию о продукте, сопоставляя исходные домены с целевыми. Метафоры могут создать уникальное изображение для рекламы. Реклама как средство, цель которой дать возможность аудитории в полной мере понять информацию и сформировать желание ее купить. Метафоры в рекламных слоганах имеют уникальные характеристики, такие как содержание большого количества информации, инновационные средства выражения и культурное разнообразие. Преимущество метафоры в том, что она не только делает контент более тонким и красивым, но также стимулирует воображение аудитории и позволяет ей создавать свое собственное уникальное пространство воображения.

Например, в русской рекламе:

Новейшее средство против старения. Вашей машины. Для здоровья мотора.

Легкий путь к красоте.

Гармония жизни.

Например, в китайской рекламе:

国酒茅台,玉液之冠(茅台酒)。(Национальное вино Маотай, Нефритовая жидкая корона (Маотай)).

坐红旗车,走中国路(红旗轿车)。(Возьмите красный флаг, возьмите китайскую дорогу (красный флаг седан)).

中华永在我心中(中华牙膏) (Китай навсегда в моем сердце (китайская зубная паста)) [10].

Каламбур

Каламбур — это риторический прием, который сознательно придает предложению двойное значение в определенной языковой среде с использованием многозначности, омофона или аналогичных фонетических условий. Игра слов является сознательным нарушением языковых норм и творческого использования языковых единиц для достижения эффекта юмора. Каламбуры могут встречаться на фонетическом, лексическом и идиомном уровнях.

Например, в русской рекламе:

Поднимаем всё. Даже настроение.

Дорогие подарки для дорогих людей.

Хорошие хозяйки любят «Лоск».

Например, в китайской рекламе:

双脚不再生气。(Ноги больше не злятся).

孔府家酒,叫人想家。(Хонгфуо — это вино, которое заставляет людей скучать по дому).

要想皮肤好,早晚用大宝。(Для хорошей кожи, утром и вечером с большим сокровищем) [10].

Преувеличение

Преувеличение используется для описания вещей, чтобы вдохновить воображение аудитории и усилить силу того, о чем говорится в рекламе. Когда производитель рекламы создает объявление, он должен знать связь между точкой продажи продукта и целевой аудиторией. Преувеличение широко используется в рекламных текстах, оно может не только произвести впечатление на аудиторию, но и усилить гласность рекламного языка. Однако преувеличение должно использоваться при условии учета объективной реальности, иначе это будет контрпродуктивно.

Например, в русской рекламе:

Мировые двери.

Возьми кино в дорогу!

Например, в китайской рекламе:

今年二十,明年十八。(В этом году двадцать, в следующем восемнадцать).

印刷公司除钞票外,承印一切。(Полиграфическая компания печатает все, кроме банкнот).

一年卖出七亿多杯,杯子连起来可绕地球两圈。(Продано более 700 миллионов чашек в год, чашки могут быть соединены вокруг Земли в два оборота).

鸿茅药酒每天喝两口,疾病都溜走。(Хон Мао выпивает два глотка в день, и болезнь ускользает) [9].

Использование средств игры слов является результатом непрерывного развития общества и одним из признаков развития человека. Игра слов — явление использования языка, которое нарушает языковые нормы; основана на стандартном языке, но не соответствует его правилам. Игра в слова охватывает все уровни языковой системы: фонетика, словообразование, словарный запас, семантика, морфология, синтаксис, риторика и т. д. Мы можем думать о языковых играх как о расширении и дополнении стандартного языка.

Сегодня игра слов стала одним из незаменимых методов создания современной рекламы: используемые в рекламе методы игры не только очень богаты, но и формируют уникальный стиль. В данном исследовании рассматривались некоторые средства языка, которые используются в текстах рекламы на русском и китайском языках, где

эффект игры слов особенно показателен. Речь идет о фонетических, морфологических, лексических, синтаксических и стилистических средствах языка, находящих отражение в русском и китайском языках, что позволяет говорить об общности описываемых категорий. Авторы работы анализируют, обобщают и сравнивают средства языковой игры в рекламе по шести аспектам: произношение, письмо, словообразование, словарный запас, семантика и морфология в двух языках — русском и китайском. С одной стороны, эти языковые игровые методы являются важным источником рекламных инноваций: они могут расширить информационную емкость рекламного дискурса,

экономить рекламное пространство и затраты, с другой — повысить интерес к рекламе и к эстетике рекламы. Для обоих исследуемых языков характерно наличие игры слов в рекламном дискурсе практически на всех уровнях языка: фонетическом (аллитерация, ассонанс), лексико-фразеологическом (неологизмы, идиомы), семантическом (парадокс), стилистическом (каламбур, жаргон, заимствования), что дает основание судить о проникновении игры слов во все слои языковой системы русского и китайского языков. Авторы статьи выяснили, что случайные сравнительные и превосходные прилагательные редко встречаются в китайской рекламе в отличие от русской.

Список литературы

1. Leech, G. *Language in Literature: Style and Foregrounding* / G. Leech. — Harlow, England : Pearson Longman, 2008. — 240 p.
2. Грюнбаум, А. Сто лет психоанализа: итоги и перспективы. Послесловие от редактора / А. Грюнбаум // *Независимый психиатр. журн.* — 1997. — № 3. — С. 17—18.
3. Курганова Е. Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте / Е. Б. Курганова. — Воронеж : ВГУ, 2004. — 124 с.
4. Лиотар, Ж.-Ф. Феноменология / Ж.-Ф. Лиотар. — СПб. : Алетейя, 2001. — 151 с.
5. Эко, У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко ; пер. с ит. А. Миролюбовой. — М. : Александрия, 2007. — 423 с. — (Становление Европы).
6. Хейзинга, Й. Об исторических жизненных идеалах / Й. Хейзинга ; пер. с голл. И. Михайловой под ред. Ю. Колкера. — London : Overseas Publ. Interchange Ltd., 1992. — 144 с.
7. Хо Явин. Философское содержание «лингвистической игры» для интерпретации смысловых конструкций [Электронный ресурс] / Явин Хо // *Журн. иностр. яз.* — 2007. — № 5. — URL: <http://mall.cnki.net/magazine/Article/OUTL200702004.htm> (дата обращения 20.01.2020).
8. Хуан Го Вэнь. Тезисы дискурсивного анализа / Го Вэнь Хуан. — Hunan : Hunan Education Press, 2003. — 153 с.
9. Чэнь Дао Юань. Разнообразие и вариативность языковых игр [Электронный ресурс] / Дао Юань Чэнь // *Журн. Чанчунс. пед. ин-та.* — 2004. — № 3. — URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-CCSS200403008.htm> (дата обращения 20.01.2020).
10. Чэнь Ли Хун. Обзор исследования рекламного дискурса [Электронный ресурс] / Ли Хун Чэнь // *Журн. Муданьцзянс. ун-та.* — 2009. — № 9. URL: <http://www.cqvip.com/QK/70321X/200909/1003848589.html> (дата обращения 20.01.2020).

Сведения об авторах

Болдырева Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия. olya.boldyreva2013@yandex.ru

Ао Линлу — магистрант факультета русского языка Института иностранных языков Университета Внутренней Монголии, Хух-Хото, Китай. 734981395@qq.com

Сунь Жаньжань — студент факультета русского языка Института иностранных языков Университета Внутренней Монголии, Хух-Хото, Китай. 1758794401@qq.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 31—39.*

THE PLAY ON WORDS IN ADVERTISING DISCOURSE: ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND CHINESE ADVERTISING

O.N. Boldyreva

Kalmyk state University named after B.B. Gorodovikova, Elista, Russia. olya.boldyreva2013@yandex.ru

Ao Linglu

University of Inner Mongolia, Hohhot, China. 734981395@qq.com

Sun Ranran

University of Inner Mongolia, Hohhot, China. 1758794401@qq.com

Today, word play has become one of the indispensable methods of creating modern advertising: the methods used in advertising are not only very rich, but also form a unique style. This study examined some language tools that are used in advertising texts in Russian and Chinese, where the effect of wordplay is particularly significant. We are talking about phonetic, morphological, lexical, syntactic and stylistic means of the language, which are reflected in the Russian and Chinese languages, which allows us to speak about the generality of the described categories. The authors analyze, summarize and compare the means of language play in advertising in six aspects: pronunciation, writing, word formation, vocabulary, semantics and morphology in two languages — Russian and Chinese. On the one hand, these language game methods are an important source of advertising innovations: they can expand the information capacity of the advertising discourse, save advertising space and costs, on the other— increase interest in advertising and in the aesthetics of advertising. Both languages are characterized by the presence of wordplay in advertising discourse at almost all levels of the language: phonetic (alliteration, assonance), lexical-phraseological (neologisms, idioms), semantic (paradox), stylistic (pun, jargon, borrowings), which gives reason to judge the penetration of wordplay in all layers of the language system of Russian and Chinese languages.

Keywords: *text, discourse, advertising text, structure, linguistic and stylistic features.*

References

1. Leech G. *Language in Literature: Style and Foregrounding*. Harlow, England: Pearson Longman, 2008. 240 p.
2. Gryunbaum A. Sto let psihoanaliza: itogi i perspektivy. Posleslovie ot redaktora [One hundred years of psychoanalysis: results and prospects. Afterword from the editor]. *Nezavisimyj psihiatricheskij zhurnal* [Independent psychiatric journal], 1997, no. 3, pp. 17-18. (In Russ.).
3. Kurganova E.B. *Igrovoj aspekt v sovremennom reklamnom tekste* [The gaming aspect of the modern advertising text]. Voronezh, VGU, 2004. 124 p. (In Russ.).
4. Liotar Zh.-F. *Fenomenologiya* [Phenomenology]. St. Petersburg, Aleteya, 2001. 151 p. (In Russ.).
5. Umberto Eko. *Poiski sovershennogo yazyka v evropejskoj kul'ture* [The Search for a perfect language in European culture]. Moscow, Aleksandriya, 2007. 423 p. (In Russ.).
6. Hejzinga J., Kolkera Yu. (ed.). *Ob istoricheskikh zhiznennykh idealah* [About the historical ideals of life]. London, Overseas Publ. Interchange Ltd., 1992. 144 p. (In Russ.).
7. Ho Yavin. Filosofskoe sodержanie “lingvisticheskoy igry” dlya interpretacii smyslovykh konstrukcij [Philosophical content of “linguistic game” for interpretation of semantic constructions]. *Zhurnal inostrannykh yazykov* [Journal of foreign languages], 2007, no. 5. Available at: <http://mall.cnki.net/magazine/Article/OUTL200702004.htm> (In Chinese).
8. Huan Go. *Ven' Tezisy diskursivnogo analiza* [Theses of discursive analysis]. Hunan, Hunan Education Press, 2003. 153 p. (In Chinese).
9. Chen' Dao Yuan'. Raznoobrazie i variativnost' yazykovykh igr [Diversity and variability of language games]. *Zhurnal Chanchunskogo pedagogicheskogo institute* [Journal of Changchun pedagogical Institute], 2004, no. 3. Available at: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-CCSS200403008.htm> (In Chinese).
10. Chen' Li Hun Obzor issledovaniya reklamnogo diskursa [A review of the research of advertising discourse]. *Zhurnal Mudan'czyanskogo universiteta* [Journal of Mudanjiang University], 2009, no. 9. Available at: <http://www.cqvip.com/QK/70321X/200909/1003848589.html> (In Chinese).

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАМЕРУНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

Е. В. Бондаренко, А. Н. Луханина

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Рассматриваются камерунский вариант английского языка, языковая ситуация в стране, лексические и морфологические особенности данного варианта на примере публицистических текстов. Среди основных лексико-грамматических особенностей можно выделить: заимствования из местных языков, стандартного французского языка и пиджин-инглиш, образование новых лексических единиц, использование идиоматических единиц, отклонение от грамматической нормы стандартного английского языка.

Ключевые слова: камерунский вариант английского языка, заимствования, местные языки, стандартный французский язык, неологизмы, идиомы, отклонения от грамматической нормы.

Введение

Цель данной работы — выявление лексических и грамматических особенностей камерунского варианта языка на материале публицистических текстов и проведение сравнительного анализа камерунского варианта английского языка и стандартного варианта английского языка. Работа посвящена выявлению особенностей формирования камерунского варианта английского языка.

Материалом для работы послужили публицистические тексты изданий Камеруна: thepostnewspapercameroon.com, cameroonpostline.com, а также работы Ж.-П. Коуэга, Н. Неба, Л. Тодда.

Теоретической базой данного исследования послужили труды таких зарубежных ученых, как Ж.-П. Коуэг (The effects of French on English L2 in Cameroon; A Dictionary of Cameroon English Usage), Д. Кристэл (English as a Global Language), Б. Адамс (On language and development in Africa), Р. Моар (English as a foreign, second, native and basal language, a new taxonomy of English-speaking societies), П. Мбуфонг (The Cameroonization of English), Э. Шнайдер (Postcolonial English: Varieties around the World), С. Бобд (Varying Statuses and Perceptions of English in Cameroon). В своих работах эти ученые рассматривают вопросы «новых» вариантов английского языка, выделяют основные отличительные особенности данных языковых вариантов от стандартного английского языка и обосновывают причины и условия развития новых языковых вариантов и приобретение ими статуса национального варианта английского языка.

Языковая ситуация в Камеруне

Изменение языков происходит постоянно, вне зависимости от того, замечаем мы это или нет. В настоящее время многие люди владеют несколькими языками и во многих странах становится нормой, когда несколько языков сосуществуют в одном языковом пространстве. Данные языки находятся в контакте между собой, и им свойственно оказывать взаимное влияние. Это относится и к так называемым «новым английским» языкам в Африке и Азии, которые взаимодействуют с местными языками. Понятие «новые варианты английского языка» (New Englishes) выделил английский лингвист Э. Шнайдер [4. Р. 53]. Феномен взаимодействия между языками обогащает язык и увеличивает его выразительные способности.

Рассмотрение языка как системы подразумевает, что язык тесно связан с контекстом и должен изучаться в свете социального и географического контекста. Естественно, что любой живой язык меняется в зависимости от временного или пространственного аспекта. Тот факт, что английский язык подвергается изменениям в зависимости от территории, является вполне закономерным. Новые варианты английского языка появились в странах, которые являются бывшими колониями Британской империи, — таких как Камерун, Нигерия, Гана и др.

Камерун — многоязычная страна, где два территориальных варианта французского и английского языков, сосуществуют с большим количеством местных языков и несколькими языками лингва франка.

Английский язык является официальным языком Камеруна с октября 1961 г. Он используется в сфере образования, управления, политики, культуры, СМИ и является средством коммуникации большого числа жителей. Камерунский вариант английского языка отличается от стандартного варианта английского языка Англии на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Английский язык в разных странах приобретает свои, «местные» черты и впоследствии становится территориальным вариантом. В Камеруне стандартный вариант английского языка прошел через процесс адаптации и нативизации и представляет собой языковой вариант, который приобрел отличительные черты не только на лексическом и морфологическом уровнях, но также в области стилистики и идиоматики. П. Мбуфонг использует понятие «камерунизация» для описания процесса преобразования английского языка в территориальный вариант [2. Р. 477]. Данные изменения можно наблюдать в средствах массовой информации, в частности в печатных изданиях.

СМИ Камеруна включают телевидение, радиовещание и печатные издания. Среди печатных можно выделить издания на территориальном варианте английского и французского языков, такие как: *Cameroon Post, The Witness, the Official Gazette, Cameroon Tribune, The Herald, The Post, Le Messenger* и др. В Камеруне газеты и журналы являются одним из главных источников информации и играют большую роль в социальной жизни общества, оказывая влияние на население, так как в них затрагиваются острые социальные и политические проблемы и вопросы. Территориальный вариант английского языка печатных изданий Камеруна представляет собой уникальный язык, который отличается от норм литературного английского языка Англии. Одним из факторов, оказывающих влияние на территориальный вариант языка, является языковая ситуация многоязычия в стране, которая придает уникальную особенность языку прессы. При изучении языка прессы Камеруна мы обращаем внимание на лексические и морфологические особенности территориального варианта языка.

Лексические особенности камерунского варианта английского языка

Среди основных лексических особенностей прежде всего можно выделить: заимствования из местных языков, пиджин-инглиш, стандартного варианта французского языка, образование новых лексических единиц и идиоматических выражений.

Новые лексические единицы часто встречаются в языке публицистического текста и впоследствии входят в состав лексикона местных жителей.

Заимствования из местных языков часто встречаются в печатных изданиях. Примеры подобных заимствований можно наблюдать в следующих контекстах:

For the wellbeing of citizens is more important than a certain "okrika" rule of law [12]. Благополучие граждан намного важнее, чем заимствованная правовая норма. *Okrika* — ткань, бывшая в употреблении и экспортируемая из Европы; словосочетание используется в переносном значении — пример правовой нормы, заимствованный у другого государства. В данном контексте заимствование *okrika* используется для того, чтобы выразить презрительное отношение к правопорядку, который заимствован из другой страны, таким образом, объясняя, что Камеруну не нужно ничего чужеродного, а заимствованное понятие, наоборот, подчеркивает приверженность к аутентичным традициям и обычаям, даже в политике.

Местные языки Камеруна регулярно выступают в качестве главного источника заимствований и используются для описания национальных церемоний, обычаев и традиций, которые не имеют аналогов в стандартном варианте английского языка.

В местных печатных изданиях также встречаются *заимствования из пиджин-инглиш*. Впоследствии местные жители используют данные лексические единицы в повседневной речи.

Камерунский пиджин-инглиш получил распространение в 1919 г. и используется в качестве языка-посредника среди жителей всех социальных уровней с разными родными языками. Н. Неба отмечает, что «пиджин-инглиш приобрел большую популярность и выступает в качестве языка-посредника, особенно среди детей и подростков, которые владеют разными местными языками» [3. Р. 66], хотя такое сосуществование пиджин-инглиш и камерунского варианта английского языка сказывается на приближенности английского языка в стране к стандартам стран его «внутреннего круга». Несмотря на этот факт, пиджин-инглиш активно используется в социальной сфере, сфере торговли, религии и оказывает влияние на территориальный вариант английского языка посредством заимствований в печатных изданиях.

Real Players Whatsapp group recently reached out to orphans of Mountain Kids and Rhema Grace Orphanages... donating consignments of rice, oil, soft drinks, toiletries, flour and garri among others [10]

[Представители группы «Реал Плейерс Вотсап» посетили детей из приютов «Маунтин Кидс» и «Рема Грейс» и привезли им рис, масло, безалкогольные напитки, туалетные принадлежности, пшеничную муку и муку из маниоки (gaggi — мука из высушенной и натертой маниоки)]. Продукты питания и национальные блюда чаще всего являются реалиями и требуют употребления заимствований из местных языков и пиджин-инглиш. В данном примере используется заимствование из пиджин-инглиш, так как в стандартном варианте английского языка отсутствует лексема для описания данного продукта, вместо нее используется описательный перевод, который является слишком длинным для в публицистического текста.

Использование заимствований из пиджин-инглиш облегчает процесс коммуникации и делает информацию более доступной для местных жителей.

Территориальный вариант французского языка играет доминирующую роль в качестве официального языка и оказывает влияние на территориальный вариант английского языка не только в повседневной речи местных жителей, но и в языке печатных изданий. Мы можем наблюдать это в следующих контекстах:

...During the 5th edition of campaigns on malaria in the school milieu and the commitment of young people to fight against the disease [10] [...Во время пятой кампании против малярии в школьной среде и обязанностью молодых людей бороться с болезнью (milieu — окружение, обстановка, среда)]. Словосочетание *school milieu* отвечает прежде всего политике двуязычия в стране и обращает внимание к данной проблеме не только англоговорящих, но и франкоговорящих жителей страны.

...The Secretary of State at the Ministry of Defence in charge of the National Gendarmerie [9] [...Госсекретарь в Министерстве обороны, ответственный за Национальную жандармерию (the National Gendarmerie — Национальная жандармерия)]. В данных контекстах употребление заимствований из стандартного варианта французского языка обусловлено прежде всего ситуацией двуязычия в Камеруне, где половина населения разговаривает на территориальном варианте французского языка. Следует также отметить, что французский язык является более благозвучным и использование заимствований из французского языка объясняется также с точки зрения лингвистического эстетизма. Ж. П. Коуэга отмечает, что «заимствования из французского языка исполь-

зуются в случае, когда английские эквиваленты менее экспрессивны и служат для облегчения процесса коммуникации между франкоговорящими и англоговорящими жителями страны» [1. Р. 203].

Образование новых лексических единиц также распространено в языке публицистического текста камерунского варианта английского языка:

...In the Anglophone Regions, specifically, and elsewhere, build peace and ensure a non-relapse in the conflict again [6] [...Сохранение мира и неповторение конфликта в англоязычном регионе (non-relapse — неповторение)]. Рассматривая неологизм *non-relapse*, следует отметить, что в данном случае эта лексема образована с целью экономичности газетного текста. Данная лексическая единица является неологизмом, так как отсутствует в стандартном английском языке и была образована для выполнения определенных социальных функций.

Идиоматические выражения делают речь более выразительной и экспрессивной. Это также относится к языковым вариантам английского языка, где идиомы помогают сохранять и выражать культурные особенности общества. Жители страны, которые используют в речи идиоматические выражения, считаются людьми образованными и пользуются уважением в обществе. Многие журналисты при написании публицистической статьи употребляют идиомы, пословицы и стилистические приемы, для того чтобы сделать текст более интересным и привлечь читательскую аудиторию.

Согласно Л. Тодду, «идиома — группа слов, значение которых нельзя объяснить, исходя из значения каждого слова, входящего в эту группу» [5. Р. 86].

Here called that the SDF unleashed an earthquake of unimaginable proportions that shook Cameroon's monolithic political structures to their roots [11] [Он вспомнил тот случай, когда партия СДФ вызвала в стране хаос, который потряс политические структуры (unleash an earthquake — вызывать потрясение, хаос)]. Образование и использование идиом, связанных с природными катаклизмами, является типичной чертой территориального варианта английского языка в таких странах, как Камерун, где жизнь людей тесно связана с природными явлениями.

When President Paul Biya mounted the saddle in 1982... [7] [Когда президент Пол Бия пришел к власти в 1982 году... (to mount the saddle — прийти к власти; в литературном английском используется идиома to be in the saddle — быть у власти)].

В камерунском варианте английского языка часто встречаются вариации идиом, употребляемых в стандартном варианте английского языка. Таким образом, при сохранении смысла образуется новая идиома, характерная только для определенного территориального варианта.

While the clock ticks towards that doomsday, the country will be plunged into a violent vicious cycle... [6] [*Когда наступит Судный день, страна погрузится в этот порочный круг... (the clock ticks towards that doomsday — неотвратно приближается этот Судный день)*]. *Doomsday* — Судный день отражает политический и экономический хаос, который может наступить в стране, *the clock ticks* — часы тикают, то есть ускоряют время, приближая нечто неотвратимое, негативное. Таким образом, объединение этих двух идиом в одном контексте усиливает эффект их значения, отображая весь ужас сложившийся экономической и политической ситуации в стране.

В данных примерах идиомы отражают национальную идентичность языка, а также особенности социальной и политической жизни страны. Жители Камеруна активно используют идиомы, образованные в публицистических текстах, и это помогает развивать их языковые способности и сам языковой вариант.

Грамматические особенности камерунского варианта английского языка

К грамматическим особенностям можно отнести отклонение от грамматической нормы литературного английского языка, и это является еще одной характерной чертой публицистического текста. Среди грамматических отклонений можно выделить следующие особенности: неправильное использование предлогов и артиклей, опущение предлогов или артиклей, неправильное использование множественного и единственного числа.

Примерами использования неправильных предлогов и артиклей могут служить следующие отрывки из газетных статей:

...The advent of an upcoming civil war is the verdict, or for the very least, an intensification of the current levels of violence [6] (*...Это означает начало гражданской войны или, по крайней мере, увеличение случаев насилия*). В литературном варианте английского языка выражение используется с предлогом *at*.

...Who argued that most administrators in the Northwest and Southwest have all fled the areas, except in some major towns [8] (*...Он заявил, что все*

управляющие северо-западных и юго-западных провинций сбежали, за исключением управляющих главных городов). В литературном варианте английского языка выражение используется с предлогом *for*.

The court rejected Osih's request as not justified, shortly after the closure of hearings that started on October [Ibid.] (*Вскоре после завершения слушаний, которые начались в октябре, суд отклонил прошение Оси*). В литературном варианте английского языка в словосочетании используется предлог *in*: *in October*.

Osih asked the court for the cancellation of the whole election, in which 85-year-old President Paul Biya was seeking a 7th term [Ibid.] (*Оси просил суд отменить выборы, в которых 85-летний президент Пол Бия будет претендовать на седьмой срок*). В литературном варианте английского языка порядковые числительные употребляются с определенным артиклем: *the 7th term*.

В вышеприведенных контекстах мы видим отклонение от грамматической нормы стандартного варианта английского языка. В территориальном варианте языка это отклонение закрепилось и, в свою очередь, стало нормой данного варианта.

Также очень часто в публицистических текстах мы можем наблюдать опущение артиклей и предлогов:

Cameroon is at very high risk of further violence escalation, which may spread across other regions [6] (*В Камеруне высока вероятность эскалации насилия, которая может затронуть и другие регионы*). В литературном варианте английского языка данное выражение используется с неопределенным артиклем: *at a very high risk*.

The election in the English-speaking Northwest and Southwest Regions, was marred by low turnout and isolated incidents of unrest [8] (*Во время выборов в англоговорящих северо-западном и юго-западном регионах была отмечена низкая явка избирателей и отдельные случаи беспорядков*). В литературном варианте английского языка данное словосочетание употребляется с неопределенным артиклем: *a low turnout*.

Авторы статей опускают артикли и предлоги в вышеприведенных примерах, так как считают их излишними для понимания текста, а их использование, наоборот, является препятствием для усвоения информации. Также следует отметить, что во многих местных языках Камеруна (Bassa, Bafut, Mokpe) не существует артиклей, и в данном отклонении от грамматической нормы проявляется

влияние местных языков на камерунский вариант английского языка.

В следующих контекстах мы встречаем неправильное использование единственной и множественной формы:

He said his skills have improved with regards to defence and security [9] (Он сказал, что улучшил свои навыки в отношении защиты и безопасности). В литературном варианте английского языка данное выражение используется в единственном числе: *with regard to*.

During this five month, we did acquire knowledge and learned many things too [Ibid.] (Во время этих пяти месяцев мы приобрели знания и многому научились). В литературном варианте английского языка требуется использование множественного числа: *during these five months*.

The certificates-award ceremony to the 40th batch of junior and command staff officers [Ibid.] (Церемония вручения сертификатов 40-й группе офицеров младшего состава и командного состава). В литературном варианте английского языка требуется употребление существительного *certificate* в единственном числе: *the certificate-award ceremony*.

В вышеприведенных контекстах отклонение от грамматической нормы литературного варианта английского языка в плане использования единственного и множественного числа объясняется стремлением к упрощению публицистического текста с целью облегчения его восприятия читателями.

Помимо данных морфологических особенностей территориального варианта английского языка мы можем встретить неправильный порядок слов в предложении:

Some 50 officers from the different detachment of the armed forces were June 20, awarded end-

of-course certificates [Ibid.] (50 офицерам из различных подразделений вооруженных сил были вручены сертификаты 20 июня). В литературном варианте английского языка обстоятельства времени употребляется в начале или в конце предложения: *Some 50 officers from the different detachment of the armed forces were awarded end-of-course certificates June 20*.

Заключение

Мы можем сделать вывод о том, что язык публицистики, с одной стороны, подвергается влиянию разговорных форм камерунского варианта английского языка, а с другой — оказывает влияние на камерунский вариант английского языка, так как именно в нем появляются инновации, которые расшатывают систему стандартного варианта английского языка. Среди основных лексических характеристик камерунского варианта английского языка в публицистических текстах можно выделить заимствования из местных языков, пиджин-инглиш и стандартного варианта французского языка, а также образование новых лексических единиц и использование идиоматических выражений. На морфологическом уровне публицистический текст камерунского варианта английского языка характеризуется грамматическими формами, которые не соответствуют нормам литературного английского языка. Жители Камеруна воспроизводят подобные речевые обороты в повседневной жизни, и таким образом эти лексические единицы приживаются, развивают территориальный вариант и становятся нормой камерунского варианта английского языка. Данные лексические и морфологические особенности позволяют языковому варианту приобрести статус территориального варианта языка.

Список литературы

1. Kouega, J.-P. The effects of French on English L2 in Cameroon / J.-P. Kouega // Proceedings of the 4th International symposium on Bilingualism. — Somerville, 2005.
2. Mbufong, P. The Cameroonization of English / P. Mbufong // US-China Foreign Language. — 2013. — P. 475—482.
3. Neba, N. Globalisation: A threat to Indigenous Languages? / N. Neba // Literature the redeemer through Formal and Informal Education. Language, Literature and Education in Multicultural Societies. — 2008. — P. 61—79.
4. Schneider, E. W. Postcolonial English: Varieties around the World / E. W. Schneider. — Cambridge, 2007.
5. Todd, L. An introduction to Linguistics / L. Todd. — Essex, 1987.

Список источников использованного материала

6. Achu, M. Anglophone Crisis: Proposal for Resolution and Peace-building [Электронный ресурс] / M. Achu // Cameroon Post. — 2019. — URL: <https://thepostnewspapercameroon.com/anglophone-crisis-proposal-for-resolution-and-peace-building>.
7. Atemnkeng, S. Biya's Democratic Legacy in Danger [Электронный ресурс] / S. Atemnkeng // Cameroon Post Line. — 2018. — URL: <http://cameroonpostline.com/biyas-democratic-legacy-in-danger>.
8. Atemnkeng, S. October 7 Presidential: Candidates, Lawyers Say Election Didn't 'Hold' in NW, SW [Электронный ресурс] / S. Atemnkeng // Cameroon Post Line. — 2018. — URL: <http://cameroonpostline.com/october-7-presidential-candidates-lawyers-say-election-didnt-hold-in-nw-sw>.
9. Atemnkeng, S. Security Forces Armed with Skills to Defend Fatherland [Электронный ресурс] / S. Atemnkeng // Cameroon Post. — 2019. — URL: <https://thepostnewspapercameroon.com/security-forces-armed-with-skills-to-defend-fatherland>.
10. Atemnkeng, S. Whatsapp Group Reaches Out to Orphans [Электронный ресурс] / S. Atemnkeng // Cameroon Post Line. — 2018. — URL: <http://cameroonpostline.com/whatsapp-group-reaches-out-to-orphans>.
11. Nformi, S. Hundreds Sign Commitment to Sleep Under Treated Mosquito Nets [Электронный ресурс] / S. Nformi // Cameroon Post Line. — 2017. — URL: <http://cameroonpostline.com/hundreds-sign-commitment-to-sleep-under-treated-mosquito-nets>.
12. Yerima, K. Biya Credits FruNdi With Democracy, Peace [Электронный ресурс] / K. Yerima // Cameroon Post Line. — 2015. — URL: <http://cameroonpostline.com/biya-credits-frundi-with-democracy-peace>.
13. Yerima, K. Reign of Terror in Advanced Democracy [Электронный ресурс] / K. Yerima // The Post Newspaper Cameroon. — 2019. — URL: <https://thepostnewspapercameroon.com/reign-of-terror-in-advanced-democracy>.

Сведения об авторах

Бондаренко Елена Валентиновна — доктор филологических наук, профессор кафедры второго иностранного языка Белгородского государственного университета, Белгород, Россия. bondarenko@bsu.edu.ru

Луханина Анна Николаевна — ассистент кафедры второго иностранного языка Белгородского государственного университета, Белгород, Россия. lukhanina@bsu.edu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 3 (437). Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 40—46.

LEXICO-GRAMMATICAL FEATURES OF CAMEROON ENGLISH (BASED ON NEWSPAPER ARTICLES)

E.V. Bondarenko

Belgorod State University, Belgorod, Russia. bondarenko@bsu.edu.ru

A.N. Lukhanina

Belgorod State University, Belgorod, Russia. lukhanina@bsu.edu.ru

The article is devoted to the study by means of examining newspaper articles of the Cameroon variant of English, the language situation in Cameroon, the lexical and grammatical features of Cameroon English. Among the principal features we may name borrowings from indigenous languages, Standard French and Pidgin English, neologisms, the usage of idiomatic expressions, deviation from the grammatical norm of Standard English. The language of social and political journalism in Cameroon is under the influence of colloquial forms of Cameroon English, but at the same time it affects the variant as there are some innovations in the language of journalism that alter the system of Standard English. Cameroonians often reproduce the words and word-collocations used in newspaper articles, therefore these lexical units develop the language variant and become the norms of Cameroon English.

Keywords: *Cameroon English, borrowings, indigenous languages, Standard French, neologisms, idioms, deviation from the grammatical norms.*

References

1. Kouega J.-P. The effects of French on English L2 in Cameroon. *Proceedings of the 4th International symposium on Bilingualism*. Somerville, 2005.
2. Mbufong P. The Cameroonization of English. *US-China Foreign Language*. 2013. Pp. 475-482.
3. Neba N. Globalisation: A threat to Indigenous Languages? *Literature the redeemer through Formal and Informal Education. Language, Literature and Education in Multicultural Societies*, 2008, pp. 61-79.
4. Schneider E.W. *Postcolonial English: Varieties around the World*. Cambridge, 2007.
5. Todd L. *An introduction to Linguistics*. Essex, 1987.

Sources

6. Achu, M. Anglophone Crisis: Proposal for Resolution and Peace-building. *Cameroon Post*, 2019. Available at: <https://thepostnewspapercameroon.com/anglophone-crisis-proposal-for-resolution-and-peace-building>.
7. Atemnkeng, S. Biya's Democratic Legacy in Danger. *Cameroon Post Line*, 2018. Available at: <http://cameroonpostline.com/biyas-democratic-legacy-in-danger>.
8. Atemnkeng, S. October 7 Presidential: Candidates, Lawyers Say Election Didn't 'Hold' in NW, SW. *Cameroon Post Line*, 2018. Available at: <http://cameroonpostline.com/october-7-presidential-candidates-lawyers-say-election-didnt-hold-in-nw-sw>.
9. Atemnkeng, S. Security Forces Armed with Skills to Defend Fatherland. *Cameroon Post*, 2019. Available at: <https://thepostnewspapercameroon.com/security-forces-armed-with-skills-to-defend-fatherland>.
10. Atemnkeng, S. Whatsapp Group Reaches Out to Orphans. *Cameroon Post Line*, 2018. Available at: <http://cameroonpostline.com/whatsapp-group-reaches-out-to-orphans>.
11. Nformi, S. Hundreds Sign Commitment to Sleep Under Treated Mosquito Nets. *Cameroon Post Line*, 2017. Available at: <http://cameroonpostline.com/hundreds-sign-commitment-to-sleep-under-treated-mosquito-nets>.
12. Yerima, K. Biya Credits FruNdi With Democracy, Peace. *Cameroon Post Line*, 2015. Available at: <http://cameroonpostline.com/biya-credits-frundi-with-democracy-peace>.
13. Yerima, K. Reign of Terror in Advanced Democracy. *The Post Newspaper Cameroon*, 2019. Available at: <https://thepostnewspapercameroon.com/reign-of-terror-in-advanced-democracy>.

КОНЦЕПТЫ «МАТЬ» И «ОТЕЦ» В РУССКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Т. В. Борисенко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Произведена попытка сопоставления некоторых базовых концептов русской и англоязычной лингвокультур. В исследовании проведено сравнение содержания и структуры концептов «мать» и «отец» в рассматриваемых лингвокультурах. Анализ выполнен на основе толковых и этимологических словарей, словарей синонимов и ассоциативных тезаурусов.

Ключевые слова: *семейные ценности, национальный характер, ассоциативный словарь, менталитет, мать, отец.*

Введение

Семья — это важный социальный институт общества. Он сопровождает человека на протяжении всей жизни, в нем формируются ценностные ориентиры личности, жизненные установки. Поэтому исследования института семьи и семейных ценностей представляются весьма актуальными. Кроме того, знание особенностей культуры в целом и семейных ценностей в частности позволяет наладить качественные межкультурные связи, успешно ассимилироваться при переезде в новую страну, понять особенности национального характера той или иной этнической группы. По нашему мнению, *мать* и *отец* являются одними из главных концептов, формирующих систему семейных ценностей человека. Целью настоящего исследования является раскрытие содержания этих концептов в русской и англоязычной лингвокультурах. В работе использованы методы концептуального и лингвистического анализа, метод компонентного анализа языковых единиц.

Семейные ценности

Семейные ценности — это «взаимосвязь моральных, нравственных, культурных, традиционных особенностей в малой социальной группе, основанная на браке, кровном родстве, при заключении брака, когда два образца ценностей приобретают единый характер в зависимости от социально-исторического значения для общества и учитывая межличностное взаимодействие» [2. С. 98—99]. К ним относятся любовь, дети, хозяйство, преемственность поколений, традиции, здоровье, счастье и др. [Там же. С. 99]. С лингвистической точки зрения, семейные ценности необходимо исследовать через анализ лексических единиц, актуализирующих наименования родственников и родственных

связей: мать, отец, дочь, сын, бабушка, дедушка, золовка, тесть, сваты, муж, жена и др.

Менталитет и национальный характер

Многие исследователи рассуждали на тему национальности и ее места в сознании народов (например, Н. А. Бердяев, А. И. Ильин). Так, А. И. Ильин говорит о том, что национальность человека определяется «укладом его бессознательного» [3. С. 232—236]. Н. С. Трубецкой считал, что в каждом человеке различным образом соединены черты национального характера. Национальная культура помогает человеку и облегчает процесс его самопознания [5].

Важным аспектом для каждой национальной культуры является понятие менталитета. Менталитет включает ценностные ориентиры (которые выражают жизненные установки) и бессознательный слой (жизненные установки, образы мира, общий эмоциональный настрой и др.). Этот бессознательный слой возможно изучить путем сопоставления менталитета различных культур [11. С. 321].

По определению социолога В. В. Колесова, менталитет — это «наивно-целостная картина мира в его ценностных ориентирах, существующая длительное время независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях» [7. С. 12]. Он проявляется у каждого члена общества в чувствах, разуме, воле благодаря общности языка и воспитания [Там же].

На основе менталитета строится ментальность. Ментальность — это «национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их сущности

и соответственно этому действовать в определенной обстановке» [Там же. С. 20]. Раскрыть сущность ментальности любого народа возможно путем исследования его языка. Для этого следует изучать идеалы, обычаи, эмоции и прочее, присущее массовому сознанию народов и нашедшие свое языковое отражение [Там же]. По словам В. Н. Телии, в зависимости от установок ментальности меняется и интерпретация языковых знаков [4. С. 217].

В связи с изучаемым вопросом немаловажно рассмотреть такое понятие, как *национальный характер*. Согласно определению социолога К. О. Касьяновой, национальный характер — это ««общество внутри нас», существующее в виде однотипных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний» [6. С. 26]. Таким образом, национальный характер предполагает набор устойчивых, повторяющихся качеств личности, которые свойственны конкретному обществу [Там же. С. 27]. Понимание особенностей этнического национального характера тесно связано с изучением национального языка. Эта мысль встречается в трудах таких ученых, как Н. В. Уфимцева, Ю. Н. Караулов, В. С. Библер. Так, Н. В. Уфимцева говорит о том, что язык (речь) как феномен культуры способен фиксировать и отражать систему ценностей и оценок, существующую в данном сообществе на конкретный момент времени. Он отражает также вневременные ценности, свойственные рассматриваемой культуре в целом [8. С. 150]. Специфику национальных ценностей позволяет выявить анализ ассоциативных словарей и тезаурусов [Там же].

Содержание концептов «мать» и «отец» в русской и англоязычной культуре, отраженное в этимологических, толковых словарях и словарях синонимов

В современной семье мать и отец несут ответственность за воспитание детей и за передачу им семейных и культурных ценностей. Рассмотрим содержание и структуру концептов «мать» и «отец» в русской культуре и *mother* (мать) и *father* (отец) в американской культуре.

Слову *отец* соответствуют следующие синонимы: папа; разговорные варианты: *папаня*, *папочка*; устаревшие варианты: *батюшка*, *папенька*, *родимый*, *родитель* [17]. Кроме этого, следует добавить синонимы из словаря З. Е. Александровой: *папаша*, *батя*, *батька*, *тятя*, *тятька*, *тятенька* [16. С. 303].

Слову *мать* соответствуют: *мама*; разговорные варианты: *мамаша*, *мамочка*, *мамуля*, *мамуся*;

высокий стиль: *мать*; устаревшие варианты: *маменька*, *матушка* [17]. Также: *маманя*, *матка*, *мамка*, *родительница* [16. С. 203].

Как видно, в синонимических рядах преобладают слова с положительной коннотацией.

Оксфордский словарь синонимов предлагает большое количество эквивалентов словам *mother* и *father* в зависимости от значения слова. Рассмотрим синонимы, связанные с родственными отношениями.

Father — *sire* (отец), *paterfamilias* (глава/отец семьи), разговорный вариант: *dad* (папочка), *daddy* (папочка), *pa* (па), *papa* (папа), *pop* (пап), *old man* (старик, досл. пожилой человек), *old boy* (старик, досл. пожилой парень), *forebear* (предок), *ancestor* (предок), *forefather* (предок), *progenitor* (прародитель), *primogenitor* (предок), *creator* (создатель), *founder* (основатель), *originator* (создатель), *inventor* (изобретатель), *author* (автор), *architect* (строитель), *framer* (автор), *initiator* (инициатор), *priest* (священник), *confessor* (исповедник), *minister* (священник), *pastor* (пастырь), *shepherd* (пастырь), *parson* (духовное лицо) [25. С. 549], *poppa* (папаша), *pater* (отец), *founder* (основатель), *establisher* (основатель), *grandfather* (дедушка), связанные с религией синонимы: *Allah* (Аллах), *King* (король), *Lord* (лорд), etc. [<https://www.merriam-webster.com/thesaurus/father>].

Mother — *dam* (матка), *materfamilias* (мать семьи), (*female*) *parent* (родитель женского пола), устаревший или шуточный вариант: *mater* (родительница), официальный вариант: *matriarch* (женщина во главе чего-либо, пользующаяся уважением среди мужчин), разговорный вариант: *ma* (ма), *old lady* (пожилая леди), *old woman* (пожилая женщина), американский вариант: *mom* (мам), *mommy* (мамочка), *tama* (мама), *tamma* (мама), *taw* (ма), *tammy* (мамочка), *tam* (мам) *source* (источник), *origin* (происхождение), *genesis* (генезис), *nourisher* (кормилица), *nurturer* (воспитатель), *nurse* (няня) [25. С. 1042].

Итак, в английских синонимических рядах также преобладают слова с положительной коннотацией. Стоит отметить, что слово родитель (*parent*) не отнесен авторами словаря к устаревшим синонимам. Также интересно использование лексических единиц с определяемым словом *old* (старый). В русскоязычной культуре акцент на возраст родителей в синонимичных рядах не наблюдается.

Слова *мать* и *отец* или их синонимы *мама* и *папа* во многих языках имеют родственные эквиваленты. Проследим этимологию рассматриваемых концептов.

Английское слово *mother* и русское *мать* образуют общим происхождением. Они образовались из индоевропейского корня **mātēr-*, который, в свою очередь, произошел из детского лепета **mā-* и суффикса родства **-ter-*. В древнеанглийском языке (приблизительно с 1200 г.) слово *mōdor* уже употреблялось, в том числе, и в качестве обращения к пожилой женщине низкого сословия. Немного позже у слова появилось значение «та, которая дала жизнь всему». В 1784 г. возник детский вариант *mummy* (мамочка), и в 1876 г. в обиход вошла новая форма *mumsy* (мамочка). Слово *stepmother* (мачеха) произошло от соединения в древнеанглийском языке корней *step-* (потеря) и *-mother* (мать). Изначально лексема *stepmother* применялась по отношению к женщине, которая воспитывала сироту (ребенка, потерявшего обоих родителей). Только в XX в. связь слова с сиротой практически ушла. Примерно в XIV в. появилось слово *mother-in-law*. Вторая часть семантического композита *-in-law* обозначает «под защитой закона». Первое время лексема была в том числе синонимом слову *stepmother*. В XIX в. часть *-in-law* получила значение «некровный родственник» [24].

Современная форма русского слова *мать* развилась из древнерусского *мати*. В праславянский период образовалось слово *матка* с уменьшительно-ласкательным суффиксом. В русском языке оно получило значение самка (ср. пчелиная матка) [22. С. 227]. Слово *мачеха* образовано от лексемы *мать* с уничижительным суффиксом *-ха*. Вероятно, исходной формой было слово **mātrjesī* (сестра матери, дословно — подобие матери). Названия некоторых растений также включают в себя слово *мать*. Например, *мать-и-мачеха*, *маткина душика* (душистая фиалка, считалось, что в это растение превратилась рано умершая мать) [21]. *Матушка* употребляли в православии для обозначения жены священника. В общерусском слово использовалось в имени *Божьей Матери* (именно в форме *матерь*, не *мать*) [20].

Лексема *father* (отец) произошла от древнеанглийского слова *fæder* (тот, кто зачал ребенка, ближайший мужской предок), которое, в свою очередь, восходит к протоиндоевропейскому **pāter-* (отец). Вероятно, **pāter-* — сочетание слога *pa* из детского лепета и суффикса деятеля *-ter*. К концу древнеанглийского периода к лексеме присоединяется значение «человек, который заботится о другом человеке». Слово *dad* (папочка) появилось примерно в XVI в. из детской речи, *papa* — в 1680-х гг. из французского *papa*, образованного путем редуп-

ликации детского слова — *ра*. *Papa* (папа) использовалось в высшем обществе и стало общеупотребительным только к концу XVIII в. Происхождение лексем *father-in-law* и *stepfather* аналогично происхождению *mother-in-law* и *stepmother*. В словарях нет упоминания о том, что *stepfather* и *father-in-law* могли первое время использоваться как синонимы [24].

Современная форма русского слова *отец* образовалась из праславянского **otisi-*, исходное слово *āt-tā* появилось из детской речи [22. С. 282]. Согласно словарю А. Преображенского, *отец* происходит от индоевропейского корня **āt-*, который был образован из детского лепета [20]. От *отца* происходят слова *отчим* [21], *отчество* (наименование по отцу), *отчий* (отцовский, родительский), *отчизна* (родина) [22. С. 283]. Слово *nana*, вероятно, пришло в русский язык так же, как и в английский, из французского языка. Форма *nana* долгое время использовалась только в речи русского дворянства. Интересно, что в русской культуре слово *nana* связано с католицизмом (Папа Римский) [21]. В православии используется слово *отец* (Отец небесный). Ласковое обращение *тятя* также произошло из детского лепета, и в начале XX в. было более распространено, чем *nana* и *батя* [20]. *Батя* — усеченная форма слова *brat(r)ъ* — брат [21].

Таким образом, мы видим, что, несмотря на общее происхождение лексем *nana* и *father*, *мама* и *mother*, данные концепты со временем приобрели новые, отличные от другого языка смыслы. Кроме того, важно отметить, что слова и их синонимы, обозначающие *мать* и *отца*, произошли из корней, образованных от детского лепета (за исключением слова *батя*). То есть дети «давали имена» родителям.

Для определения содержания рассматриваемых концептов обратимся к толковым словарям. Мы рассмотрели значения, указанные в разных толковых словарях для каждого языка: Longman Dictionary of Contemporary English (L), Macmillan English Dictionary (M), Oxford Advanced Learner's Dictionary (Ox), Merriam Webster Dictionary (MW), Толковый словарь русского языка О. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (O), Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова (K), Новый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой (E), Толковый словарь современного русского языка Д. Н. Ушакова (У). Была составлена сводная таблица (табл. 1), отображающая значения рассматриваемых концептов.

Таблица 1

Основные значения существительного *мать* в русском и английском языках

Мать	Mother
1. Женщина по отношению к рожденным ею детям [К, О, У, Е] Самка по отношению к детенышам [К, О, У, Е] 2. То, что является родным, близким дорогим, представляет какую-либо духовную ценность [К, О] 3. То, в чем или от которого зарождается, образуется что-то новое, источник жизни [К, У, Е]. Источник, начало чего-либо [О] 4. Женщина, жена [К] 5. Жена священника [К, О, Е] 6. Название монахини [О, У] 7. Обращение к пожилой женщине [У, Е] 8. Женщина, имеющая или имевшая детей [Е]	1. Родитель-женщина [L, MW]. Женщина-родитель для ребенка [О, М]. Особь женского рода, являющаяся родительницей животного или птицы [О, М] 2. Титул женщины — главы монастыря [О, L]

Как видим, основное денотативное значение существительного *мать* в русском и английском языках — существо женского пола по отношению к рожденному ею потомству. Русское существительное *мать* обладает большим количеством значений по сравнению с английским *mother*. *Mother* в отличие от *матери* не несет в себе такого смысла, как «источник», «первоначало». Кроме того, *мать* ассоциируется с чем-то близким и родным, с духовной ценностью. В английских словарях такое значение не зафиксировано.

Если рассмотреть синонимы к слову *мать*, то мы обнаружим еще несколько значений, расширяющих рассматриваемое существительное. Так, в словаре под редакцией С. А. Кузнецовой указано, что мама — это теща, свекровь, а мамаша — обращение к маме, к пожилой женщине [12. С. 518].

Mother в английском языке выступает также в качестве глагола. Его ключевым значением является «забота, которую проявляет мать к своему ребенку». Либо это может быть материнская забота к другому человеку/существу [Ох, М, L]. В словаре Longman также указано, что *to mother* значит быть добрым, защищать кого-то, делать для кого-то все так, будто вы его мать [L].

Существительные *отец* и *father* имеют больше совпадений в значениях (табл. 2). Для русского и английского языка отец — существо мужского пола по отношению к своему потомству, основоположник. Стоит отметить, что концепт «отец» в обоих языках имеет больше значений, связанных с религией, чем концепт «мать».

В отличие от англоговорящих носителей русские могут употреблять слово *отец* по отноше-

Таблица 2

Основные значения существительного *отец* в русском и английском языках

Отец	Father
1. Мужчина по отношению к своим детям [К, О, Е]. Самец по отношению к своему потомству [К, О, Е] 2. Предки, предшествующее поколение [К, О] 3. Тот, кто заботится о ком-то, находящемся в его подчинении, в зависимости от него, покровитель [К, О, Е]. Руководитель, кто-то, стоящий во главе [К] 4. Основоположник, родоначальник [К, О, Е] 5. Обращение к пожилому мужчине, мужу своих детей [К, О] 6. Присоединяется к званию служителя культа, монаху [К, О, Е] 7. Фамильное обращение к пожилому мужчине [Е] 8. Обращение к Богу [К]	1. Мужчина-родитель для ребенка [Ох, М, MW], особенно для маленького [М]. Особь мужского пола животного для своего ребенка [Ох]. Родитель-мужчина [L] 2. Fathers — предки [Ох] 3. Первый человек, который предложил новый способ мышления или производства чего-либо [Ох, MW] 4. То, как христиане называют Бога [Ох, М]. Обращение к Богу [L]. Тот, кому поклоняются как создателю мира (MW) 5. Титул священника в Римской католической церкви [OX 425, L]. Обращение к священнику [М. 539]. 6. Тот, кто родился на несколько поколений раньше (MW)

нию к руководителю. Синоним *батя* используется по отношению к пожилому человеку, а также к командиру подразделения (ср. руководитель) [Е]. Как и слово *мать*, *отец* содержит значения «старший», «в возрасте».

Мы также заметили, что в английском языке важна физиологическая сторона становления родителя. Глагол *father* выступает в значении «стать отцом ребенка, сделав его мать беременной» [Ох, М, L], в то время как в русской лингвокультуре акцент сделан больше на отношении мужчины к младшим членам общества (детям, подчиненным, детенышам).

Концепты «мать» и «отец» в ассоциативных словарях

В ассоциативных словарях отражаются ассоциативно-вербальные сети, которые лингвисты считают моделью языкового сознания носителя языка. Такая модель обладает системно-целостным характером и отражает речевой и неречевой опыт носителей конкретного языка [10. С. 22]. Данные ассоциативных словарей позволяют проследить значения конкретных понятий, дают возможность установить, какие семантические и синтагматические связи существуют в сознании носителей языка [9. С. 229].

В данной работе мы используем ассоциативные словари Н. В. Уфимцевой (2004) и Ю. Н. Караулова (2002). Далее для удобства мы будем указывать в скобках частотность реакций в соответствующем порядке: на первом месте частотность из Славянского ассоциативного словаря, на втором — из Русского ассоциативного словаря. В рамках данной статьи мы не будем рассматривать ассоциаты, связанные с культурными реалиями и художественными произведениями.

На стимул *мать* респонденты дали большое количество реакций, самыми частотными из которых были отец (111, 65) и родная (44, 64). В целом среди наиболее частотных реакций в той или иной мере присутствуют ассоциаты, связанные со значениями слова *мать*, зафиксированными в толковых словарях:

а) «женщина по отношению к рожденным ею детям» актуализируется посредством таких реакций, как *мама* (6, 12), *женщина* (21, 14);

б) «что-то близкое, дорогое, ценность» — *родная* (44, 64), *дорогая* (7, 7), *родной человек* (5, 3), *святое/святая* (6, 1);

в) «источник жизни» — *жизнь* (8, 4), *всего человечества* (1), *источник жизни* (1), *рождение* (1), *кто родил* (1);

г) «самка по отношению к детенышам» — *волчиха* (1);

д) значения «женщина, жена» актуализируются лексемами *женщина* (21, 14) и *жена* (1, 1);

е) «обращение к пожилой женщине» — *старая* (3, 2), *старушка* (2, 3);

ж) значения, связанные с религией: «обращение к жене священника» и «обращение к монахине» не нашли отражения в ассоциативной сети; указан ассоциат Божья (1) в словаре Ю. Н. Караулова; это говорит об ослаблении данного значения в сознании носителей русского языка.

Реакции на стимул *мать* отражают также коннотативные значения слова и его связь с определенными реалиями в картине мира русского человека.

Респонденты предлагают большое количество прилагательных, которые можно разделить на следующие подгруппы:

а) описывающие положительные качества: *добрая* (10, 17), *хорошая* (6, 5), *ласковая* (2, 1);

б) описывающие отрицательные качества: словарь Н. В. Уфимцевой — *злая* (2), *черная* (1);

в) описывающие отношение к матери: *родная* (44, 64), *любимая* (14, 20).

Можно отметить наличие единичных негативных реакций на стимул *мать* и большого количество реакций с положительной коннотацией, что говорит о том, насколько важен этот концепт для русского человека. Согласно ассоциативным словарям, *мать* — сильная женщина, которая многое дает детям (ср. *героиня* (5, 14), *кормилица* (2, 1); в словаре Н. В. Уфимцевой — *поддержка* (2), *защитник* (1); в словаре Н. Ю. Караулова — *бессмертна* (1), *железная женщина* (1)).

Основные группы ассоциатов, в которых актуализировано слово *мать*: *дом, очаг* — *дом* (8, 3), *очаг* (1), *дома* (2, 1), *хозяйка* (2); *Родина* — *Родина* (28, 13), *Россия* (1, 1), *земля* (5, 4); *семья* — *семья* (2, 7), *сын* (3, 3), *отец* (111, 65), *дочь* (5, 10); *близкий человек* — *родная* (44, 64); в словаре Н. В. Уфимцевой — *самое дорогое* (1), *самый близкий человек* (1), *самый хороший человек* (1); в словаре Н. Ю. Караулова — *родной человек* (3), *кровинушка* (1), *любимый мне человек* (1).

В Славянском ассоциативном словаре отсутствует стимул *отец*, поэтому мы рассматриваем данный концепт по Русскому ассоциативному словарю Ю. Н. Караулова.

Самая частая реакция на слово *отец* — *мать* (107). Вторая по частотности реакция — *родной* (65) также соотносится с ассоциатом на стимул *мать*. Мы предполагаем, что такая связь слов *мать*

и *отец* в ассоциативном словаре не построена на антонимии, а напротив, указывает на то, что оба человека важны в жизни каждого. В сознании носителя русского языка прочно закреплено представление о необходимости наличия обоих родителей.

Сравним реакции ассоциативного словаря с определениями существительного *отец*, данными в толковых словарях:

а) «мужчина по отношению к своим детям» — *папа* (17), *детей* (4), *родитель* (4);

б) отсутствуют реакции, связанные со значением «самец по отношению к своему потомству»;

в) «предки» — *дедушка* (1), *папин папа* (1), *предок* (1);

г) «покровитель, руководитель» — *народов* (2), (значение соотносится с устойчивым выражением, используемым в XX в.), *хозяин* (2), *владелец* (1);

д) «основоположник» — *русской демократии* (2) (значение соотносится с устойчивым выражением, используемым в XX в.);

е) «обращение к пожилому мужчине» — *старый* (7), *седой* (3).

Итак, как видно из анализа, многие значения слова *отец* достаточно слабо актуализируются в ассоциативно-вербальной сети носителей русского языка.

Ассоциативный словарь русского языка зафиксировал дополнительные смыслы и значения рассматриваемого концепта:

а) положительные качества: *добрый* (17), *хороший* (10), *сильный* (3), *дорогой* (1), *защитник* (1), *мудрый* (1), *справедливость* (1), *тепло* (1);

б) отрицательные качества: *алкоголик* (2), *пьяница* (2), *гуляет* (1), *ушел* (1), *исчез* (1), *злой* (1), *беглец* (1), *гад* (1);

в) отношение к отцу: *родной* (65), *любимый* (6), *молодец* (3) (здесь популярная в русском языке рифма-присказка отец-молодец), *радость* (2), *уважение* (2), *гордость* (1), *доверие* (1), *дурак* (1), *крутой* (1).

Следует отметить присутствие большего (по сравнению с матерью) количества негативно окрашенных реакций на стимул «отец». Несмотря на это, положительно окрашенных ассоциатов больше, а каждая негативная реакция встречается у одного-двух человек. В основном такие ответы отражают проблему ухода отца из семьи и его пристрастия к вредным привычкам. Отметим также, что негативные ассоциации на стимул «отец» в большей степени фиксируются в РАС, составленном на основе исследований, проведенных в 1990-х гг. В словаре ассоциативных норм рус-

ского языка под редакцией А. А. Леонтьева, вышедшем в 1977 г., негативных реакций на этот стимул меньше.

Все же в целом создается положительный образ отца в сознании русского человека.

Основные группы ассоциатов, в которых актуализируется концепт «отец»: *дом — дом* (15), *дома* (5); *глава семьи — семейства* (36), *глава* (2), *опора* (2), *хозяин* (2); *близкий человек — родной* (65), *любит* (2), *близкий человек* (1); *семья — мать* (107), *сын* (18), *папа* (17).

Рассмотрим существительные *mother* и *father* в английском языке. Для анализа используем Эдинбургский ассоциативный словарь (Edinburgh Associative Thesaurus). Следует отметить, что при создании этого словаря было опрошено меньшее количество респондентов. Так, на стимул *mother* поступило 96 реакций, на стимул *father* — 100.

Наиболее частотной реакцией на слово *mother* является *отец (father)* (50). Ассоциат указывает на значимость наличия обоих родителей в сознании англоязычного носителя. Здесь мы видим совпадение в восприятии матери и отца носителями двух рассматриваемых культур. Среди ассоциации не обнаружено отражение значений «титул женщины — главы монастыря» и «самка-родитель». Значение «женщина-родитель» представлено ассоциатами *child* (11), *baby* (1), *son* (1), *daughter* (2).

Реакции можно разделить на следующие группы: *семья (father)* (50), *son* (1), *aunt* (1), *daughter* (1), *любовь (love)* (3), *lovely* (1), *loving* (1), родительство (*child* (11), *baby* (1), *son* (1), *daughter* (1)), *наименования женщины (mum)* (2), *gin* (1), *aunt* (1), *-in-law* (1), *woman* (1)), *положительные качества матери* (по одной реакции: *comfort*, *dear*, *loving*, *nice*).

Самым частым ассоциатом на слово *father* является *mother* (54).

В ассоциативном словаре отсутствуют реакции на стимул *father*, связанные с такими значениями из толковых словарей, как «предки», «основоположник», «обращение к Богу», «священник». Согласно рассматриваемому источнику, значение «мужчина-родитель для ребенка» выражается ассоциатами *son* (13), *dad* (5), *child* (1), а «обращение к Богу» отражено только в одной реакции *God*. Остальные значения не обнаружены.

Мы выделили две группы наиболее частотных ассоциатов: *семья (son)* (13), *dad* (5), *Christmas* (1), *holiday* (1), *mum* (1)), *опора, глава (security)* (3), *money* (2), *works* (1), *law* (1)).

В словарной статье *Father* нет отрицательно окрашенных лексем.

Итак, в англоязычном ассоциативном словаре отмечается наличие лишь небольшого количества реакций, указывающих на личностные характеристики матери и отца, отсутствуют негативные реакции. Мы предполагаем, что отчасти это связано с небольшим количеством опрошенных респондентов.

Выводы

В результате анализа установлено, что в целом концепты «мать» и «отец» положительно трактуются в русской и англоязычной культурах, хотя обращает

на себя внимание наличие негативных ассоциатов, связанных с *отцом*. Они единичны, но, вероятно, отражают отрицательное отношение к распаду семьи в целом. В англоязычной культуре выделяется отношение к отцу как добытчику средств, работнику. В русском языке важным является то, что это родной и близкий человек. Существительному *мать* в отличие от *mother* свойственно значение ценностей и духовности. Также *мать* ассоциируется с Родиной. В англоязычной культуре более ярко проявляется отношение к матери как к женщине.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. — М. : Эксмо, 2008. — 323 с.
2. Дюльдина, Ж. Н. Категории «ценность» и «семейные ценности» в философских, психологических, и социальных науках / Ж. Н. Дюльдина, Л. П. Шустова // Современ. наука. Технологии. — 2016. — № 11. — С. 96—99.
3. Ильин, И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин // Путь к очевидности. — М., 1993. — С. 134—289.
4. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1996. — 288 с.
5. Трубецкой, Н. С. Об истинном и ложном национализме / Н. С. Трубецкой // Исход к Востоку. — София, 1921. — С. 71—85.
6. Касьянова, К. О. О русском национальном характере / К. О. Касьянова. — М., 1994. — 265 с.
7. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. — СПб. : Петерб. востоковедение, 2007. — 619 с.
8. Уфимцева, Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания / Н. В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания. — М., 1996. — С. 139—162.
9. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. — М. ; Калуга : РАН. Ин-т языкознания, 2011. — 252 с.
10. Уфимцева, Н. В. Проблемы изучения языкового сознания / Н. В. Уфимцева, Е. Ф. Тарасов // Вопр. психолингвистики. — 2009. — № 10. — С. 22—29.
11. Философский словарь / под ред. Т. Фролова. — М. : Республика, 2001. — 719 с.

Лексикографические источники

12. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — СПб. : «Норинт», 2000. — 1536 с.
13. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный : в 2 т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. — М. : Рус. яз., 2000. — 1209 с.
14. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс] : в 2 т. / под ред. Ю. Н. Караулова, Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфимцевой, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. — URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 19.02.2020).
15. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский [Электронный ресурс] / под ред. Н. В. Уфимцевой, Г. А. Черкасовой, Ю. Н. Караулова, Е. Ф. Тарасова. — URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html> (дата обращения 19.02.2020).
16. Словарь синонимов русского языка / под ред. З. Е. Александрова. — 11-е изд. — М. : Рус. яз., 2001. — 568 с.
17. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. Г. Бабенко. — М. : Астрель АСТ, 2011. — 688 с.
18. Толковый словарь русского языка / под ред. О. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. — 3-е изд. — М. : Аз, 1996. — 928 с.

19. Толковый словарь современного русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Аделант, 2014. — 800 с.
20. Этимологический словарь русского языка : в 3 т. / сост. А. Преображенский. — М., 1910—1914.
21. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / под ред. М. Фасмера. — 4-е изд. М., 2007.
22. Этимологический словарь русского языка / под ред. Г. П. Цыганенко. — 2-е изд. — Киев : Радянська шк., 1989. — 511 с.
23. The Edinburgh Associative Thesaurus.
24. Этимологический словарь английского языка [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения 19.02.2020).
25. The Oxford Thesaurus. An A-Z Dictionary of Synonyms. Oxford, 2004, 2062 p.
26. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения 19.02.2020).
27. Macmillan English Dictionary for advanced learners. — Macmillan, 2007. — 1748 p.
28. Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 19.02.2020).

Сведения об авторе

Борисенко Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. tatiana-tv11@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 47—55.*

“MOTHER” AND “FATHER” IN RUSSIAN- AND ENGLISH-SPEAKING LINGUOCULTURES

T.V. Borisenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. tatiana-tv11@yandex.ru

This article deals with the analysis of two concepts in Russian- and English-speaking linguocultures — *mother* and *father*. We believe that these concepts play an important part in the family values system building. Analysis of these basic concepts can help reveal the peculiarities of the national character and language. Through the study of etymological and definition dictionaries, dictionaries of synonyms, and associative thesauri we have found out similarities and differences between the cultures. Firstly, the concepts are treated positively in Russian and English. We've found a few negative responses in Russian association dictionaries for father (went away, drunkard, etc.). In English apart from Russian language father is associated with a person who works and earns money, while in Russian he is described as a close darling person. Mother in Russia has such meanings as native land. Mother as a woman is an important concept for English linguoculture.

Keywords: *family values, national character, associative thesaurus, mentality, mother, father.*

References

1. Berdyaev N.A. *Sudba Rossii* [Russian Fate]. Moscow, 2008, 323 p. (In Russ.).
2. Dyuldina Zh.N., Shustova L.P. Kategorii tsennost i semejnyj tsennosti v filosofskikh psikhologicheskikh i sotsialnykh naukakh [Philosophical values and family values in philosophical, psychological and social studies]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern scientific technologies], 2016, no. 11, pp. 96-99. (In Russ.).
3. Ilin I.A. Put dukhovnogo obnoveniya [The way to the renovation of the soul]. *Put' k ochevidnosti* [The way to the obviousness]. Moscow, 1993. Pp. 134-289. (In Russ.).
4. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskij pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and paradigmatic aspects]. Moscow, School “Languages of Russian culture”, 1996. 288 p. (In Russ.).

5. Trubetskoy N.S. Ob istinnom I lozhnom natsionalizme [True and false nationalism]. *Iskhod k vostoku* [Way to the East]. Sofiya, 1921. Pp. 71-85. (In Russ.).
6. Kasyanova K.O. *O russkom natsionalnom kharaktere* [About Russian national character]. Moscow, 1994, 265 p. (In Russ.).
7. Kolesov V.V. *Russkaya mentalnost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg, St. Petersburg Eastern studies, 2007. 619 p. (In Russ.).
8. Ufimtseva N.V. Russkie opyt eshche odnogo samopoznaniya [Russian experience of one more self-knowledge]. *Etnokulturnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Etnocultural peculiarity of language consciousness]. Moscow, 1996. Pp. 139-162. (In Russ.).
9. Ufimtseva N.V. *Yazykovoe soznanie. Dinamika i variativnost'* [Language consciousness. Dynamic and variety]. Moscow, Kaluga, RAN Institute of linguistics, 2011. 252 p. (In Russ.).
10. Ufimtseva N.V., Tarasov E.F. Problemy izucheniya yazykovogo soznaniya [Problems of linguistic consciousness study]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2009, no. 10, pp. 22-29. (In Russ.).
11. Frolov T. (ed.). *Filosofskij slovar'* [Phylosophy dictionary]. Moscow, Respublika, 2001. 719 p. (In Russ.).

Dictionaries

12. Kuznetsov S.A. (ed.). *Bolshoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Big definition dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint, 2000. 1536 p. (In Russ.).
13. Efremova T.F. (ed.). *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo obrazovatelnyj* [New Russian language dictionary. Definitions and word-formative] in 2 vol. Moscow, Russian language, 2000. 1209 p. (In Russ.).
14. Karaulov Yu.N. [et al.] (eds.). *Russkij assotsiativnyj slovar'* [Russian associative dictionary] in 2 vol. Available at: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>, accessed 19.02.2020. (In Russ.).
15. Ufimtseva N.V. [et al.] (eds.). *Slavyanskij assotsiativnyj slovar. Russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrain-skij* [Slavonic associative dictionary. Russian, Belorussian, Bulgarian]. Available at: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html>, accessed 19.02.2020. (In Russ.).
16. Aleksandrova Z.E. (ed.). *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language synonyms]. Moscow, Russian language, 2001. 568 p. (In Russ.).
17. Babenko L.G. (ed.). *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language synonyms]. Moscow, Astrel, AST, 2011. 688 p. (In Russ.).
18. Ozhegov O.I., Shvedova N.Yu. (eds.). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Definition dictionary of Russian]. Moscow, Az, 1996. 928 p. (In Russ.).
19. Ushakov D.N. (ed.). *Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Definition dictionary of modern Russian language]. Moscow, Adelant, 2014. 800 p. (In Russ.).
20. Preobrazhenskij A. (ed.). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Russian etymological dictionary] Moscow, 1910-1914. (In Russ.).
21. Phasmer M. (ed.). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Russian etymological dictionary] Moscow, 2007. (In Russ.).
22. Tsyganenko G.P. (ed.). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Russian etymological dictionary]. Kiev, 1989. 511 p. (In Russ.).
23. *The Edinburgh Associative Thesaurus*.
24. *Etimologicheskij slovar' anglijskogo yazyka* [English etymological dictionary]. Available at: <https://www.etymonline.com/>, accessed 19.02.2020.
25. *The Oxford Thesaurus. An A-Z Dictionary of Synonyms*. Oxford, 2004. 2062 p.
26. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Available at: <https://www.ldoceonline.com/>, accessed 19.02.2020.
27. *Macmillan English Dictionary for advanced learners*. Macmillan, 2007. 1748 p.
28. *Merriam Webster Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/>, accessed 19.02.2020.

РАЗРАБОТКА МЕТОДА МОДЕЛИРОВАНИЯ СОСТАВА И СТРУКТУРЫ ТЕРМИНОПОЛЯ В ОБЩЕМ И ТЕРМИНОПОЛЯ «ПОВРЕЖДЕНИЯ ТАЗА» В ЧАСТНОСТИ

А. П. Журавлёв

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Разрабатываются приемы построения модели лексико-семантической структуры терминополья. При разработке метода учитывается ряд требований. Каждый из приемов применим к любому терминополью; в частности, показана реализация метода по отношению к терминополью «Повреждения таза». Полученные результаты могут быть использованы в целях разработки программы для оценки знаний в различных предметных областях.

Ключевые слова: терминополье, лексико-семантическая структура, дифференциальная сема, граф.

В ряде опубликованных ранее работ мы уже касались вопроса моделирования лексико-семантической структуры терминополья «Повреждения таза» [8; 10]. Теперь мы решили обобщить накопленный нами опыт и экстраполировать использованные нами приемы на моделирование состава и структуры терминополья вообще.

Разрабатывая метод моделирования состава и структуры терминологического поля, мы начинаем с выделения ключевых этапов этой процедуры и проработки приемов работы с лексико-семантическим материалом на каждом из них. При этом мы считаем необходимым учитывать определенные требования. С одной стороны, разрабатываемая нами процедура моделирования должна быть максимально универсальной, чтобы быть потенциально применимой к любому терминологическому полю вообще. С другой стороны, необходимо позаботиться о том, чтобы предлагаемые нами приемы могли эффективно применяться для максимально адекватного и информативного отображения состава и структуры конкретного терминополья с учетом его характерных особенностей.

Первым этапом разрабатываемой нами процедуры моделирования является работа с лексическим составом терминологического поля. Речь идет о проработке массива профессиональной лексики, относящейся к конкретной предметной области. Этот чрезвычайно важный для нашего исследования этап состоит из нескольких стадий, на каждой из которых используются определенные приемы. Некоторые из этих приемов относительно универсальны и могут так или иначе применяться к любому терминополью; другие же носят

более частный характер и зависят от лексических особенностей конкретной предметной области.

В случае с терминопольем «Повреждения таза» мы, во-первых, начинаем с того, что проводим определенного рода сортировку лексического состава. Данная процедура осуществляется нами с соблюдением трех основных требований.

Во-первых, мы отсеиваем всю лексику, так или иначе пересекающуюся с терминопольями других предметных областей. Так, например, врачи-травматологи наряду со своей профессиональной терминологией часто используют наименования, относящиеся к хирургии, акушерству и гинекологии и т. д. Наличие таких терминологических единиц в нашей выборке нежелательно, так как они вызывают ненужное увеличение ее объема, снижая при этом «чистоту» процедуры.

Во-вторых, нами было принято решение включать в нашу выборку только те лексические единицы, которые характеризуются высокой частотностью употребления в той или иной профессиональной сфере. Поскольку язык представляет собой живое образование, он подвержен постоянным изменениям. Язык той или иной профессиональной сферы не является исключением: некоторые термины неизбежно употребляются гораздо чаще других, какие-то термины с течением времени признаются неактуальными или неправильными, в результате чего постепенно исчезают из повседневного профессионального общения. Такого рода термины необходимо отсеивать, поскольку они вряд ли полезны в рамках своей предметной области и не внесут какого-либо существенного вклада в модель ее лексико-семантической структуры.

В случае же с терминопоя «Повреждения таза» мы обосновываем такое наше решение тем, что, помимо упомянутого выше, общий объем лексического материала по этой теме чрезвычайно велик, что практически исключает любую возможность его сколь угодно полного анализа в рамках данного исследования.

В-третьих, практически каждая предметная область характеризуется тем, что в ее лексическом составе наряду с общепринятыми терминами присутствует определенный процент нетерминологических единиц (то есть наименований, никак не закрепленных в официальных справочниках, словарях или тезаурусах по данной конкретной специальности). При этом такие лексические единицы, несмотря на свою «нетерминологичность», широко и повсеместно употребляются специалистами наряду с терминами. Они либо используются в качестве синонимов терминов, либо служат для ликвидации лакун. В рамках настоящего исследования нам представляется весьма важным учитывать эту особенность лексического состава терминопоя и включать в рассмотрение не только термины, но и некоторые нетерминологические единицы.

Следующим шагом процедуры проработки массива профессиональной лексики терминологического поля (в том числе терминопоя «Повреждения таза») мы считаем выявление основных типов семантических отношений между лексическими единицами, образующими его. Здесь в качестве основного метода исследования мы будем использовать метод тезаурусного моделирования [1]. При этом необходимо отметить, что терминопоя, относящиеся разным предметным областям, могут характеризоваться разными видами преобладающих в них системных связей. Что касается терминопоя «Повреждения таза», преобладающими типами семантических отношений между образующими его элементами являются гиперо-гипонимия и меронимия.

Для удобной наглядной репрезентации семантических отношений между лексическими единицами терминопоя мы будем представлять анализируемую нами лексику в специальных таблицах.

В первой графе таблицы будет приводиться уникальный буквенно-числовой индекс термина, присвоенный ему согласно разработанной нами системе обозначений (эта система подробно рассмотрена ниже).

Во второй графе таблицы будет приводиться непосредственно сам термин. Как и все термины,

он должен характеризоваться наличием только одного значения, не допускающего иных толкований. Более того, указываемые в таблице термины должны употребляться только в пределах рассматриваемой предметной области и не пересекаться с другими предметными областями.

В третьей графе таблицы будут указываться синонимы рассматриваемого термина (при этом следует отметить, однако, что далеко не все приводимые в таблице термины имеют синонимы того или иного рода). Указываемые в третьей графе синонимы будут двух видов — полные либо неполные. Отметим, что по мере возможности мы будем сосредотачиваться именно на полных синонимах, с тем чтобы не перегружать наше исследование синонимами, связанными друг с другом лишь относительно, и не нарушать тем самым стройность выстраиваемой нами модели.

Также в третьей графе мы будем указывать нетерминологические синонимы терминов (о них уже говорилось выше) в случаях, когда таковые имеются. Такие синонимы будут выделены курсивом.

Помимо синонимии, в таблице будет отражен и другой вид системных отношений, а именно гиперо-гипонимические. Для этого в таблицу будут введены четвертая и пятая графы, в которых будут содержаться гиперонимы и гипонимы соответственно. В нашей работе мы заостряем внимание на этом виде отношений еще и потому, что частой и характерной ошибкой учащихся является то, что они путают синонимию и гиперонию. Иными словами, студенты зачастую используют гипоним или гипероним какого-либо термина в качестве его синонима. Так, студенты часто приводят термины типа «бабочки», типа *Вуальмье* и типа *Мальгена* как синонимы термина *множественный*, в то время как на самом деле они являются его согипонимами. Данная ошибка является признаком неправильно сформированного восприятия профессиональной лексики и семантики и, следовательно, языковой картины предметной области. Поэтому в целях формирования правильного восприятия нам приходится проводить строгую границу между синонимами, с одной стороны, и гипонимами и гиперонимами — с другой.

Таковы предлагаемые нами приемы проработки лексического состава терминопоя «Повреждения таза» на первом этапе моделирования его состава и структуры. При этом мы считаем необходимым отметить тот факт, что разработанные нами приемы имеют во многом универсальный характер

и могут быть эффективно применены к лексическому фонду любой другой предметной области, как профессиональной, так и общеязыковой.

Однако, как сказано выше, проработка лексического состава терминологического поля является лишь первым этапом в построении его лексико-семантической модели. Рассматривая в нашей предыдущей работе процессы концептуализации и категоризации, мы уже отмечали общеизвестный факт: на определенном этапе формирования лексического фонда предметной области естественным образом возникает необходимость этот фонд каким-либо образом упорядочить. Иными словами, по достижении «критической массы» накопленный в результате процесса концептуализации лексический материал нуждается в некоей обработке, систематизации по каким-либо категориям, с тем чтобы научная деятельность в той или иной профессиональной области могла двигаться дальше. По этой причине категоризация, являясь следующим после концептуализации этапом в познании индивидом окружающего мира, играет важную роль в выполнении некоторых задач нашего исследования.

Как известно, фактический материал упорядочивается для достижения разных целей. В одних случаях это необходимо для обеспечения удобства профессионального общения, в других — для осуществления научно-исследовательской деятельности и т. д. В нашем исследовании мы упорядочиваем фактический материал для наглядного его представления для учебных целей и в перспективе для создания основы программы для количественной и качественной оценки профессиональных знаний учащихся и специалистов. Говоря о последнем пункте, отметим, что проведенный нами выше анализ лексического состава терминополья может быть использован для решения задачи количественной оценки знаний. Для решения же задачи качественной оценки знаний необходимо структурировать лексический материал с использованием каких-либо категорий. Для этого мы переходим ко второму этапу процедуры моделирования терминологического поля — после проработки его лексического состава приступаем к разработке способов репрезентации его структуры.

На данном этапе мы ставим перед собой задачу выделить элементы, которые будут структурировать лексический состав терминополья, объединяя лексические единицы в образования более высокого порядка — семантические оппозиции. Под се-

мантическими оппозициями мы будем понимать группы слов, состоящих друг с другом в отношениях несовместимости (взаимоисключения). Эти группы будут представлять собой образования, состоящие из двух и более взаимоисключающих понятий (например, перелом *открытый* и *закрытый*). При этом количество непосредственно самих лексических единиц в той или иной группе не имеет никакого значения — суть в том, что одновременно в составе сложного термина может быть употреблена только одна лексическая единица из этой оппозиции.

В качестве структурирующих элементов нами было решено использовать дифференциальные семы. Подробно рассмотрев метод компонентного анализа лексического значения [2; 3; 5; 6], мы пришли к выводу, что дифференциальные семы могут оказаться наиболее полезными для нашего исследования в силу своих смысловоразличительных функций. Такой вывод был нами сделан по результатам анализа лексического состава терминополья «Повреждения таза» и типов семантических отношений между его элементами. Анализ показал, что одним из преобладающих типов системных отношений является несовместимость (либо «или-или» в терминах математической комбинаторики, то есть из группы однородных терминов может быть выбран только один). Так, например, перелом может быть открытым или закрытым, но не может быть открытым и закрытым одновременно. Практически все проанализированные нами термины так или иначе противопоставляются друг другу, образуя антонимические пары, тройки и т. д. Очевидно, что они имеют общий смысловой компонент, который исследователь-лингвист может легко выделить, прибегнув к консультации врача-травматолога. Все это позволяет упорядочивать лексический состав терминологического поля «Повреждения таза» посредством дифференциальных сем. При этом одна и та же сема при нисходящем движении по иерархии терминов будет являться дифференциальной, а при восходящем — интегральной.

В свете всего вышесказанного использование дифференциальных сем в качестве структурирующих элементов представляется нам оптимальным для построения функциональной модели терминологического поля вообще и терминополья «Повреждения таза» в частности.

Говоря о выделении структурирующих элементов, необходимо отметить тот факт, что в исследовательских работах подобного плана (то есть посвященных описанию терминологии, постро-

ению языковой картины предметной области, составлению тезауруса профессиональной лексики и т. д.) авторы зачастую рассматривают и отображают графически только один тип элементов, а именно сами термины. Структурирующие же элементы зачастую либо выражены в виде достаточно размытых формулировок (что крайне усложняет их использование в прикладных целях), либо не приводятся вообще, а только лишь подразумеваются. С одной стороны, мы склонны согласиться с авторами таких работ, которые небезосновательно полагают, что специалистам, работающим в данной конкретной предметной области, нет необходимости уделять особое внимание тем элементам, которые и без того для них очевидны. Однако, с другой стороны, в контексте нашего исследования, с учетом прикладного аспекта разрабатываемого нами метода моделирования состава и структуры терминопоя мы считаем необходимым не только репрезентировать в нашей модели непосредственно сами термины, но также эксплицировать те элементы, при помощи которых эти термины выстраиваются в некоторую систему со всеми присущими ей типами семантических отношений. На то существует несколько причин. Во-первых, такой шаг необходим для достижения цели нашего исследования — действительно, разработка универсального метода для построения модели лексико-семантической структуры терминопоя не представляется нам возможной без экспликации структурирующих элементов как важнейшей части этой модели, особенно в плане дальнейшего использования результатов нашего исследования для создания компьютерной квалиметрической программы.

Во-вторых, в целях построения целостной функциональной модели терминопоя мы считаем необходимым выявить и компенсировать лакуны, которые в нем неизбежно присутствуют. В-третьих, для достижения некоторых из поставленных нами задач необходимо представление учебного материала в максимально удобной и доступной для учащихся форме. Это нужно для правильного формирования языковой картины предметной области у обучаемого. Излишне говорить, насколько важно при этом использовать четко и лаконично репрезентированные структурирующие элементы.

В дальнейшем для краткости мы будем называть выделяемые нами структурирующие элементы критериями.

Если говорить конкретно о моделировании структуры терминопоя «Повреждения таза»,

то критерии для построения классификации признаков, видов и объектов повреждений в общем и целом были сформированы нами на основе наработок, опубликованных в монографии А. Н. Краснова [7] и частично — из учебника травматологии А. Ф. Краснова [9]. Как и в случае с отбором лексического материала, мы прибегли к консультации врача-травматолога, который и являлся автором указанной выше монографии. При отборе критериев мы руководствовались следующими соображениями.

Во-первых, нами были отобраны наиболее часто используемые, а потому самые релевантные на настоящий момент критерии. Такое намеренное ограничение количества структурирующих элементов, включаемых в рассмотрение, продиктовано тем, что общее число элементов, структурирующих лексический состав терминологического поля «Повреждения таза», слишком велико для перечисления и детального рассмотрения в рамках отдельно взятой научной работы.

Во-вторых, мы решили включать в нашу выборку только общепринятые (то есть универсальные) критерии. Рассмотрение критериев, встречающихся лишь в отдельных классификациях, представляется нам нецелесообразным с точки зрения всеохватности и достоверности исследования.

В-третьих, мы будем рассматривать только те критерии, по которым возможно выделить полноценную антонимическую группу, состоящую минимум из двух терминов. Дело в том, что в некоторых случаях один из элементов оппозиции либо отсутствует, хотя и подразумевается (то есть имеют место лакуны), либо не является термином. Подобного рода ситуация является скорее обычной практикой, нежели исключением, и довольно часто наблюдается во многих предметных областях. Однако нам для достижения наших целей необходимо полностью эксплицировать лексический состав антонимической группы терминов, поскольку в компьютерной программе наличие лакун недопустимо. Именно этим и продиктовано данное вводимое нами ограничение.

По итогам проведенной нами работы будет построена еще одна таблица. Эта таблица призвана наглядно продемонстрировать, каким образом выработанные нами критерии структурируют лексический состав терминопоя «Повреждения таза». Таблица будет состоять из трех столбцов. В первой графе таблицы будет указываться уникальный индекс критерия. Этот индекс коррелирует с индексами терминов, приведенных

в предыдущей таблице. Во второй графе будет приводиться критерий в максимально непротиворечивой и лаконичной форме. В третьей графе будут перечисляться простые термины, которые входят в состав антонимической группы, выделяемой согласно данному критерию.

Остается отметить, что предложенный нами способ выделения критериев и представления их в виде таблицы может быть применен для моделирования структуры любого терминологического поля.

Описанные выше два этапа разрабатываемой нами процедуры моделирования состава и структуры терминологического поля «Повреждения таза» будут повторены по ходу исследования три раза. Причина заключается в том, что работа с данным терминопolem как единым и целостным образованием довольно затруднительна. Более того, в таком подходе нет необходимости, поскольку лексический состав терминопolem «Повреждения таза» можно разделить на три довольно четко обособленные лексико-семантические группы. Такое деление данного терминопolem продиктовано типовой структурой составных терминов, обозначающих повреждения таза: как правило, такой термин состоит трех частей. Центральным элементом составного термина является слово, обозначающее вид повреждения. Этот элемент представлен такими существительными, как *переломы, отрывы, вывихи* и другими, которые формируют лексико-семантическую группу видов повреждений (ЛСГ {S}). Лексико-семантическая группа {A} представлена существительными и словосочетаниями, которые обозначают анатомические объекты (например, *таз, кости таза, копчик, правое крыло таза* и т. д.) Лексико-семантическое поле признаков повреждений (ЛСГ {P}), в свою очередь, образовано преимущественно прилагательными. Рассмотрим пример:

P	S	A
[поперечный]	[перелом]	[крестца]

Прежде чем перейти к следующему этапу разработки процедуры моделирования состава и структуры терминологического поля вообще и терминопolem «Повреждения таза» в частности, а именно к выбору способа идеографической репрезентации его состава и структуры, мы должны подробно остановиться на уже упомянутой выше системе обозначений составляющих это поле элементов — лексических единиц и структурирующих их критериев.

Итак, в рамках данной работы для обозначения единиц фактической информации (простых терминов) и структурирующих их элементов (критериев) будет применяться специально разработанная нами система буквенно-числовых индексов. Необходимость создания подобного рода уникальной системы обозначений продиктована некоторыми особенностями разрабатываемой нами методики моделирования состава и структуры терминопolem. Более того, нам необходимо принимать в рассмотрение и возможный прикладной аспект нашего исследования. Поскольку в перспективе результаты данной работы могут быть использованы для создания основы для квалиметрической программы, нам нужно предусмотреть возможность осуществления алгоритма автоматического поиска в ответе нужной нам информации и сравнения ее с базой знаний. В свете этого необходимость создания тщательно продуманной и непротиворечивой системы индексов представляется нам более чем очевидной.

Итак, при создании нашей системы обозначений мы руководствовались следующими соображениями.

Во-первых, разрабатываемая нами система обозначений должна полностью охватывать весь исследуемый нами материал — и сами простые термины, и структурирующие их критерии. Помимо прочего, такая система будет служить для осуществления автоматической оценки как количественного наполнения ответа, так и качества представленных в нем знаний. О количественной составляющей ответа можно судить по числу представленных в нем терминов, а о качестве знаний (то есть степени сформированности языковой картины предметной области) — по наличию в этом ответе критериев, а также по их количеству [4].

Во-вторых, система индексов должна позволять легко и быстро идентифицировать критерии и термины в составе сложной многоуровневой лексико-семантической структуры предметной области. Иными словами, индексы должны содержать в себе информацию об иерархии критериев и терминов, давая возможность ориентироваться в семантических отношениях между ними как по горизонтали (антонимия), так и по вертикали (гиперо-гипонимия). При этом индексы критериев и выделяемых согласно им терминов должны определенным образом соотноситься друг с другом. С одной стороны, это нужно для удобства последующей работы в рамках нашего исследования.

С другой стороны, такой подход создает удобную основу для разработки алгоритма автоматического поиска информации и сравнения ее с базой знаний.

Итак, первым символом в составе буквенно-числовых индексов, присваиваемых согласно нашей системе, будет являться буква К («критерий»), после которой будет стоять одна из трех латинских букв — р, s или а. Эти буквы призваны показывать принадлежность конкретного термина или критерия к одной из описанных выше лексико-семантических групп (например, Кр, Кs или Ка).

После латинской буквы в составе индексов будут идти цифры. У всех критериев числовая часть индекса будет состоять из двух цифр. Первая цифра индекса критерия будет обозначать номер уровня иерархии (то есть номер горизонтали), на котором располагается данный критерий. Вторая цифра будет служить порядковым номером критерия на этой горизонтали. Таким образом, можно провести параллель с системой координат, где первая цифра в составе индекса — это координата Y, а вторая — координата X.

Что же касается простых терминов, то первым символом в составе их индексов будет одна из латинских букв P, S или A. По аналогии с индексами критериев эти буквы показывают, к какой из трех лексико-семантических групп в составе терминопоя «Повреждения таза» относится конкретный термин.

Числовая часть индексов терминов будет состоять из трех цифр. При этом первые две цифры полностью повторяют индекс критериев, согласно которым они выделяются. Третья же цифра индекса представляет собой порядковый номер данного конкретного термина в антонимической группе, выделенной по данному критерию. Таким образом, индекс лексической единицы позволяет не только определить ее положение в иерархии семантической структуры предметной области, но и установить, к какому критерию она относится. Таким образом, реализуется возможность проверять критериальную составляющую знаний и давать не только количественную, но и качественную оценку ответа.

Для примера возьмем критерий по *степени тяжести*. Данный критерий относится к лексико-семантической группе, объединяющей признаки повреждений костей таза, и занимает второе место на втором уровне иерархии. Следовательно, его буквенно-числовой индекс будет выглядеть как Кр₂₋₂.

Теперь перейдем к антонимической группе терминов, выделяемой по этому критерию. В состав

конкретно этой группы будет входить три термина-признака — *легкие, средние и тяжелые*. Согласно разработанной нами системе обозначений им будут присвоены индексы P₂₋₂₋₁, P₂₋₂₋₂ и P₂₋₂₋₃. Данный пример демонстрирует, как коррелируют индексы критериев и терминов.

Следующий на этом уровне иерархии — критерий *по количеству переломов в одном анатомическом объекте*. Он получает индекс Кр₂₋₃, а входящие в состав выделяемой оппозиции термины — соответственно P₂₋₃₋₁, P₂₋₃₋₂ и P₂₋₃₋₃.

Третьим и последним этапом разрабатываемой нами процедуры моделирования состава и структуры терминологических полей вообще и терминопоя «Повреждения таза» в частности является идеографическая репрезентация его состава и структуры.

Выбор способа идеографической репрезентации состава и структуры терминологического поля представляется нам важным этапом на пути построения его функциональной модели. При этом для достижения адекватных результатов нам необходимо учитывать целый ряд важных факторов, поскольку специфика нашего исследования налагает определенные требования на выбираемый нами способ идеографической репрезентации состава и структуры терминологического поля вообще и терминопоя «Повреждения таза» в частности. Подходящий для нас способ идеографического представления модели терминопоя должен в первую очередь отвечать таким требованиям, как наглядность и функциональность.

Наглядность представления состава и структуры терминопоя важна в первую очередь в плане обучения. Излишне напоминать, насколько важна в дидактическом аспекте продуманная и последовательная репрезентация учебного материала.

Более того, результаты нашего исследования в перспективе могут быть использованы в качестве основы для квалитетической программы. В свете этого такой аспект, как функциональность, приобретает особое значение. Выбираемый нами способ репрезентации состава и структуры терминопоя должен позволять не только реализовать разработанные нами основные принципы работы с массивом профессиональной лексики, но и создать по мере возможности определенные предпосылки для их алгоритмизации.

Продолжая разговор о выборе способа репрезентации лексико-семантической структуры терминологического поля, мы считаем нужным отметить, что речь идет не только и не столько

об отображении на модели того или иного терминополья только лишь его лексического состава. Репрезентация единиц фактической информации — простых терминов — не представляет никаких затруднений с технической точки зрения. Настоящей задачей мы считаем представление именно структуры терминологического поля. Поскольку простые термины и структурирующие их критерии образуют сложную, многоуровневую, иерархически упорядоченную систему, мы пришли к мнению, что для ее адекватной репрезентации необходимо представление терминов и критериев в виде схемы древовидного типа. Иными словами, такая схема должна отображать как горизонтальные отношения между элементами терминополья (например, синонимия, антонимия и т. д.), так и вертикальные (конкретизация термина высокого уровня посредством более простых терминов более низких уровней иерархии). При этом нам также необходимо предусмотреть возможность как нисходящего движения по этой схеме (от общего к частному, от гиперонима к гипонимам), так и восходящего — от отдельно взятого термина к его гиперонимам.

С учетом сформированных выше требований нами было принято решение в качестве способа идеографической репрезентации состава и структуры терминологического поля использовать граф.

Само по себе использование графа (и элементов теории графов вообще) для идеографической репрезентации любого рода информации и знаний не является чем-то принципиально новым в современной науке. В таком качестве граф и подобные ему структуры встречаются во многих областях исследований, причем необязательно связанных с языком. Это неудивительно — иерархически упорядоченная структура идеально подходит для визуального представления знаний в виде классификации, и многие исследователи используют граф как эффективный и универсальный инструмент для репрезентации компонентов какой-либо предметной области и связей между ними.

Рассматриваемая нами предметная область тоже может быть представлена в виде графа, поскольку между единицами терминополья «Повреждения таза» наблюдаются, как мы уже выяснили, ярко выраженные многоуровневые гиперо-гипонимические и меронимические отношения. Именно поэтому мы можем с минимальными преобразованиями (и, следовательно, с минимальными смысловыми потерями и искажениями) представить структуру данного поля в виде графа. При этом ядро терминологического поля становится корневой

вершиной графа, а периферия — его конечными вершинами, или «листьями».

Более того, граф как способ репрезентации данных позволяет решать ряд прикладных задач, поскольку теория графов тесно связана с логикой, математикой и программированием.

Следует отметить, что способы программной реализации графовых структур уже давно отработаны и широко применяются для решения широкого спектра прикладных задач. Данный аспект представляется нам весьма важным в контексте нашего исследования — выше мы уже упоминали о важности такого аспекта, как функциональность. Граф как способ представления данных позволит в дальнейшем перевести результаты нашего исследования в область программирования.

В итоге общая лексико-семантическая структура терминополья «Повреждения таза» будет представлена в виде графа, состоящего из трех подграфов. Мы будем называть этот граф эталонным, так как именно с ним будут сравниваться графы ответов студентов, которые также будут репрезентироваться в виде графа. Сравнение графа ответа с эталонным графом по ряду количественных и качественных параметров позволит дать оценку знания студентом как фактического материала, так и критериев организации этого материала в целостную лексико-семантическую структуру предметной области.

Выше мы уже говорили о том, что при построении модели лексико-семантической структуры терминополья мы будем использовать не только сами термины, но и структурирующие их элементы — критерии. Таким образом, на нашем графе будут отображаться элементы двух типов. Такой подход поможет осуществлять не только количественную проверку знаний учащихся (то есть по количеству терминов в ответе), но и качественную (по наличию в ответе критериев).

Сравним граф ответа, репрезентирующий только термины, и граф того же ответа, репрезентирующий, помимо лексических единиц, еще и критерии. В качестве примера рассмотрим ответ студента-медика на вопрос о классификации повреждений таза (здесь и далее ответы взяты из монографии А. Н. Краснова):
602-511/5-Э. Переломы таза:

I Открытые.

II Закрытые:

- a) 1) со смещением тазового кольца,
- 2) без смещения;

b) 1) с нарушением функции органов малого таза,

- 2) без нарушения [7. С. 348].

Представим этот ответ в виде графа, репрезентирующего только сами термины (рис. 1):



Рис. 1. Граф ответа 602-511/5-Э

Нельзя не согласиться, что такой граф дает нам некоторую информацию для количественной оценки: например, мы видим, что в ответе представлена только одна лексико-семантическая группа, а именно ЛСГ {P}. Две другие группы терминов — ЛСГ {S} и {A} — не представлены никак.

Однако представленной на графе информации недостаточно для качественной оценки. Так, например, сразу возникает вопрос, по какому критерию открытые и закрытые переломы объединяются в одну группу, а переломы с повреждением органов таза и без таковых — в другую. И этот вопрос очень важен, поскольку он затрагивает тему не только знания фактического материала, но и понимания его структуры. В данном ответе отсутствуют опорные точки, которые позволили бы преподавателю оценить знания студента не только количественно (по объему фактической информации), но и качественно (по знанию структуры).

В принципе преподаватель может уловить критерии построения классификации, имплицитно присутствующие в ответе студента, и дать качественную оценку его знаниям. Однако специфика нашего исследования такова, что оценку профессиональных знаний учащихся подразумевается осуществлять в формате диалога «человек — компьютер», а не «человек — человек»: тестировать студента будет не преподаватель, а программа. В таком режиме работы формулировки «выявлять имплицитно представленные элементы» или

«интуитивно понимать критерии построения», естественно, теряет смысл, и проблема адекватной идеографической репрезентации лексико-семантической структуры предметной области приобретает новый смысл.

Эксплицируя элементы, структурирующие лексический состав ЛСГ, мы получим те самые опорные точки, которые позволят «научить» квалиметрическую программу давать не только количественную, но и качественную оценку ответов учащихся. Так, например, можно увидеть, что термины *открытый* и *закрытый* образуют бинарную оппозицию, выделенную по эксплицированному нами критерию «По наличию раны» (обозначим его Кр-1). Аналогично можно поступить и с прочими парами терминов (критерии Кр-2 и Кр-3 соответственно). С учетом вышесказанного граф ответа, пригодный для автоматизированной обработки, будет выглядеть так (рис. 2):

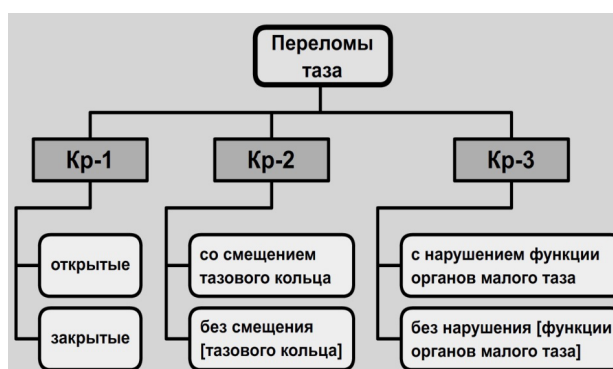


Рис. 2. Граф ответа 602-511/5-Э

с эксплицированными структурирующими элементами

Теперь, когда на графе появились четко выраженные критерии выделения антонимических групп терминов, можно отследить, как термины восходят к гиперониму — корневой вершине графа.

Таким образом, мы завершили разработку процедуры моделирования состава и структуры терминологического поля вообще и конкретно терминопоя «Повреждения таза» в общем и целом законченной. На основе полученных результатов мы предполагаем, что основные этапы предлагаемой нами процедуры — проработка массива профессиональной лексики, выявление структурирующих эту лексику критериев и идеографическая репрезентация терминопоя в виде графа — могут быть в общем и целом применены к любому терминологическому полю.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие / И. В. Арнольд. — М., 1991. — 140 с.
2. Гулыга, Е. В. О компонентном анализе значимых единиц языка / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976. — С. 291—314.
3. Журавлёв, А. П. Компонентный анализ как один из методов исследования значения слова / А. П. Журавлёв // Наука и мир. — 2018. — № 7. — С. 81—84.
4. Журавлёв, А. П. Разработка параметров количественной оценки ответов таксономического типа студентов-травматологов / А. П. Журавлёв // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. — 2015. — Т. 17, № 1 (4). — С. 936—938.
5. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учеб. пособие / И. М. Кобозева. — М., 2000. — 352 с.
6. Кузнецов, А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу : монография / А. М. Кузнецов. — М., 1986. — 127 с.
7. Краснов, А. Н. Психолого-педагогические основы технологии открытого тестирования : монография / А. Н. Краснов. — Самара, 2005. — 442 с.
8. Краснов, А. Н. Языковая репрезентация концептуальной модели анатомического объекта. Когнитивно-коммуникативный анализ : монография / А. Н. Краснов, Е. А. Слоева. — Germany : LAP LAMBERT Academic Publ., 2011. — 139 с.
9. Краснов, А. Ф. Травматология : учебник / А. Ф. Краснов, В. Ф. Мирошниченко, Г. П. Котельников. — М., 1995. — 455 с.
10. Слоева, Е. А. Когнитивно-коммуникативный подход к описанию анатомического объекта : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Слоева. — Самара, 2007. — 21 с.

Сведения об авторе

Журавлёв Александр Павлович — преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета, Самара, Россия. palych32@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 56—65.*

DEVELOPING A METHOD OF MODELING LEXICAL-SEMANTIC STRUCTURE OF A TERMINOLOGICAL FIELD IN GENERAL AND THE “PELVIS INJURIES” FIELD IN PARTICULAR

A.P. Zhuravlyov

Samara State Technical University, Samara, Russia. palych32@rambler.ru

The subject of this paper is to develop a general method of modeling lexical-semantic structure of a terminological field. The suggested method is supposed to consist of several stages, with certain techniques engaged in each of them. It is obvious that a number of specific requirements is to be considered in the process. There are certain research methods employed to reach our goal; among them are the componential analysis of lexical meaning, field approach and thesaurus approach. Each of the techniques of the procedure we come up with can be potentially applied to any terminological field; in particular, we show how these techniques are employed to build a model of lexical-semantic structure of the “Pelvis injuries” terminological field. In perspective, the results obtained in this paper can be used to develop the basis of a qualimetric software for evaluating quantitative and qualitative aspects of professional knowledge in various subject fields.

Keywords: *terminological field, lexical-semantic structure, differential seme, graph.*

References

1. Arnol'd I.V. *Osnovy nauchnyh issledovanij v lingvistike* [Basis of scientific research in linguistics]. Moscow, 1991. 140 p. (In Russ.).
2. Gulyga E.V, Shendel's E.I. O komponentnom analize znachimyh edinic yazyka [On componential analysis of meaningful language units]. *Principy i metody semanticheskikh issledovanij* [Principles and methods of semantic research]. Moscow, 1976. Pp. 291-314. (In Russ.).
3. Zhuravlyov A.P. Komponentnyj analiz kak odin iz metodov issledovanija znachenija slova [Componential analysis as one of the methods of studying the word semantics]. *Nauka i mir* [Science and world], 2018, no. 7, pp. 81-84. (In Russ.).
4. Zhuravlyov A.P. Razrabotka parametrov kolichestvennoj ocenki otvetov taksonomicheskogo tipa studentov-travmatologov [Parameters of quantitative evaluation of students' taxonomic-type answers]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Journal of Samara scientific center of Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 17, no. 1 (4), pp. 936-938. (In Russ.).
5. Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaja semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, 2000. 352 p. (In Russ.).
6. Kuznecov A.M. *Ot komponentnogo analiza k komponentnomu sintezu* [From componential analysis to componential synthesis]. Moscow, 1986. 127 p. (In Russ.).
7. Krasnov A.N. *Psichologo-pedagogicheskie osnovy tehnologii otkrytogo testirovanija* [Psychological and pedagogical basis of the open testing technology]. Samara, 2005. 442 p. (In Russ.).
8. Krasnov A.N., Sloeva E.A. *Yazykovaja reprezentacija konceptual'noj modeli anatomicheskogo objekta. Kognitivno-kommunikativnyj analiz* [Language representation of conceptual model of anatomic object. Cognitive-communicative analysis]. Germany, 2011. 139 p. (In Russ.).
9. Krasnov A.F., Miroshnichenko V.F., Kotel'nikov G.P. *Travmatologiya* [Traumatology]. Moscow, 1995. 445 p. (In Russ.).
10. Sloeva E.A. *Kognitivno-kommunikativnyj podhod k opisaniju anatomicheskogo objekta* [Cognitive-communicative approach to description of anatomic object. Abstract of thesis]. Samara, 2007. 21 p. (In Russ.).

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ЖЕНЩИН-ПОЛИТИКОВ ФРГ

В. А. Каменева, Л. И. Федянина

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ,
проект 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект».

Статья посвящена изучению антропоморфной метафоры в современном немецкоязычном политическом дискурсе. Показан воздействующий потенциал антропоморфных метафор в профессиональном дискурсе женщин-политиков Федеративной Республики Германия, анализируется сфера-магнит антропоморфных метафор немецких политических деятелей. Исследование базируется на материале выступлений и совещаний Урсулы фон дер Ляйен, Франциски Гиффай, Юлии Клэкнер, Свени Шульце, Катарины Барли в 2018 г.

Ключевые слова: *политический дискурс, антропоморфная метафора, прагматический потенциал, политическая метафорология, лингвоперсонология*

Повышение интереса к вопросам лингвокогнитивного кодирования информации в политическом дискурсе послужило стимулом к появлению теории политической метафорологии [1; 9; 13; 15—18] и лингвоперсонологической теории политической метафорологии [3; 8; 14; 19—22]. Соответственно, исследование метафоры как продуктивного лингвокогнитивного средства, позволяющего вскрыть глубинные процессы кодирования, трансляции и декодирования информации в политической коммуникации, способствовало разработке релевантного понятийно-терминологического аппарата указанных теорий и адаптации общелингвистических методов и приемов анализа под специфику указанного научного объекта.

Данное исследование объединяет общую теорию политической метафорологии и лингвоперсонологическую теорию политической метафорологии. Подобный интегрированный подход позволяет выявлять характеристики антропоморфной метафоры политического дискурса ведущих политических деятелей той или иной страны, основываясь на данных исследованиях профессионального дискурса нескольких политиков. Это дает возможность минимизировать необоснованную экстраполяцию выводов, формулируемых на основе результатов анализа персонотекстов нескольких политических деятелей на всю общность политических текстов, образующих политический дискурс. Под персонотекстом в данном исследовании вслед за Н. В. Мельник понимается текст «в аспекте проявления в нем

свойств языковой личности автора и/или адресата» [12. С. 202].

Антропоморфная метафора уже длительное время вызывает интерес лингвистов. Ее исследуют на материале различных дискурсов и разных лингвокультур [2; 10; 11 и др.]. Существенный вклад в исследование антропоморфной метафоры в немецкоязычной социально-политической коммуникации внесли Р. Д. Керимов и Л. И. Федянина. Их работы способствовали совершенствованию теории немецкоязычной политической метафорологии в общем и послужили основой для обособления теории метафорического антропоморфизма [4—7]. В работах тщательно исследуется материал немецкоязычной социально-политической коммуникации в период с 2009 по 2015 г. Данная работа вносит определенный вклад в развитие теории, созданной Р. Д. Керимовым и Л. И. Федяниной, добавляя в научное поле анализ антропоморфной метафоры с лингвоперсонологических позиций. Под антропоморфной метафорой в данном исследовании понимается тип метафоры, в которой различные конститuentы социально-политической действительности (страны, объединения стран, политические ведомства, организации и т. д.) репрезентируются в ассоциативной связи с человеком или его действиями, способствуя экспликации их оценки в политическом дискурсе. Политический дискурс понимается как речевые произведения, которые создаются политическими деятелями в рамках своей профессиональной деятельности и содержание которых относится к сфере политики.

Гипотеза данной работы состоит в том, что антропоморфные метафоры, с одной стороны, в политическом дискурсе представляют собой эффективное средство акцентирования значимости определенных экономических и политических объединений или событий, переводящее их оценку и интерпретацию из плоскости «человек — социум» в плоскость «человек — человек». С другой стороны, это средство манипуляции, позволяющее политикам снять с себя ответственность за последствия определенных политических или экономических событий из-за их «автономности» и, следовательно, неподконтрольности властям.

Для верификации гипотезы исследования проведем анализ немецкоязычного политического дискурса. Материалом исследования послужат речи известных немецких женщин-политиков, занимавших в недавнем прошлом посты федеральных министров Германии. В выборку исследования включим выступления Урсулы фон дер Ляйен — министра обороны, Франциски Гиффай — федерального министра по делам семьи и молодежи, Юлии Клёкнер — министра продовольствия и сельского хозяйства, Свени Шульце — федерального министра окружающей среды, Катарины Барли — федерального министра юстиции. Для анализа возьмем выступления немецких политиков-женщин в целях соблюдения принципа единообразия материала исследования.

Методика анализа будет включать следующие процедуры: 1) отбор языкового материала, относящегося к немецкоязычному политическому дискурсу; 2) идентификацию антропоморфных метафор; 3) выявление особенностей сферы-магнита метафорической экспансии в антропоморфных метафорах немецкоязычного политического дискурса; 4) описание функциональных особенностей выявленных антропоморфных метафор.

Анализ сферы-магнита антропоморфной метафоры в профессиональном дискурсе немецких женщин-политиков позволяет сделать следующие обобщения.

В немецкоязычном политическом дискурсе антропоморфно репрезентируется Германия. Как представляется, с одной стороны, антропоморфная метафоризация политиками ФРГ позволяет дополнительно подчеркнуть очевидную и закономерную значимость своей страны для ее политических деятелей. Мы наделяем антропоморфными признаками только те объекты, значимость которых однозначна для нас. С другой стороны, антропоморфная презентация своей страны позволяет по-

литическим деятелям приписывать некую автономность стране в принятии решений независимо от политиков, снимая груз ответственности за последствия с политических деятелей и предоставляя возможность критики положения некоторых дел в стране. Так, например, в профессиональном дискурсе немецких политиков Германия представлена в образе человека, который, например, должен нести больше ответственности в вопросах внешней политики и политики безопасности: *Damals haben der Bundespräsident, der Außenminister und ich gemeinsam die gleiche Botschaft formuliert: Deutschland muss mehr Verantwortung tragen in Fragen der Außen- und Sicherheitspolitik* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018).

Германия, как влиятельная страна на мировой политической арене, наделяется немецкими политиками способностью настаивать на своих обещаниях и договоренностях, а также ориентироваться в определенных ситуациях: *Deutschland steht zu seinen Zusagen in den Vereinten Nationen. Und Deutschland steht zu seinen Vereinbarungen in der NATO* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018); *Wenn Deutschland als gefestigte Demokratie sich nicht hinter seiner Geschichte versteckt, sondern akzeptiert, dass Soldatinnen und Soldaten für Sicherheit und Freiheit kämpfen müssen* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018).

Отметим антропоморфную метафоризацию изменений политического положения страны на мировой арене в 2014 г. *Damals, im Februar 2014, konnten wir nicht ahnen, wie schnell die sicherheitspolitische Lage uns prüfen wird* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). Резкое ухудшение политического положения Германии сравнивается с болезнью человека. Это кодируется морбиальной метафорой и маркируется словами *dramatisch, sich verschlechtern*: *Denn kurz nach der Konferenz begann sie sich dramatisch zu verschlechtern* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018).

В немецкоязычном политическом дискурсе антропоморфно репрезентируются другие страны. Как представляется, антропоморфная метафоризация немецкими политиками в профессиональном дискурсе других стран позволяет акцентировать их значимость для Германии. Материал исследования показывает антропоморфную метафоризацию США и Франции.

Посредством антропоморфной метафоры США позиционируются как военные, которые постоянно участвуют в боевых действиях: *Nach der russischen Aggression gegen die Ukraine haben die USA ihre TruPenpräsenz in Europa wieder kontinuierlich erhöht*

(<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). Акцентирование особенностей американского менталитета позволяет репрезентировать США как политика, которому важно соблюдение политических прав и свобод не только в своей стране, но и в других странах. Например: *Amerika engagiert sich weltweit für seine — aber auch für unsere Sicherheit und Freiheit* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). Кроме того, США представляются в образе реформатора, который постоянно думает об улучшениях: *Ja, die Vereinten Nationen brauchen Reformen. Aber sie brauchen keine Schwächung* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). В свою очередь США, когда речь идет о Германии времен Второй мировой войны, представляются в образе человека, не «повернувшегося спиной к проигравшей войну стране», а предоставившего ей план Маршалла: *Nach der dunkelsten Zeit der deutschen Geschichte und dem militärischen Sieg der Alliierten über Nazi-Deutschland, hat Amerika uns nicht den Rücken zugewandt, sondern uns den Marshallplan gegeben. Aus einem weitsichtigen Verständnis der eigenen Sicherheit* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018).

Анализ антропоморфной метафоризации профессионального дискурса политиков позволяет говорить о том, что Германия и Франция метафорически репрезентируются как равноправные политические деятели, демонстрирующие готовность и дальше вместе заниматься европейским проектом: *Deutschland und Frankreich sind bereit, das europäische Projekt gemeinsam weiter voranzutreiben — und wir laden alle Europäer ein, mit voranzuschreiten* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018).

В немецкоязычном политическом дискурсе антропоморфно репрезентируются экономические и военные объединения нескольких стран. Они предстают в образе политического деятеля, который может проявлять самостоятельность и личную ответственность в доверенных ему делах: *Es geht um ein Europa, das auch militärisch mehr Gewicht in die Waagschale werfen kann. Das damit mehr Eigenständigkeit und Eigenverantwortung tragen kann — letztlich auch in der NATO* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). Европейский Союз, на который политики Германии возлагают большие надежды, показывается защитником, обладающим силой и уверенным в себе: *Sie wollen ein Europa, das schützt, sie wollen ein starkes Europa, sie wollen ein selbstbewusstes Europa* (<https://www.bmvg.de> 21.11.2018). Организация Североатлантического договора (НАТО) благодаря антропоморфной метафорике также представляется в качестве защит-

ника, обеспечивающего политическую стабильность как в мире, так и в ФРГ: *Die NATO wird für uns immer kollektive Verteidigung sein* (<https://www.bmvg.de> 21.11.2018).

PESCO — постоянное структурное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны (ранее Европейский оборонительный союз) — метафорически репрезентируется как сказочный персонаж (Спящая Красавица), который бездействовал (находился в глубоком сне) десять лет, а затем обрел былую активность (пробудился ото сна). *Deshalb haben wir vor einem Jahr sozusagen das schlafende Dornröschen aus dem Lissabon-Vertrag geweckt, die europäische Verteidigungsunion, die zehn Jahre geschlummert hat. Vor einem Jahr haben wir die Verteidigungsunion Europas aus der Taufe gehoben. Die PESCO ist jetzt ein Jahr alt* (<https://www.bmvg.de> 21.11.2018).

Антропоморфная метафорика представляется актуальной для описания коллективных вооруженных сил, которые будут действовать сообща. Речь идет о немецко-французской бригаде или немецко-нидерландском корпусе: *Wir wollen nämlich gemeinsame Streitkräfte in nationaler Verantwortung, aber so eng verzahnt, so gemeinsam ausgerüstet und ausgestattet, dass sie gemeinsam üben können für Missionen, wie es jetzt die Deutsch-Französische Brigade in Mali macht oder wie es uns das Deutsch-Niederländische Corps seit vielen Jahren vormacht* (<https://www.bmvg.de> 21.11.2018).

В немецкоязычном политическом дискурсе антропоморфную репрезентацию имеют различные организации и объединения. Так, террористическая организация предстает в образе убийцы, который не вступает в переговоры, жестоко расправляется с населением: *Der IS* im Irak und in Syrien verhandelt nicht, der IS* im Irak und in Syrien köpft* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). С одной стороны, антропоморфная метафоризация терроризма в речах политиков, позволяет в полной мере показать и негативно оценить бесчинства террористических объединений, с которыми, по мнению политиков, нужно бороться, изгонять из городов, освобождая невинных людей. С другой стороны, подобная метафоризация позволяет подчеркнуть, что террор — деятельность людей, а значит, ее можно остановить. *Wenn wir IS* im Irak und in Syrien unter schwersten Kämpfen aus einer Stadt vertrieben haben, dann gewinnen wir die Herzen der Menschen nur, wenn auch Wasser, Elektrizität und Jobs schnellstmöglich wieder*

* Запрещенная в России экстремистская организация.

da sind (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). *Was hilft es der Familie in Mossul, wenn sie vom Terror befreit ist — dann aber verhungert?* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018).

Антропоморфную метафоризацию в немецком политическом дискурсе получают и те организации, которые сами нуждаются в помощи и поддержке. Например: *Wir haben die OSZE Special Monitoring Mission in der Ost-Ukraine unterstützt* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). Антропоморфную репрезентацию в профессиональном дискурсе женщин-политиков имеют вооруженные силы ФРГ, военно-воздушные силы страны, федеральное ведомство вооружений. Приведем ряд примеров. *Und das Militär leistet einen wesentlichen Beitrag zur Bewältigung von Krisen und Konflikten* (<https://www.bmvg.de> 16.02.2018). *Die Bundeswehr hat eindrucksvoll gezeigt, was sie kann* (<https://www.bmvg.de> 21.11.2018). *Ja, Herr Wehrbeauftragter, die Luftwaffe hat in diesem Jahr ihren fünfundzwanzigsten A400M erhalten* (<https://www.bmvg.de> 13.12.2018). Федеральное ведомство вооружений, информационных технологий и применения бундсвера, получившее в выступлениях женщин-политиков также именование «команда», репрезентируются как активные политические функционеры, которые могут добиваться больших успехов, в пятикратном размере превышающих запланированные: *Das heißt, diese Mannschaft hat in den vier Jahren der letzten Legislaturperiode das Fünffache geleistet* (<https://www.bmvg.de> 21.11.2018). Федеральные ведомства и комиссии также предстают в образе политика, который способен оперативно решать вопросы и умеет нести ответственность за принятые решения: *Es ist ein Gesetz, das zeigt, dass der Bund seine Verantwortung auch über 2022 hinaus wahrnehmen wird* (<https://www.bundesregierung.de>

14.12.2018). *Bis Juli 2019 wird die Kommission konkrete, sichtbare und wirksame Vorschläge erarbeiten* (<https://www.bundesregierung.de> 4.12.2018).

В немецкоязычном политическом дискурсе антропоморфную репрезентацию также получают экономика и политика. Основной фрагмент политико-экономического сектора бюджета метафорически репрезентируется как живое существо, которое с каждым годом растет, что благоприятно отражается на развитии Германии в целом: *In der Tat: Seit fünf Jahren wächst der Haushalt* (<https://www.bmvg.de> 21.11.2018).

Выводы

Немецкие женщины-политики прибегают к антропоморфной метафоризации в своем профессиональном дискурсе, описывая ФРГ и страны, с которыми важно поддерживать хорошие политические отношения; кроме того, в качестве сферы-магнита метафорической экспансии также выступают экономические и военно-политические объединения нескольких стран, различные организации, вооруженные силы ФРГ, военно-воздушные силы страны, федеральные ведомства и комиссии, политика и экономика Германии.

На внешнеполитической арене Федеративная Республика Германии — страна-лидер, которая формирует экономическую повестку дня как в Европейском Союзе, так и мире и от которой зависят многие политические решения. С одной стороны, используя антропоморфную метафоризацию, политики подчеркивают, что определенные проблемы рукотворны, а значит, решаемы. С другой стороны, применение антропоморфной метафоризации в какой-то мере помогает политикам снять ответственность с себя в сфере политики и экономики.

Список литературы

1. Аникин, Е. Е. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России / Е. Е. Аникин, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // *Вопр. когнитив. лингвистики*. — 2015. — № 3 (44). — С. 26—32.
2. Балашова, Л. В. Антропоморфная метафора в жанре аналитического обзора «Итоги 2016 года» в российской прессе / Л. В. Балашова // *Жанры речи*. — 2018. — № 4 (20). — С. 277—285.
3. Каменева, В. А. Сферы-источники метафорической экспансии в речах Б. Обамы / В. А. Каменева, А. А. Перевалова // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*, 2012. — № 17 (271). — С. 80—86.
4. Керимов, Р. Д. Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации : монография / Р. Д. Керимов. — Кемерово, 2015. — 339 с.
5. Керимов, Р. Д. Антропоморфизм как когнитивно-языковой механизм метафоризации в политдискурсе / Р. Д. Керимов // *Когнитив. исследования языка*. — 2015. — № 22. — С. 448—450.
6. Керимов, Р. Д. Немецкий текст Библии как источник метафорической антропонимики / Р. Д. Керимов, Л. И. Федянина Л. И. // *Современные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов* :

- сб. науч. тр. III Всерос. шк.-семинара / под ред. Ю. В. Кобенко [и др.]. — Томск : Нац. исследоват. Томск. политехн. ун-т (ТПУ), 2013. — С. 44—52.
7. Керимов, Р. Д. Антропоморфный признак немецких концептов 'GELD' и 'POLITIK' / Р. Д. Керимов, Л. И. Федянина // Культура как текст : сб. науч. ст. — М. ; Смоленск : Ин-т языкознания РАН : Смоленск. гуманитар. ун-т, 2009. — С. 63—72.
8. Кондратьева, О. Н. Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко / О. Н. Кондратьева // Полит. лингвистика. — 2010. — № 4 (34). — С. 101—112.
9. Кондратьева, О. Н. Лингвополитическая персонология (метафорический ракурс исследования) / О. Н. Кондратьева, В. А. Каменева // Науч. диалог. — 2020. — № 1. — С. 78—96.
10. Максимова, Ю. А. Политическая метафорика Л. Д. Троцкого (на примере антропоморфных метафор) / Ю. А. Максимова, М. Г. Милютин // Вестн. Удмурт. ун-та. — 2013. — № 2. — С. 134—138.
11. Малюкова, Д. С. Антропоморфные метафоры в современном политическом дискурсе / Д. С. Малюкова // Язык и культура. — 2009. — № 4 (8). — С. 50—54.
12. Мельник, Н. В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка / Н. В. Мельник // Сиб. филол. журн. — 2011. — № 1. — С. 200—207.
13. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / О. Н. Паршина ; под ред. О. Б. Сиротининой. — М. : Изд-во ЛКИ, — 2007. — 227 с.
14. Сяосяо, Ц. Об исследовании метафоры в американском президентском дискурсе / Ц. Сяосяо // Полит. лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 239—243.
15. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. — 238 с.
16. Chilton, P. Metaphor in political discourse: The case of the common 'European house' / P. Chilton, M. Pinyan // Discourse and Society. — 4 (1). — 1993. — P. 7—32.
17. Harvey, A. D. The Body Politic: Anatomy of a Metaphor / A. D. Harvey // Contemporary Rev. — 1999. — Vol. 275 (1603). — P. 85—93.
18. Howe, N. Metaphor in Contemporary American Political Discourse / N. Howe // Metaphor and Symbolic Activity. — 1988. — Vol. 3 (2). — P. 87—104.
19. Ivanovic, I. Comparative study of metaphor in British and United States of America (US) political discourse / I. Ivanovic // XLinguae J. — 2017. — Vol. 10 (2). — P. 16—29.
20. Pasaribu, T. A. Domains of Political Metaphors in Presidential Speeches / T. A. Pasaribu // LLT J. — 2016. — Vol. 19, № 2. — P. 96—104.
21. Rickert, W. Winston Churchill's Archetypal Metaphors: A Mythopoetic Translation of World War II / W. Rickert // Central States Speech J. — 1977. — Vol. 28. — P. 106—112.
22. Semino, E. Politics Is Football: Metaphor in the Discourse of Silvio Berlusconi in Italy / E. Semino, M. Masci // Discourse and Society. — 1996. — № 7 (2). — P. 243—269.

Источники

<https://www.bmvg.de>

<https://www.bundesregierung.de>

Сведения об авторах

Каменева Вероника Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия. russia_science@mail.ru

Федянина Любовь Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия. e-mail: fedianina@inbox.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 66—72.*

ANTHROPOMORPHIC METAPHOR IN THE PROFESSIONAL DISCOURSE OF FEMALE POLITICIANS IN THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

V.A. Kameneva, L.I. Fedyanina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-012-00522

The article is devoted to the study of anthropomorphic metaphor in modern German-language political discourse. The sphere-magnet of anthropomorphic metaphors of female German politicians is revealed and analyzed. The study is carried out on the basis of presentations and meetings of Ursula von der Leyen, Francis Giffey, Julia Klöckner, Sveni Schulze, Katarina Barlyay in 2018. The paper shows that German female politicians resort to anthropomorphic metaphorization in their professional discourse, describing Germany and countries with which it is important to maintain good political relations. Economic and military-political associations also act as a magnet sphere of metaphorical expansion in the description of various organizations, the armed forces and the air forces of the country, federal departments and commissions, politics and the economy of Germany. The paper shows that, on the one hand, using anthropomorphic metaphorization, politicians emphasize that certain problems are man-made, which means they can be solved. On the other hand, the use of anthropomorphic metaphorization to some extent helps politicians relieve themselves of responsibility.

Keywords: *political discourse, anthropomorphic metaphor, pragmatic potential, political metaphorology, linguopersonology.*

References

1. Anikin E.E., Budaev E.V., Chudinov A.P. Istoricheskaya dinamika metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikacii Rossii [Historical dynamics of metaphorical systems in the Russian political communication]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 2015, no. 3 (44), pp. 26-32. (In Russ.).
2. Balashova L.V. Antropomorfnyaya metafora v zhanre analiticheskogo obzora "Itogi 2016 goda" v rossijskoj presse [Anthropomorphic metaphor in the genre of the analytical review "Results of 2016" in the Russian press]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2018, no. 4 (20), pp. 277-285. (In Russ.).
3. Kameneva V.A., Perevalova A.A. Sfery-istochniki metaforicheskoy ehkspansii v rechah B. Obamy [Sources of metaphorical expansion in the speeches of B. Obama]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 17 (271), pp. 80-86. (In Russ.).
4. Kerimov R.D. *Metaforicheskij antropomorfizm v social'no-politicheskoy kommunikacii* [Metaphorical anthropomorphism in socio-political communication]. Kemerovo, 2015. 339 p.
5. Kerimov R.D. Antropomorfizm kak kognitivno-yazykovoj mekhanizm metaforizacii v politdiskurse [Anthropomorphism as a cognitive-linguistic mechanism of metaphorization in political discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies], 2015, no. 22, pp. 448-450.
6. Kerimov R.D., Fedyanina L.I. Nemeckij tekst Biblii kak istochnik metaforicheskoy antroponimiki [The German text of the Bible as a source of metaphorical antroponymy]. *Sovremennye napravleniya analiza i interpretacii inokul'turnyh tekstov* [Modern directions of analysis and interpretation of foreign cultural texts]. Tomsk, 2013. Pp. 44-52.
7. Kerimov R.D., Fedyanina L.I. Antropomorfnyj priznak nemeckih konceptov 'GELD' i 'POLITIK' [Anthropomorphic sign of German concepts 'GELD' and 'POLITIK']. *Kul'tura kak tekst* [Culture as a text]. Moscow, Smolensk, 2009. Pp. 63-72.
8. Kondrat'eva O.N. Metaforicheskaya reprezentaciya politicheskoy zhizni Ukrainy v idiostile Yulii Timoshenko [Metaphorical representation of the political life of Ukraine in the idiostyle of Yulia Tymoshenko]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2010, no. 4 (34), pp. 101-112. (In Russ.).
9. Kondrat'eva O.N., Kameneva V.A. Lingvopoliticheskaya personologiya (metaforicheskij rakurs issledovaniya) [Linguopolitical personology (metaphorical perspective of the study)]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2020, no. 1, pp. 78-96. (In Russ.).

10. Maksimova Yu.A., Milyutina M.G. Politicheskaya metaforika L.D. Trockogo (na primere antropomorfnyh metafor) [L.D. Trotsky's political metaphor (on the example of anthropomorphic metaphors)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2013, no. 2, pp. 134-138.
11. Malyukova D.S. Antropomorfnye metafory v sovremennom politicheskom diskurse [Anthropomorphic metaphors in modern political discourse]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2009, no. 4 (8), pp. 50-54.
12. Mel'nik N.V. Yazykovaya lichnost' i tekst kak predmet lingvopersonologii russkogo yazyka [Linguistic personality and text as a subject of linguistic personology of the Russian language]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2011, no. 1, pp. 200-207. (In Russ.).
13. Parshina O.N., Sirotinina O.B. (ed.). *Rossiyskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika* [Russian political speech: theory and practice]. Moscow, LKI Publ., 2007. 227 p. (In Russ.).
14. Syaosyao C. Ob issledovanii metafory v amerikanskom prezidentskom diskurse [On the study of metaphor in American presidential discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2016, no. 4 (58), pp. 239-243. (In Russ.).
15. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000)* [Russia in a metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg, 2001. 238 p. (In Russ.).
16. Chilton P., Ilyin M. Metaphor in political discourse: The case of the common 'European house'. *Discourse and Society*, 1993, no. 4 (1), pp. 7-32.
17. Harvey A.D. The Body Politic: Anatomy of a Metaphor. *Contemporary Review*, 1999, vol. 275 (1603), pp. 85-93.
18. Howe N. Metaphor in Contemporary American Political Discourse. *Metaphor and Symbolic Activity*, 1988, vol. 3 (2), pp. 87-104.
19. Ivanovic I. Comparative study of metaphor in British and United States of America (US) political discourse. *XLinguae Journal*, 2017, vol. 10 (2), pp. 16-29.
20. Pasaribu T.A. Domains of Political Metaphors in Presidential Speeches. *LLT Journal*, 2016, vol. 19, no. 2, pp. 96-104.
21. Rickert W. Winston Churchill's Archetypal Metaphors: A Mythopoetic Translation of World War II. *Central States Speech Journal*, 1977, vol. 28, pp. 106-112.
22. Semino E., Masci M. Politics Is Football: Metaphor in the Discourse of Silvio Berlusconi in Italy. *Discourse and Society*, 1996, no. 7 (2), pp. 243-269.

Sources

<https://www.bmvg.de> (In German).

<https://www.bundesregierung.de> (In German).

МЕСТО ЦВЕТА В СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СПОРТА

А. С. Кобыскан, Е. А. Яковлева

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

Предлагается анализ функции цветообозначений в семиотической системе спорта. Особое внимание уделяется роли цвета с формальной, функциональной, семантической, эстетической, психологической и семиотической сторон, в частности, для маркировки спортивных коллективов, их дифференциации по цвету, отражения в цветах коллектива определенных корпоративных качеств, установления контакта с аудиторией для передачи определенной информации и эмоционального воздействия. Общность указанных функций подтверждается примерами из футбольного, автогонного, хоккейного дискурса, а также событиями и визуальными кодами других видов спорта.

Ключевые слова: цветообозначения, функция цвета, семиотика спорта, лексика и терминология спорта, лексика футбола, лексика автогонок.

Вопросы символики цвета всегда были значимы для человечества. В древних культурах цвет использовался как атрибут принадлежности людей к различным социальным слоям общества или как символ выражения тех или иных идей духовного мира человека. Сегодня социокультурные трансформации влекут за собой изменения в культурных кодах, языках и образах, что, в свою очередь, приводит к трансформации цветового символизма. При этом определенные идеи и цели находят свое выражение через визуальные и дискурсивные формы.

Слова со значением цвета в языке образуют соответствующее лексико-семантическое поле, совокупность колором, связанных отношением подчинения с обобщающим понятием, выраженным архисемой *цвет*. Поля цветообозначения могут быть рассмотрены в различных аспектах: формальном, функциональном, семантическом, эстетическом, психологическом и, конечно, семиотическом. С языковой точки зрения прилагательные цветообозначения «занимают промежуточное положение между “подлинными” именами и “подлинными” предикатами. Слово-цветообозначение, как и всякое слово, является знаком: оно выражает концепт и указывает на денотат» [11. С. 109]. Этот факт обуславливает их семантическое и семиотическое развитие.

Результатом семантического развития цветовых слов явилось сосуществование в языке их прямых, переносных и символических значений, что активно использовалось и используется в различных видах словесного художественного творчества и разного рода дискурсах.

Говоря о лексическом поле цвета, стоит сказать о его влиянии на сознание. Эту проблематику рас-

сматривали А. А. Потебня и А. Ф. Лосев, для которых внутренняя форма слова есть отношение, и именно отношение мысли к сознанию; но если для А. А. Потебни это отношение собственной человеческой мысли к сознанию [7. С. 89], то для А. Ф. Лосева это есть отношение собственной мысли предмета, идеи самого предмета к сознанию [4. С. 191].

Сообщение, заключенное в тексте, может быть представлено вербально (словесный текст) или иконически, то есть изобразительно (греч. *eikon*) — изображение) [12. С. 158]. В XX и XXI вв. визуальный способ выражения идей выходит на первый план, следствием чего становится появление культуры массмедиа и ее дальнейшая трансформация, развитие невербальных кодов в общественных сферах, в том числе в спорте.

Визуальная символика и ее выражение довольно спонтанны, являются следствием наиболее актуальных идей и проблематики [6. С. 140]. Формируемые визуальные образы «экономно» передают адресату (зрителю) большой объем информации, в частности, включая представления о «хорошем» и «плохом», «своем» и «чужом» и пр.

Спорт по своей сути является визуальной знаковой структурой, обладающей закрытой системой коммуникативных отношений: «в отличие от линейного характера словесных сообщений система зрительной коммуникации не линейна, а двухмерна, потому что адресат, созерцающий картину, воспринимает сообщение как целое» [8. С. 414]. В связи со сказанным всю визуальную составляющую спорта («зрелищного» характера) стоит признать компонентом спортивного метатекста креолизованного типа.

В современной науке обосновано, что спорт является семиотической системой [2. С. 25]. Данное обстоятельство позволяет выявить в нем *категории формы, содержания и значения*. Правила соревнований, выполняющие функцию *формы* в семиотической структуре спорта, получают воплощение в самом соревновании, которое выражает *содержание* спорта. В свою очередь результат (счет, итог) относится к категории *значения* — он придает смысл и является целью любого спортивного соревнования.

Во второй половине XX в. детально разрабатывались общие вопросы эстетики спорта [5; 9], в последние десятилетия исследования носят преимущественно частный характер. Так, например, изучению подверглись эстетика вестиментарной (экипировочной) культуры спорта [3] и отдельных видов спортивных дисциплин [1].

В рамках данной статьи мы рассматриваем цвет как один из наиболее значимых компонентов содержательной категории спортивной семиотики.

Роль цвета

в командных спортивных соревнованиях

Цвета в спортивных соревнованиях выполняют сигнальную, репрезентативную, дифференцирующую, символическую, контактоустанавливающую, эмоциональную и даже магическую функции.

Цвет является неотъемлемой составляющей сигналов в различных видах спорта. При этом за цветом, как правило, закрепляется какое-либо основное значение: *красный* чаще всего обозначает запрещение, *желтый* вводит ограничения, *зеленый* — разрешение, *черный* — наказание и т. п.

Так, например, в футболе для демонстрации штрафных решений арбитра в отношении игроков применяются цветные карточки: *желтая* (предупреждение) и *красная* (удаление). В последнее время в футболе (итальянская «Серия В») внедряется применение *зеленой* карточки, которую показывают игроку в целях поощрения за честную игру.

В автогонках и мотогонках также используются сигналы, основанные на определенных цветах, — в виде световых огней и демонстрации флагов.

Стартовые огни и фонари при выезде из боксов, по сути, можно считать спортивным вариантом дорожного светофора, что и отражается на подаваемых ими сигналах: *красный* означает закрытие движения по трассе, *зеленый* — открытие движения (старт или начало прогревочного круга). Также при помощи световых огней, соответствующих флагам, стюарды вдоль трассы подают сигналы

гонщикам (и зрителям) в темное время суток (согласно п. 5 приложения Н к Международному спортивному кодексу) [22. С. 11].

По ходу авто- и мотосоревнований судьи регулируют ход гонки при помощи цветных флагов, значение которых закрепляется в приложении Н к международному спортивному кодексу [22. С. 14—19]:

1. *Национальный флаг страны*, принимающей соревнование, может использоваться в качестве стартового.

2. *Красный* — остановка гонки.

3. *Клетчатый черно-белый* — финиш гонки или завершение тренировочного/квалификационного заезда.

4. *Черный* флаг — штраф/дисквалификация спортсмена/экипажа.

5. *Черно-оранжевый* — требование исправить техническую проблему на транспортном средстве или сойти с дистанции.

6. *Черно-белый* — наказание спортсмена/экипажа за неспортивное поведение.

7. *Желтый* флаг — опасность на трассе (снижение скорости, запрет на обгон).

8. *Красно-желтый* — предупреждение о скользкой дороге (в дождь или при разливе масла).

9. *Синий* — сигнал о приближении быстрой машины.

10. *Белый* — предупреждение о нахождении медленной машины на трассе (в сериях NASCAR и IndyCar — предупреждение о последнем круге гонки).

11. *Зеленый* — конец опасной ситуации на трассе или рестарт гонки.

Таким образом, принципы отбора цветообозначений для сигналов в целом соответствуют как традиционным представлениям о семантике цвета (*красный, черный, желтый, зеленый*), так и традиционным правилам дорожного движения (применительно к авто- и мотогонкам). Рассмотренные примеры демонстрируют функциональную сторону цветов на внутриспортивном (регламентационном) уровне.

Вторая обозначенная нами функция цвета позволяет маркировать тот или иной спортивный коллектив. Во многих дисциплинах мы можем визуально оценить состав команды по одинаково оформленной одежде спортсменов и лиц, обеспечивающих процесс участия в соревнованиях, в частности представителей тренерского корпуса, медперсонала, технических инженеров и механиков (упоминание последних двух видов профес-

сий — применительно к мотогонкам и автогонкам) и др. В случае если коллектив добивается высоких результатов и становится медийно узнаваемым, цвет становится одной из важнейших составляющих спортивного бренда. Смена цветов клуба — явление, которое ранее происходило в спорте весьма редко и имело, как правило, под собой весомую причину — слияние с другим клубом, смена владельца и т. п. В некоторых случаях споры, связанные со сменой основных цветов, могут привести к возникновению конфликта и разделению коллектива. Связанно это с тем, что цвет, равно как и логотип, флаг, герб и гимн, является «символом» спортивной команды. Здесь во многом проявляются воинские традиции — воинское подразделение существует, пока сохраняется его знамя. Клуб «жив» до тех пор, пока есть те, кто хранит его атрибутику (даже несмотря на юридическую ликвидацию). Это характерно для многих видов спорта. О важности цвета в формировании образа спортивной команды говорит и наличие процесса метонимизации, когда название цвета командной атрибутики переносится на команду в целом или на спортсменов.

В автоспорте гонщиков часто именуют по цветам автомобилей. Пример: «Красные начинают и...» [14] или «Красная угроза» [13]. В данных выражениях *красные* — это гонщики итальянской команды Ferrari, основным цветом в расцветке автомобилей которых является *красный*.

В командных видах спорта также отмечается данный способ метонимизации: «В предпоследнем туре чемпионата России в минувшие выходные ЦСКА провел сверхпринципиальный матч, в котором встречался с московским “Спартак”. “Красно-синие” вырвали победу на последних минутах» [15]; «бело-голубые» крепко стоят на ногах и пока имеют простор для маневра. Но для тренера Виктора Прокопенко время ограничено этим сезоном: если “Динамо” не окажется наконец “в медальях”, головы руководителей клуба полетят» [21].

В хоккее с шайбой устойчивое название «Красная машина» служит для обозначения национальных сборных СССР и России, «Зеленая машина» — прозвище ХК «Салават Юлаев» и фанатского движения данной команды.

Третья функция цвета позволяет различать представителей спортивных коллективов между собой. Благодаря цветоразличению актуализируется сигнальная система «свой-чужой». Это необходимо как для выстраивания взаимодействия между спортсменами одной команды (с внутриспортив-

ной точки зрения), так и для формирования контрастного визуального образа соревнований (медийный план). Чаще всего именно представители телевидения оказывают влияние на выбор цвета формы спортсменов: «Долгое время вопрос, кто как должен выглядеть, решало телевидение. Раньше, когда телевидение было черно-белым, одна команда всегда была светлой, другая — темной. После прихода цвета на экран телевидение требовало от команд контрастных сочетаний» [19].

Стоит отметить, что выбор цвета спортивной формы может иметь и тактическое обоснование: при схожем цветовом оформлении команд-соперников спортсмены могут чаще ошибаться, что в некоторых случаях может дать преимущество одной из сторон. Чаще всего случаи использования мало-различимых по расцветке форм можно встретить в футболе. Один из примеров — матч между командами ЦСКА («красно-синими») и «Локомотив» («красно-зелеными»), состоявшийся 28.07.2019, где на основном красном фоне обоих типов игровых форм дополнительные цвета были менее контрастны между собой.

Еще одна функция — символическая — позволяет отражать в цветооформлении какие-либо качества, особо почитаемые спортивным коллективом, корпоративные цвета (если какая-либо организация выступает в качестве спонсора или организатора), цвета, характерные для географических мест, с которыми связан спортивный клуб (город, административно-территориальная единица, край); цвета, символизирующие национальную культуру или страну. Рассмотрим данные явления подробнее.

Нередко причиной принятия командой для себя определенного цвета или сочетания цветов является память о каких-либо традициях или событиях. В частности, использование ФК «Барселона» в качестве основных цветов *синего* и *гранатового* исторически обусловлено (по одной из версий) слегка видоизмененными цветами швейцарского кантона Тичино — родины Жоана Гампера, сооснователя клуба. Пермский ФК «Амкар» получил *красно-черный* цвет благодаря любви руководства клуба к итальянскому ФК «Милан», исторически имеющему данные цвета. Официальное объяснение выбора расцветки команд «Динамо» объяснялся тем, что «голубой цвет символизирует электричество, а следовательно, динамо-машину. Существует и другая версия: чекисты решили символизировать слова своего руководителя Феликса Дзержинского о светлых и чистых помыслах сотрудников этой

организации и выбрали для этого бело-голубые цвета» [16]. Традиционные цвета клуба «Пари Сен-Жермен» сложились в результате объединения в 1970 г. двух клубов — «Сен-Жермен-ан-Ле», игравшего в *белой* форме, и «Пари», выступавшего в *красно-голубых* цветах. Другой французский футбольный клуб, «Осер», с 1909 г. выступает в *бело-голубых* цветах, которые являются символом непорочности и небесной правды и ассоциируются с Пресвятой Девой Марией, традиционно изображаемой художниками в белых одеждах и голубой накидке [17].

На протяжении XX в. значительно возрос фактор спонсорства при брендировании спортивных команд. Многие коллективы окрашиваются в корпоративные цвета. В современном футболе это мало представлено, несмотря на участие таких заводских клубов, как «Вольфсбург», «Байер», «Сошо», «ПСВ» и др. Их цвета не повторяют в точности цвета компаний владельцев или спонсоров. Более того, «Сошо» и «ПСВ», утратив «заводской» статус, сохранили свои традиционные цвета. Тем не менее отдельные примеры корпоративного брендирования существуют: ФК «Луч-Энергия» в середине 1990-х гг. использовал *желто-красно-черную* форму, рекламируя пиво «Форекс». После ухода спонсора владивостокская команда перешла в *желто-синюю* гамму [16]. ФК «Газовик» («Оренбург»), в свою очередь, переходил от *желто-черных* к *бело-голубым* цветам компании «Газпром». Подобные примеры можно встретить в Германии: «Штутгарт» оформление своей формы и герб клуба на ней оформил в *черно-белых* (= *серых*, = *серебристых*) цветах бренда Mercedes, а в 2009 г. был создан клуб «Лейпциг», владельцем которого является австрийский производитель напитков Red Bull. Красные бодающиеся быки изображены на логотипе клуба, а форма футболистов выполнена в корпоративных *бело-красных* цветах.

В автогонках, напротив, очень часто применяется практика смены цветов в честь спонсоров. Команда Lotus в «Формуле-1» за свою многолетнюю историю меняла исходную *зеленую* ливрею на *красно-золотисто-белую*, *золотисто-черную*, *желтую*, *зелено-желто-белую*; Jordan с 1991 по 1997 г. менял *зеленую* окраску болидов на *синюю*, *бело-синюю*, *бело-сине-зеленую*, *бело-зеленую*, *желтую*, *бронзовую*, *желто-черную*. Автомобили Sauber за свою историю с 1993 по 2018 г. выходили на трассу в *черной*, *темно-синей*, *сине-зеленой*, *бело-сине-зеленой*, *бело-голубой* (цвета BMW), *бело-черной*, *бело-серой*, *серой*, *сине-желтой*, *сине-*

белой, *гранатово-белой* (цвета Alfa-Romeo) ливрее. В «младших» сериях практически не встречаются случаи сохранения командами исторических цветов.

При выборе внешнего облика спортсменов многие коллективы подбирают цвета, символически значимые для «родных» географических мест.

В футболе такими примерами являются:

- ФК «Москва», использовал *черный* и *гранатовый*: «в системе идентификации цветов они представляют собой так называемый 201-й пантон (так в полиграфии называется составная краска), который использовался при создании современного столичного герба» [16].

- ФК «Луч» (Владивосток). В конце XX в. надолго переоделся в *желто-синие* тона, где *желтый* — цвет солнца, а *синий* — Японского моря [16].

- Официальные цвета ФК «Томь» — *бело-зеленые*. Это традиционные краски Сибири. *Зеленый* символизирует тайгу, *белый* — снег [16].

- Донецкий «Шахтер» — сочетание *оранжевого* и *черного* цветов в Донбассе традиционно ассоциируется с солнцем и углем [20].

- ФК «Олимпик» (Лион). В июле 1950 г. Альбер Трийа, профессор медицины и член управляющего совета «Лиона», предложил взять для лионского «Олимпика» цвета представляемого им города: *красный*, *синий*, *белый* и *золотой* [17].

Национальные цвета, как правило, отражены в командах всех видов спорта вне зависимости от их специфики. Это позволяет демонстрировать единство и патриотизм нации. Примеры: основной цвет Франции Bleu de France — *синий*, Нидерландов — Nederlandse Orange — *оранжевый*, Бразилии — *желтый*, Японии, Польши, Монако, Канады, Швейцарии — *красный* и *белый* и др. *Зеленый* цвет — мусульманские страны, Ирландия.

В футболе существуют примеры, демонстрирующие, что далеко не всегда традиционные цвета форм команд соответствуют национальным. Например, название сборной Италии Squadra azzurra напрямую указывает на ее традиционно *синий* цвет (не *зеленый* или *красный*, что может показаться более мотивированным).

В автогонках также существует своя система специальных обозначений национальных цветов гоночных автомобилей. При этом приоритетом обладает участник соревнования: традиционно частный владелец красит свою машину в цвета своей страны, а не производителя. Данная система обозначений также имеет собственную мотивированность и не всегда связана напрямую

с официальными государственными цветами. Так, в Англии классическим считается British Racing Green — *зеленый*, в Италии Rosso Corsa — *красный*, в Германии die Silberpfeile — *серебристый*, в США — Cunningham racing stripes — *белый с синими* полосами или *синий с белыми* полосами. Как правило, наиболее частотными в текстах СМИ среди данных цветообозначений являются British Racing Green и Rosso Corsa. Это объясняется наличием развитого рынка спортивных автомобилей в Италии и почитанием гоночных традиций как в Италии, так и в Великобритании. Есть и обратный пример: die Silberpfeile часто калькируется именованим «Серебряные стрелы», которое относится не столько к окраске автомобиля, сколько к автомобилю как таковому.

Помимо указанных функций, цвета в рамках спортивной сферы выполняют еще и такие: фатическую, магическую и эмотивную. Нередко цвет используется спортсменами для установления контакта с аудиторией, передачи какой-то определенной информации, например: использование *черных* нарукавных повязок в знак памяти о какой-либо трагедии или траурных памятных дат, использование лент национальных цветов в знак политической поддержки определенных сил и т. д. Реже цвет используется как универсальный способ обозначения юридического статуса того или иного спортивного коллектива, например: *серая* униформа спортсменов на олимпийских играх и выступление под флагом нейтрального цвета (не имеющего отношения к национальным символам). В отдельных случаях цвет может использоваться как «сообщение» конкретному адресату — например, в 2019 г. российская прыгунья с шестом Аксана Гатауллина после победы на юниорском чемпионате Европы в Швеции совершила круг почета с *розовым* пледом в *белый горошек*, выражая протест против дисквалификации Всероссийской федерации легкой атлетики [18].

Многие ритуалы в спорте основаны на использовании цветообозначений. Смена цвета становится своего рода обрядом инициации. Так, в частности, в разных видах борьбы при повышении уровня своего мастерства спортсмены меняют цвет пояса в своей амуниции. В футболе при подписании нового футболиста команда проводит специальную презентацию, где новобранцу торжественно вручается футболка его новой команды. Это, как правило, элемент «домашней» формы команды, которая чаще всего окрашивается в основные цвета клуба. Подобного рода презентации проводятся

и в других видах спорта. Тем самым происходит «перекрашивание» спортсмена, его первое вхождение в новый коллектив. Именно так проявляется магическая функция цвета.

Согласно психологическим концепциям, использование определенных цветов в визуальном образе спортсменов обусловлено их ассоциативным восприятием и эмотивным воздействием. Рассмотрим данную функцию на примере психологического воздействия *красного* и *синего* цветов.

Красный — символ проявления силы во всех формах воли к победе, мужественности: «...Мощное возбуждение психики от красного цвета имеет весьма навязчивый характер. Своего рода принудительный стимул к активной экстраверсии. То есть к деятельности, направленной вовне личности. В этом принуждении участвует весь организм человека. Пульс учащается и усиливается. Увеличивается артериальное давление крови и внутриглазное давление. Дыхание учащается и углубляется. Активизируется мускульная система. Увеличивается скорость движений, так как время в красном цвете переоценивается» [10. С. 38].

Красный цвет соотносится с агрессией, поэтому спортсмены в красном, ощущая большую уверенность, проявляют большую напористость. По этой же причине бороться с одетыми в *красное* людьми оказывается сложнее.

Синий в противовес *красному* олицетворяет покой, отдых, рациональность, социальные связи, которые человек выстраивает вокруг себя, и, как следствие, проявление чувства принадлежности к группе, дружбы, доверия, любви и преданности. При воздействии *синего* цвета «длительность выдыхания еще более увеличивается. Пульс урывается и ослабляется. Почти исчезает чувство боли. *Синий* снижает мускульное напряжение. При длительных физических работах отрицательно сказывается на производительности труда. Время в этом цвете также недооценивается» [Там же. С. 49].

Символика цветов спортивных клубов по большей части совпадает со стереотипным образом поведения их фанатов. Так, в частности, можно соотнести возбуждающее воздействие красного цвета по темпераменту фанатов *красно-белого* футбольного «Спартак», английских клубов «Манчестер Юнайтед», «Арсенал». В противоположность этому следует отметить более спокойное поведение болельщиков клубов «Динамо», «Интер», «Манчестер Сити», «Миллуол», основными цветами которых являются *синий* или *голубой*.

Подводя итог всему сказанному, мы можем сделать вывод о том, что цветообозначения, являясь неотъемлемой частью лексики, входят в семиотическую систему различных сфер, в том числе спортивной. Выбор символики цвета отражает прежде всего лингвокультурные характеристики участников соревнований. Цвет в семиотической структуре спорта выполняет несколько функций, позволяющих не только выделять спортивные коллективы и различать спортсменов, но и заключать в себе определенные культурные и истори-

ческие коды, оказывать эмоциональное воздействие. Одним из специфических процессов становится метонимия, при которой наименования цветообозначений, детерминируя коллективы, становятся частью ономастической лексики спортивного подъязыка.

Цвет спортивного коллектива, имея установленную и узаконенную мотивированность, может также служить определенным кодом для стороннего зрителя, демонстрирующим качества спортсменов, команд или людей, с ними связанных.

Список литературы

1. Воронин, Р. Е. Философско-эстетические и художественные аспекты танцевального искусства (спортивный бальный танец, вторая половина XX века) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Р. Е. Воронин. — СПб., 2007. — 25 с.
2. Климов, М. Ю. Семиотическая система спорта как феномен культуры : дис. ... канд. филос. наук / М. Ю. Климов. — Барнаул : РГБ, 2007. — 123 с.
3. Кулиничева, Е. А. Олимпийцы и космическая гонка: эстетика и технологии космоса в униформе для большого спорта / Е. А. Кулиничева // Вестн. ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. — 2018. — № 2. — С. 50—59.
4. Лосев, А. Ф. Форма. Стил. Выражение / А. Ф. Лосев. — М. : Мысль, 1995. — 943 с.
5. Лоу, Б. Красота спорта. Междисциплинарное исследование / Б. Лоу. — М. : Радуга, 1984. — 256 с.
6. Первушина, Н. А. Границы применимости психологических теорий восприятия визуальной информации / Н. А. Первушина // ПРАЭНМА. Проблемы визуал. семиотики. — 2015. — № 1 (3). — С. 140—146.
7. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. — М. : Правда, 1989. — 623 с.
8. Прието, А. Из книги «Морфология романа» / А. Прието // Семиотика: Антология. — М. ; Екатеринбург, 2001. — С. 392—422.
9. Сараф, М. Я. Введение в эстетику спорта : учеб. пособие для ин-тов физ. культуры / М. Я. Сараф, В. И. Столяров. — М. : Физкультура и спорт, 1984. — 104 с.
10. Серов, Н. В. Светоцветовая терапия (Терапевтическое значение цвета: информация — цвет — интеллект) / Н. В. Серов. — СПб. : Речь, 2001. — 124 с.
11. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство / Р. М. Фрумкина. — М. : Наука, 1984. — 176 с.
12. Яковлева, Е. А. Юрислингвистика: креолизованный текст как объект экспертизы / Е. А. Яковлева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2013. — № 1 (292). — С. 157—163.

Материал исследования

13. Иванов, С. Красная угроза / С. Иванов // Авто Ревю. — 2006. — № 15 (362).
14. Иванов, С. Революция переносится? / С. Иванов // Авто Ревю. — 1994. — № 15 (83).
15. Ивашов, Н. Охота на «волков» [Электронный ресурс] / Н. Ивашов // Газета РБК. — URL: <http://www.rbcdaily.ru/2009/11/25/lifestyle/444031.shtml> (дата обращения 15.07.2019).
16. Форменное безобразие (ч. 1) [Электронный ресурс] / Д. Ильченко, В. Тахтерин, В. Кульчицкий [и др.] // Спорт-Экспресс Футбол. — 18.05.2007. — URL: <https://sportvictorine.livejournal.com/326011.html> (дата обращения 15.07.2019).
17. Форменное безобразие (ч. 2) [Электронный ресурс] / Г. Кудинов, Р. Уильямс, М. Квятковский, Е. Шанинский, А. Просветов // Спорт-Экспресс Футбол. — 25.05.2007. — URL: <https://sportvictorine.livejournal.com/326290.html> (дата обращения 15.07.2019).
18. Никонов, Н. Российская легкоатлетка после победы пробежала круг почета с пледом вместо флага [Электронный ресурс] / Н. Никонов // Life. — URL: https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/1231043/rossiiskaia_ieghkoatljetka_poslie_pobiedy_probiezhala_krugh_pochiota_s_pliedom_vmiesto_flagha (дата обращения 23.10.2019).

19. Полозов, А. А. Удивительный мир спорта. Цвет формы — путь к успеху / А. А. Полозов // Спорт в школе — 2006. — № 20 (399).

20. Рыжков, А. Цвета футбольных клубов. Традиции или пережитки прошлого? [Электронный ресурс] / А. Рыжков. — URL: <https://www.obozrevatel.com/sport/football/tsveta-futbolnyih-klubov-traditsii-ili-perezhitki-proshlogo.htm> (дата обращения 15.07.2019).

21. Скворцов, О. Футбол не стоит денег / О. Скворцов, Д. Глухих, А. Харитонова // Совершенно секретно. — 2003.

22. Appendix H. Recommendations for the supervision of the road and emergency services — 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.fia.com/regulation/category/123> (дата обращения 15.07.2019).

Сведения об авторах

Кобыскан Александр Степанович — кандидат филологических наук, доцент кафедры теорий и методик начального образования Башкирского государственного педагогического университета, Уфа, Россия. sgtpepper1989@yandex.ru

Яковлева Евгения Андреевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теорий и методик начального образования Башкирского государственного педагогического университета, Уфа, Россия. e_yakov@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 73—80.*

THE ROLE OF COLOR IN THE SEMIOTIC SYSTEM OF SPORT

A.S. Kobyskan

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia. sgtpepper1989@yandex.ru

E.A. Yakovleva

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia. e_yakov@mail.ru

The article offers an analysis of the color function values in the semiotic sport system. Special attention is paid to the role of color from the formal, functional, semantic, aesthetic, psychological and semiotic side, for example, in marking of sports collectives, their differentiation among themselves on color, reflection of corporate qualities in collective's colors, establishment of contact with fans for transfer of information and emotional influence with them. The article provides examples of the fact that color used to preserve the memory of significant events in history. One of the most profound symbols is the national colors, which allows you to demonstrate national unity and patriotism. The commonality of these functions confirmed by examples from football, auto racing, hockey discourse, as well as events and visual codes of other sports.

Keywords: *color meanings, color function, sports semiotics, sports vocabulary and terminology, football vocabulary, auto-racing vocabulary.*

References

1. Voronin R.E. *Filosofsko-ehsteticheskie i khudozhestvennyye aspekty tantseval'nogo iskusstva (sportivnyy bal'nyy tanets, vtoraya polovina XX veka)* [Philosophical, aesthetic and artistic aspects of dance art (sports ballroom dance, the second half of the XX century). Abstract of thesis]. St. Petersburg, 2007. 25 p. (In Russ.).

2. Klimov M.Yu. *Semioticheskaya sistema sporta kak fenomen kul'tury* [Semiotic system of sport as a cultural phenomenon. Thesis]. Barnaul, 2007. 123 p. (In Russ.).

3. Kulinicheva E.A. Olimpijtsy i kosmicheskaya gonka: ehstetika i tekhnologii kosmosa v uniforme dlya bol'shogo sporta [Olympians and space race: aesthetics of space and space technologies in equipment for sports]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law], 2018, no. 2, pp. 50-59. (In Russ.).

4. Losev A.F. *Forma. Stil. Vyrazhenije* [Form. Style. Expression]. Moscow, Mysl', 1995. 943 p. (In Russ.).

5. Lou B. *Krasota sporta* [The beauty of sport]. Moscow, Raduga, 1984. 254 p. (In Russ.).

6. Pervushina N.A. Granicy primenimosti psihologicheskikh teorij vospriyatija vizual'noj informacii [Limits of applicability of psychological theories of perception of visual information]. *PRAXEMA. Problemy vizual'noj semiotiki* [PRAXEMA. Problems of visual semiotics], 2015, no. 1 (3), pp. 140-146. (In Russ.).
7. Potebnja A.A. *Slovo i mif* [The word and the myth]. Moscow, Pravda, 1989. 623 p. (In Russ.).
8. Prijeto A. Iz knigi "Morfologija romana" [From the book "Morphology of the novel"]. *Semiotika. Antologija* [Semiotics. Anthology]. Moscow, Ekaterinburg, 2001. Pp. 392-422. (In Russ.).
9. Saraf M.Ya., Stolyarov V.I. *Vvedeniye v estetiku sporta* [Introduction to aesthetics of sport]. Moscow, Fizkultura i Sport, 1984. (In Russ.).
10. Serov N.V. *Svetocvetovaja terapija (Terapevticheskoe znachenije cveta: informacija — cvet — intellect)* [Light and colour therapy (Therapeutic value of colour: information-colour-intelligence)]. St. Petersburg, Rech', 2001. 124 p. (In Russ.).
11. Frumkina R.M. *Cvet, smysl, shodstvo* [Color. Meaning. Similarity]. Moscow, Nauka, 1984. 176 p. (In Russ.).
12. Yakovleva E.A. Jurislingvistika: kreolizovannyj tekst kak object ekspertizy [Legal linguistics: creolized text as an object of expertise]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 1 (292), pp. 157-163. (In Russ.).

Research material

13. Ivanov S. Krasnaja ugroza [Red menace]. *Avto Revju* [Autoreview], 1981, no. 15 (362). (In Russ.).
14. Ivanov S. Revoljucija perenositsja? [Is the revolution postponed?]. *Avto Revju* [Autoreview], 1994, no. 15 (83). (In Russ.).
15. Ivashov N. Ohota na "volkov" [Hunting for "wolves"]. *Gazeta RBK* [Newspaper RBC]. Available at: <http://www.rbcdaily.ru/2009/11/25/lifestyle/444031.shtml>, accessed 15.07.2019. (In Russ.).
16. Il'chenko D., Tahterin V., Rul'chickij V. [et al.]. Formennoje bezobrazije (Chast' 1) [Downright disgraceful (Part 1)]. *Sport-Ekspress Futbol* [Sport-Express Football], 19.05.2007. Available at: <https://sportvictorine.livejournal.com/326011.html>, accessed 15.07.2019. (In Russ.).
17. Kudinov G., Uiljams R., Kvjatkovskij M., Shainskij E., Prosvetov A. Formennoje bezobrazije (Chast' 2) [Downright disgraceful (Part 2)]. *Sport-Ekspress Futbol* [Sport-Express Football], 25.05.2007. Available at: <https://sportvictorine.livejournal.com/326290.html>, accessed 15.07.2019. (In Russ.).
18. Nikonov N. Rossijskaja legkoatletka posle pobedy probezhala krug pochjota s pledom vmesto flaga [The Russian athlete ran a lap of honor with a plaid instead of a flag after the victory]. *Life*. Available at: https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/1231043/rossiiskaia_lieghkoatletka_poslie_pobiedy_probiezhala_krugh_pochiota_s_pliedom_vmiesto_flagha, accessed 23.10.2019. (In Russ.).
19. Polozov A.A. Udivitel'nyj mir sporta. Cvet formy — put' k uspehu [The wonderful world of sports. The color of the form is the path to success]. *Sport v shkole* [Sports at school], 2006, no. 20 (399). (In Russ.).
20. Ryzhkov A. *Cveta futbol'nyh klubov. Tradicii ili perezhitki proshlogo?* [Colors of football clubs. Traditions or remnants of the past?]. Available at: <https://www.obozrevatel.com/sport/football/tsveta-futbolnyih-klubov.-traditsii-ili-perezhitki-proshlogo.htm>, accessed 15.07.2019. (In Russ.).
21. Skvortsov O., Gluhih D., Haritonova A. Futbol ne stoit deneg [Football doesn't cost money]. *Sovershenno sekretno* [Top secret], 2003.
22. *Appendix H. Recommendations for the supervision of the road and emergency services — 2019*. Available at: <https://www.fia.com/regulation/category/123>, accessed 15.07.2019.

НАРРАТИВНОСТЬ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XIX В.: ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ

А. А. Миронова

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена анализу нарративности как структурного стержня разнородного по стилистике и тематике записей текста. Материалом послужили оригинальные письменные памятники XIX в. — церковно-приходские летописи горнозаводской зоны Южного Урала. Передача реальных исторических событий и их интерпретация в матрице единого формализованного летописного текста формируют его в нарративную субстанцию. Доказано, что посредством нарративности формируется современное представление о существовавшей во второй половине XIX в. языковой картине мира.

Ключевые слова: история русского литературного языка, оригинальные рукописные памятники письменности, нарративность.

Понятие нарратива

Понятие нарратива используется в разных сферах знания: философии, социологии, истории, психологии, литературе, лингвистике и др. Подтверждением многогранности термина служит то, что только в рамках лингвистического направления филологи рассматривают нарративные тексты с разных методологических подходов (лингвистического, семантического, семиотического, психолингвистического, дискурсивного, когнитивного и др.) [3—6; 9; 13]. Общим же для всех ученых выступает базовое значение лексемы: латинский корень *narrare* — языковой акт, рассказ. Объектом исследования становится не только художественный текст, но и любой текст, от научного до разговорного стиля, от научной лекции до личных бесед на бытовые темы, подготовленный и спонтанный [1; 7; 8; 11]. Так, В. А. Андреева, анализируя рекламный дискурс, определяет нарратив как монотекстовый феномен [2. С. 13] в отличие от интертекстуальности художественного текста. Для нарратива существенны только те изменения, которые имеют метку на реке времени, определяют последовательность рассказа и квалифицируются как событие. Изложение события ведется с точки зрения фиксатора происходящего. Цель нашего исследования — проанализировать особенности нарратива в летописном тексте XIX в., соединяющем черты традиционного летописания и строгого документоведения, элементы публицистического стиля. Таким образом, перед нами оригинальный церковный дискурс, то есть церковно-приходские летописи представляют собой не художественный текст, как традиционные русские летописи, а са-

мостоятельный жанр в рамках религиозного стиля русского языка. Нарратор демонстрирует официальную позицию — церкви, властей, царя, и личную — прихожан, обывателей, свою. Церковно-приходские летописи — это уникальный источник для изучения становления жанров письменной речи русского литературного языка.

Маркеры нарративности в текстах XIX в.

Основным источником изучения событий русской истории с древнейших времен являются летописи, в то же время они дают представление о становлении русского языка в его литературной форме. Одним из видов летописания выступает церковно-приходское, окончательно сложившееся в 1865 г., после распоряжения епископа Варлаама. Ярким примером сплава культурного и исторического в одном памятнике служит «Церковная летопись Кундравинской Параскевиевской церкви» [12], берущая свое начало именно в 1865 г. и отражающая жизнь станицы за 11 лет. Отличием летописей Нового времени было точное авторство: записи с 1865 по 1 июня 1874 г. делал священник Лев Емельянов, после этого — Евгений Шмотин; таким образом, нарратор известен.

В тексте церковно-приходской летописи XIX в. выстраивается определенная структура окружающего мира (завода, казачьей крепости, прихода) и осуществляется влияние на читателя. Летописец создает нарративную презентацию действительности, соединяя объективное представление (даты, место, источник информации, ссылка на документ, место его хранения, статистические данные) и субъективное восприятие (оценка).

Передача реальных исторических событий и их интерпретация в матрице единого формализованного летописного текста формирует его в нарративную субстанцию, нарративный источник.

Перед нами письменное повествование, рассказ о происходящих событиях. Летописец исторически интерпретирует события и явления окружающего мира сквозь призму церковного восприятия и осмысления действительности. Условность специфической фиксации происходящего обуславливает строгую форму и порядок изложения: когда (месяц и число), что (рассказ о случившемся), где (место): «29 марта 1865 г. былъ поджогъ дома казака Ѳеодара Туринцева, отъ котораго тотъ и четвере сосѣднихъ дома сгореѣло; убытку отъ этого пожара всѣми понесено было на 1,499 рублей 96 копѣекъ (какъ значитъ въ показаніяхъ при Кундравинскомъ Станичномъ Правленіи)» [12. С. 36]. Летописец выделяет ярко черным цветом источник своих сведений, подтверждая их достоверность, реальность. Обычно используется обратный порядок слов: сказуемое находится в препозиции к подлежащему.

Так как перед нами погодные записи, то и изменения в мире отмечаются строго по календарю, то есть темпоральные отношения выступают основой для повествования, рассказа, нарратива: «съ послѣднихъ числъ мѣсяца»; «послѣ Литургіи»; «сегодня была закладка Церкви... назадъ тому 22 года»; «въ семь мѣсяцѣ... появилась болѣзнь на рогатый скоть... а потомъ сталъ страдать отъ... въ теченіе года израсходовано и вынута изъ кружекъ». При этом в проанализированном тексте летописи доминирует повествование с элементами описания: «Съ сего числа въ самой станицѣ появилась эпидемическая холера и прдолжалась до 27 числа. Заболѣвшихъ было: мужеска 15, женска 18, выздоровившихъ: мужеска 12, женска 45 и умершихъ: мужеска 3 и женска 3 человекъ» [Там же. С. 147].

Записываются реальные исторические события, имевшие большое значение для общества, например жестокий бой 1774 г. пугачевцев с изюмскими гусарами подполковника Михельсона: «Во время же пугачевского бунта; а именно 1774 году Мая 29 дня, сообщниками нечестиваго предводителя сожжены, самый Священникъ, бывший тогда при оной церкви Иванъ Мухинъ убить, а Діаконъ Маминъ повѣшенъ за не сдѣланную бунтовщику встрѣчу (Священнику сначала, какъ это значитъ въ рапортѣ Священника Чебуркульской Крѣпости Стефана Комарова отъ 13 юня 1774 года, отрубили руки, потомъ ноги и наконецъ голову)» [Там же. С. 14].

Нарративными выступают предания, размещенные в церковно-приходской летописи: легенда об основании слободы, истории названия и переименования, насильственного оказачивания. Например, запись от 14 декабря 1869 г.: «Сего числа въ приходѣ Кундравинскомъ было открытіе новаго выселка (гдѣ былъ хуторъ Падучинъ) названнаго по Высочайшему повелѣнію Крыжановскимъ, по фамиліи Его Высокопревосходительства, Оренбургскаго Генераль-Губернатора, Генераль-Адъютанта, Генераль-Лейтенанта Николая Андреевича Крыжановскаго. При открытіи выселка совершалъ молебствіе приходскій священникъ станицы Кундравинской Левъ Емельяновъ, который отъ Св. Параскевievской церкви далъ въ благословеніе жителямъ вновь открытаго выселка Икону Святителя и Чудотворца Николая, на задней сторонѣ которой учинена надлежащая надпись. Жители въ выселокъ Крыжановскій выселись-ли всѣ изъ самой станицы Кундравинской въ количествѣ 18-ти дворовъ, въ нихъ 43 мужеска и 56 женска пола; все они исповѣданія православнаго и хорошаго состоянія» [Там же. С. 129]. Писец объясняет причину данного названия, приводит точное количество проживающих. В настоящее время подобные записи позволяют объективно представить историю образования и заселения мест.

Летописец повествует о жизни церковного прихода (состав причта и избрание духовных лиц, их биография, награды, заслуги перед обществом; тематика воскресных бесед; пожертвования, посещение прихода известными людьми; доходы, расходы; крестные ходы, вероисповедание, строительство церквей и часовен и др.); о жизни обывателей (болезни, пожары, движение войсковых частей, рыночные цены на те или иные товары, ярмарки, особенности работы винных магазинов, строительство больницы, женского училища, библиотеки и др.). При этом рассказчик дает эмоционально-экспрессивную оценку происходящего: «Церковь, къ великому счастию, и доселѣ существуетъ»; «Тронуло до глубины души, не въ состояніи выразить Вамъ всѣ; въ подкрѣпленіе надежды на лучшее...»; «худой путь, какъ говорится»; «дули постоянно сильные, наводившіе ужасъ, вѣтры»; «пожары, весьма опустошительные...»; «усердіе прихожанъ... было великое, и приклады къ ней деньгами, холстомъ, льномъ и другими предметами были весьма значительные»; «съ чувствомъ умиленія духовнаго восторга»; «лучшихъ прихожанъ съ братскою любовію привѣтствовали ихъ, сорадуясь спасительному общенію». Демонстрируется многознач-

ность лексем — например, приличным может быть поученіе, событію слово, одѣжда, ѣда, урожай. Так, при описании урожая автор пользуется оценочными словами: «ярица тощая, редковатая, льны большей части плохіе, овощи родились посредственно» [Там же. С. 225].

Основными логическими средствами создания нарративности в летописи являются констатация, сравнение, аналогия: «Апреля 10 дня. Въ минувшую зиму морозы были умѣренныя; снѣгъ шель часто и выпало онаго противу прошедшихъ зимъ много больше; бурановъ почти не было» [Там же. С. 154]. Маркерами нарративности выступают слова, структурирующие последовательность событий: постепенно, далѣе, чрезъ двое сутокъ, накануне, послѣ, за тѣмъ.

При включении сообщений, созданных в публицистическом стиле, маркерами нарративности выступают конструкции, вводящие в газетный дискурс: читаль слѣдующее извѣстіе; сообщено такое извѣстіе. Модель изложения едина: когда, где, кто/что произошло. Эмоциональна заметка о собрании священников об уравнении приходов и нарушениях при выборах: «Потолковали между собой, посудили-порядили и рукой было махнули, но... и тогда-то произошелъ переполохъ... Явилась оппозиция въ лицѣ двухъ священниковъ и послѣдовала буря» [Там же. С. 162—169]. Создается эффект живого диалога за счет вопросно-ответных конструкций, восклицательных предложений: «Да что это такое!». Примечателен факт внесения в текст летописи и ответа на «статейку словоохотливого автора», опубликованного в официальном органе печати.

Нарратор приводит много поздравительных речей, поступивших в адрес служителей причта: «Служба Ваша была примѣромъ для насъ — молодыхъ людей — Вашихъ дѣтей духовныхъ. Вы внушали... Вы уличали ложь... Вы были добры». Наличие подобных сообщений дает возможность представить жизненный путь человека, его заслуги, важность для прихожан тех или иных людей, событий. Строго соблюдается последовательность расположения информации в эпидейктическом тексте.

Документы приводятся в соответствие с действующими требованиями их оформления: реквизиты, шрифты, выделения, подписи. Соответственно, много маркированных лексем официально-делового стиля, терминов: во исполненіе данного обещанія, представлены копии актовъ, испрашиваніе разрѣшенія, постановили сей актъ; на подлинномъ подписались, номер акта по исходному журналу и др.

Независимо от принадлежности части текста к тому или иному стилю внутри единого церковного повествования история, вносимая в отдельную запись, является монособытийной. Это подчеркивается и графическим оформлением. Если нарратор явился свидетелем нескольких событий, они отмечаются при помощи красной строки, заглавных рисунков или подтекстовым рисунком, чертой. Форма описания клиширована. Тема и предмет речи определяют размер записи. Это может быть одно предложение или сообщение на четырех страницах.

При рассказе о повседневных событиях, таких как посещение станицы теми или иными людьми, частотны однородные ряды, уточнения, приложения: «20 числа въ 11 часовъ утра изъ Мяскаго завода чрезъ Кундравинскую станицу въ г. Троицкъ и 22 числа въ 11 часовъ вечера обратно изъ г. Троицка чрезъ Кундравинскую станицу въ заводы Мяскай и Златоустовскій проѣхалъ Его Императорское Высочество, Герцогъ Лейхтенбергскій Николай Максимиліановичъ Романовскій; Его сопровождали: Корпуса Горныхъ Инженеровъ Генераль-Маіоръ Кокшаровъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Зининъ, Докторъ Бѣлоголовыхъ и Свиты Его Величества Генераль-Маіоръ Ребиндеръ. При проѣздѣ обратно жители станицы Кундравинской, когда остановилась коляска у почтовой станціи, подносили Его Императорскому Высочеству хлѣб-соль, которую Онъ изволилъ принять и благодарилъ, и спрашивали о здравіи Его Императорского Величества, Батюшки-Царя; — на что удостоились такого отвѣта: “Слава Богу!”» [Там же. С. 46]. Писец регулярно констатирует поднесение хлеба-соли важным гостям, подобная запись встречается 22 раза. Подчеркивается уважительное, иерархическое отношение прихожан к вышестоящим, гостеприимство.

Специфика нарративности церковно-приходской летописи заключается в наличии одного рассказчика, писца, которой передает общую историю событий жизни целого завода/прихода в границах истории страны и мира: «В., Во всей почти Имперіи, и въ частности въ Кундравинскомъ и окрестныхъ прихожанъ существовала эпидемическая болѣзнь — холера» [Там же. С. 213]; «Сегодня въ станицѣ Кундравинской Г. Начальникомъ 3-го Военнаго Округа, Полковникомъ и Кавалеромъ А. П. Бухаринымъ, въ первый разъ произведенъ новый, Высочайше утвержденный, способъ укамплектованія строевыхъ казаковъ посредствомъ жребія. Въ войсковые граждане выпали

жребіи на 14 человекъ третью часть 19-ти лѣтнихъ сидѣнковъ» [12. С. 79].

Записи писца воспроизводят единую схему фиксации происходящего, максимально стандартизованы, что облегчает понимание информации и поиска нужной среди других. Нарративная субстанция летописи формируется из последовательного представления явлений, наполнения ее фактографическим содержанием. Текст выстраивается по принципу линейной композиции: все события излагаются по хронологии, ежегодно в строгом порядке располагаются и тематические блоки, утвержденные программой ведения церковных летописей. Расположены они по годовому кругу, как светскому, так и церковному.

Проявлением авторского видения окружающего мира выступает рассказ о событиях, необычных для прихода. Так, в записи от 27 мая 1874 г. отмечается пожар, в результате которого сгорели 44 двора. «Замѣчательно при семь случаѣ то, что гдѣ горѣло, тамъ былъ столь сильный вихрь, что подымалъ вверхъ кровли, выворачивало бревна и столбы; между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, была погода тихая» [Там же. С. 274]. Отнесение событий к обычному или необычному создает в итоге специфический нарратив церковно-приходской летописи XIX в.

Нарративные каноны летописного дискурса определяются особенностями восприятия окружающего мира глазами священника: «За событіями и явленіями въ приходѣ Кундравинскомъ, почтѣйнейши во сей лѣтописи, съ 1865 года по 1е Іюня 1874 года наблюдалъ и содержаніе лѣтописи излагалъ — Кундравинскаго прихода Параскевѣевской церкви нынѣ переведенный къ Христорождественскому Собору въ городъ Челябинскъ, Священникъ Левъ Емельяновъ» [Там же. С. 274].

Так, примером нарратива писца выступает запись от 7 ноября 1870 г. Ключевые слова помогают следовать мыслью за логикой повествования автора и сделать собственную оценку произошедшего: «*Отрадное событіе.* — Извлечено изъ рапорта Помощника Настоятеля Кундравинскаго прихода Священника Льва Емельянова отъ 21 числа сего Апрѣля мѣсяца за № 87 къ *Его Преосвященству*: въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сего 1874 года Священникъ Левъ Емельяновъ, по достаточномъ наставленіи и испытаніи присоединилъ, по чиноположенію церковному, отъ раскольнической безпоповщинской секты къ Православной Церкви — бго числа — дочь крестьянина Московской губернии,

Богородскаго уѣзда, Заполорской волости, Яковлевской деревни Игнатія Шибаета Анну и 21 числа — въ недѣлю о разслабленномъ самого отца ея Игнатія Осипова Шибаета совѣмъ остальнымъ семействомъ: — сыномъ Авдіемъ и дочерями — Маріей, Агафіей, Вассой и Пульхеріей; — статьи о присоединеніи означенныхъ лицъ въ метрической книгѣ Кундравинской Параскевѣевской Церкви записаны подъ №№ 66 и 67-мъ въ мужеской линіи и подъ №№ 51, 61, 62, 63 и 64-мъ въ женской линіи; по присоединеніи всѣ они, кромѣ младенцевъ, были имъ исповѣданы и ввремя Божественной Литургіи Св. Таинъ приобщены, — каковыя таинства были приняты ими видимо съ чувствомъ умиленія духовнаго восторга; за тѣмъ, по окончаніи Божественной Литургіи, согласно желанію новоприсоединенныхъ, было отправлено Господу Богу, изведему ихъ изъ тьмы заблужденій къ познанію истиннаго православія, благодарственное молебствіе, — послѣ котораго многіе изъ лучшихъ прихожанъ еще въ Церкви съ братскою любовію привѣтствовали ихъ, сорадуясь спасительному общенію. Обращеніе этого семейства изъ раскола въ православіе нельзя отнести собственно къ дѣйствіямъ Священника Льва Емельянова, но можно по совѣсти объяснить, что въ теченіе 10 лѣтняго его проживанія въ Кундравинской станицѣ онъ имѣлъ особенную заботу о семь именно потому, что оно было только одно на его части; а между тѣмъ, какъ прибывшее изъ Московской губерніи, гдѣ недалекъ центръ раскола — на Рогожскомъ Кладбищѣ, имѣло важное значеніе для окружающихъ раскольниковъ [Там же. С. 270—271]. Таким образом, событийная структура сообщения предполагает относительно строгий порядок частей предложения, определяемый темой записи. Динамичность повествованию придает именно временная организация, выступающая непременным условием наличия нарратива.

Заключение

Таким образом, в «Церковной летописи Кундравинской Параскевѣевской церкви» XIX в. отражены реальные исторические события жизни провинциального прихода, а сам текст предстает результатом впечатления, которое они произвели на писца. Особое внимание уделено анализу соотношения объективного и субъективного в изложении событий конкретным автором. Нарратор делает попытку представить повествование максимально объективным, точным. Тем не менее в тексте много примеров позиции автора. Логика

повествования о событиях определяется системой ценностей жителей провинциального прихода и требованиями к форме и структуре летописи. Вектор интерпретации направлен от начала года

к его итогам. Читатель осваивает повествование через максимально типизированные схемы констатации событий, отражающих особенности мышления представителя церкви.

Список литературы

1. Агрятин, А. Е. К вопросу о событийной структуре новостного нарратива (на материале «угрожающих» сообщений) / А. Е. Агрятин // Нов. филол. вестн. — 2019. — № 2 (49). — С. 79—89.
2. Андреева, В. А. Нарратив в персуазивной коммуникации (на примере рекламного дискурса) / В. А. Андреева // Науч. диалог. — 2018. — № 12. — С. 9—23.
3. Андреева, В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс / В. А. Андреева. — СПб. : Норма, 2006. — 182 с.
4. Зайцева, Ю. Е. Автобиографическое время в я-нарративах людей разных поколений / Ю. А. Зайцева // Междунар. журн. исследований культуры. — 2018. — № 1 (30). — С. 127—138.
5. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. — М., 1996. — 464 с.
6. Попова, Т. И. Нарратив и повествование: соотношение понятий / Т. И. Попова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. — 2019. — № 2. — С. 46—50.
7. Пронин, А. А. Диегетический нарратор в документальном фильме-портрете / А. А. Пронин // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. — 2015. — Вып. 3. — С. 216—223.
8. Тодоров, Ц. Грамматика повествовательного текста / Ц. Тодоров // Новое в зарубеж. лингвистике: Лингвистика текста. Вып. VIII. — М. : Прогресс, 1978. — С. 450—463.
9. Тюпа, В. И. Жанровая природа нарративных стратегий / В. И. Тюпа // Филол. класс. — 2018. — № 2 (52). — С. 9—23.
10. Фокина, М. А. Нарративные свойства языковых единиц в рассказе И. А. Бунина «Конец» [Электронный ресурс] / М. А. Фокина // Верхневолж. филол. вестн. — 2019. — № 2 (17). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnye-svoystva-yazykovykh-edinit-v-rasskaze-i-a-bunina-konets/viewer>.
11. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. — М. : Языки славян. культуры, 2003. — 312 с.
12. Церковная летопись Кундравинской Параскевиевской церкви (1865—1876) / сост. А. А. Миронова, И. А. Чуносова ; науч. ред. А. А. Миронова. — Челябинск : Полиграф-Мастер, 2014. — 320 с.
13. Gadinger, F. Politische Narrative: Konzepte — Analysen — Forschungspraxis / F. Gadinger, S. Jarzebski, T. Yildiz. — Wiesbaden : Springer Fachmedien, 2014. — 386 S.

Сведения об авторе

Миронова Александра Анатольевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. amiron_rus@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 81—86.*

NARRATIVITY OF CHURCH AND PARISH CHRONICLES OF THE 19TH CENTURY: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE

A. A. Mironova

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. amiron_rus@mail.ru

The article is devoted to the analysis of narrativity as a structural core of a text that is heterogeneous in style and subject matter. The exemplary materials were the original written monuments of the 19th century — the Parish Chronicles of the mining zone of the Southern Urals. The paper focuses on the features of the narrative presentation of reality. It is established that the narrator combines objective representation and subjective perception (assessment). The transmission of real historical events and their interpretation in the matrix

of a single formalized chronicle text shapes this text into a narrative substance, a narrative source. The logic of narration of events is determined by the value system of the inhabitants of the provincial parish and the requirements for the form and structure of the chronicle. The interpretation vector is directed from the beginning of the year to its results. The reader learns the story through the most typified schemes of stating events that reflect the peculiarities of thinking of the representative of the Church. It is proved that the modern idea of the language picture of the world that existed in the second half of the 19th century is formed through narrativity.

Keywords: *history of the Russian literary language, original manuscripts of written language, narrative.*

References

1. Agratin A.E. K voprosu o sobytijnoj strukture novostnogo narrativa (na materiale “ugrozhajushhij” soobshhenij) [On the issue of the event structure of the news narrative (based on the material of “threatening” messages)]. *Novyj filologicheskij vestnik* [New Philological Bulletin], 2019, no. 2 (49), pp. 79-89. (In Russ.).
2. Andreeva V.A. Narrativ v persuzivnoj kommunikacii (na primere reklamnogo diskursa) [Narrative in persuasive communication (on the example of advertising discourse)]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2018, no. 12, pp. 9-23. (In Russ.).
3. Andreeva V.A. *Literaturnyj narrativ : tekst i diskurs* [Literary narrative: text and discourse]. St. Petersburg, Norma Publ., 2006. 182 p. (In Russ.).
4. Zajceva Ju.E. Avtobiograficheskoe vremja v ja-narrativah ljudej raznyh pokolenij [Autobiographical time in i-narratives of people of different generations]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury* [International Journal of Cultural Studies], 2018, no. 1 (30), pp. 127-138. (In Russ.).
5. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovanija (Semantika vremeni i vida v russkom jazyke. Semantika narrativa)* [Semantic research (Semantics of time and type in Russian. Semantics of narrative)]. Moscow, 1996. 464 p. (In Russ.).
6. Popova T.I. Narrativ i povestvovanie: sootnoshenie ponjatij [Narrative and narrative: correlation of concepts]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Jazyk. Literatura. Kul'tura* [Bulletin of the Buryat State University. Tongue. Literature. Culture], 2019, no. 2, pp. 46-50. (In Russ.).
7. Pronin A.A. Diegeticheskij narrator v dokumental'nom fil'me-portrete [Diegetic narrator in a portrait documentary]. *Vestnik SPGU. Seriya 9* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9], 2015, vol. 3, pp. 216-223. (In Russ.).
8. Todorov Ts. Grammatika povestvovatel'nogo teksta [The grammar of the narrative text]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Lingvistika teksta. Vyp. VIII* [New in Foreign Linguistics: Text Linguistics. Iss. VIII]. Moscow, Progress Publ., 1978. Pp. 450-463. (In Russ.).
9. Tjupa V.I. Zhanrovaja priroda narrativnyh strategij [Genre nature of narrative strategies]. *Filologicheskij klass* [Philological class], 2018, no. 2 (52), pp. 9-23. (In Russ.).
10. Fokina M.A. Narrativnye svojstva jazykovykh edinic v rasskaze I.A. Bunina “Konec” [Narrative properties of linguistic units in the story of I.A. Bunin “The End”]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2019, no. 2 (17). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/narrativnye-svoystva-jazykovykh-edinits-v-rasskaze-i-a-bunina-konets/viewer>, accessed 02.04.2020. (In Russ.).
11. Schmid V. *Narratologija* [Narratology]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2003. 312 p. (In Russ.).
12. Mironova A.A., Chunosova I.A., Mironova A.A. (ed.). *Cerkovnaja letopis' Kundravinskoj Paraskevievskoj cerkvi (1865-1876)* [Church Annals of the Kundrava Paraskeviev Church (1865-1876)]. Chelyabinsk, Polygraph Master Publ., 2014. 320 p. (In Russ.).
13. Gadinger F., Jarzebski S., Yildiz T. *Politische Narrative: Konzepte — Analysen — Forschungspraxis* [Political Narratives: Concepts — Analyses — Research Practice]. Wiesbaden, Springer Fachmedien, 2014. 386 p. (In German).

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОГО СЕРИАЛА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТИНТИНА»)

Е. Г. Нешкова, Н. С. Олизько

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается интертекстуальный характер французского мультипликационного дискурса, проявляющийся в установлении межтекстовых взаимодействий в смысловом пространстве. Материалом для анализа интертекстуальных связей выбран французский мультипликационный сериал «Приключения Тинтина», в структуре которого выявлено наличие интертекстуальных реминисценций, а именно преобладание упоминаний и аллюзивных реалий, характеризующихся специфично культурологической направленностью.

Ключевые слова: мультипликационный дискурс, интертекстуальность, аллюзия, упоминание, цитация, продолжение.

Введение

Обилие подходов к исследованию теории интертекстуальности позволяет рассматривать процессы межтекстового взаимодействия с всевозможных исследовательских ракурсов. Материал для исследования интертекстуальных отношений также характеризуется своим разнообразием и в настоящий момент выходит далеко за рамки художественного текста. Изучение особенностей функционирования интертекстуальности в мультипликационном дискурсе предстает актуальным направлением исследования в связи с высоким воспитательным потенциалом мультипликации как одной из первых форм искусства, с которой сталкивается ребенок. Важность выполняемых мультипликацией общественных функций заключается в том, что персонажи мультипликационных фильмов демонстрируют ребенку разные способы взаимодействия с окружающим миром. Через сравнение себя с героями ребенок учится воспринимать себя и мир вокруг, справляться с трудностями и уважительно относиться к другим [10. С. 12].

Мультипликационный дискурс как разновидность дискурса основывается на существовании анимационной коммуникативной сферы и обладает уникальными чертами. Развлекательно-поучительный характер, самобытность образов героев, упрощенное отражение действительности характеризуют мультипликационный дискурс как особый вид дискурса. Основные свойства мультипликационного дискурса непосредственно проявляются в тексте анимационного произведения, целью которого является обращение к способ-

ности реципиента расшифровывать мир людей, не прибегая к языку [9. С. 48]. Следовательно, роль экстралингвистических факторов чрезвычайно велика при изучении языковой составляющей анимации. Комплексный подход к изучению особенностей мультипликационного дискурса включает и интертекстуальный анализ. Как отмечает Н. Пьеге-Гро, теория интертекстуальности сложилась в самостоятельное направление в XX в. [7. С. 49]. Однако само явление межтекстового взаимодействия, одной из форм которого является интертекстуальность, существует в литературе со времени ее появления и осуществляется в самых различных формах [2. С. 241]. Множество подходов к исследованию интертекстуальности вылились в несколько научных подходов. Этнопсихолингвистический подход к трактовке интертекстуальности предполагает описание процессов межтекстового взаимодействия с позиции лингвокультурного сознания [1]. В центре исследовательского интереса при таком подходе находится национально-культурная специфика языкового сознания. Подтверждением культурной маркированности интертекстуальности выступают результаты анализа и интерпретации интертекстуальных реминисценций, реализуемых во французском мультипликационном сериале «Приключения Тинтина» (Les Aventures de Tintin), выпущенном в 1991 г. и сохраняющем свою популярность в настоящее время. Идея сериала основана на одноименном культовом европейском комиксе XX в., автором которого является бельгийский художник-иллюстратор Эрже. Главный

герой мультфильма Тинтин, молодой и энергичный репортер, путешествует по миру и принимает участие в расследованиях вместе со своим верным другом, щенком по имени Милу. Речь Тинтина богата и хорошо поставлена, а диалоги с героями мультипликационного сериала представляют занимательный материал для интертекстуального исследования в комплексе с аудио- и видеокomпонентами, обладающими культурной спецификой.

Основные результаты исследования

Исследование межтекстовых связей в мультипликационном сериале «Приключения Тинтина» базируется на классификации интертекстуальных включений Г. Г. Слышкина. Исследователь выделяет пять основных видов реминисценций, служащих средством апелляции к концептам прецедентных текстов: упоминание, прямая цитация, квазицитация, аллюзия и продолжение [8. С. 38]. Французский мультипликационный сериал «Приключения Тинтина» изобилует примерами упоминаний, чаще всего фигурирующих в виде топонимов и реалий, к которым относят названия, присущие определенным нациям и народам, предметам материальной культуры и фактам истории [3].

Так, в серии под названием *Tintin en Amérique* обнаруживаем пример упоминания имени американского гангстера итальянского происхождения Аль Капоне. По сюжету серии, Тинтин прибывает в Чикаго с целью разоблачения преступной группировки под руководством мафии.

C'est un poste du secret, vous comprenez, monsieur Tintin que nous sommes obligés d'être discret avec des bandits comme Al Capone.

Это секретное место, мистер Тинтин, ведь мы должны быть осторожны с такими преступниками, как Аль Капоне.

Известный гангстер навел ужас на Чикаго в 1920—30-х гг., и именно его должен поймать главный герой мультипликационного сериала. Упоминание имени преступной личности несомненно обладает определенной культурологической нагрузкой и закрепляет в сознании детской аудитории олицетворение мафии с итальянской культурой и образом Аль Капоне.

Наличие топонимов характеризует практически каждую серию мультипликационного сериала «Приключения Тинтина» и обусловлено профессией главного персонажа. Синтез аудио- и видеокomпонентов является наиболее удачным примером употребления данного интертекстуального

включения. Подобную реализацию реминисценции встречаем в самом начале серии *Les Cigares du Pharaon*, в которой Тинтин путешествует на лайнере и, рассматривая карту, перечисляет названия географических объектов, которые он встретит на пути своего следования. Само название серии также содержит упоминание общего наименования правителей Древнего Египта и задает основную тематику серии, связанную с путешествием в пустыне. В речи профессора, который сопровождает Тинтина, обнаруживаем отсылки к реалиям Египта.

Cet inestimable papyrus contient le plan du tombeau de pharaon Kiosk.

Этот бесценный папирус содержит план гробницы фараона Куоска.

Упоминание распространенного писчего материала и традиционной Египетской формы захоронения помогают зрителям погрузиться в атмосферу страны пирамид.

В названии серии *Tintin au Tibet* также содержится пример топонима, а в диалоге персонажи упоминают имя Yeti (Йети), легендарного снежного человека, обитающего в высокогорных районах земли. По сюжету серии, Тинтин и капитан Хэддок отправляются в Гималаи, чтобы отыскать людей, которые, согласно новостным сводкам, погибли в авиакатастрофе. Поднимаясь в горы, герои сериала не раз с опаской высказывают предположения о существовании Йети, изображение которого не встречается по ходу серии, а предстает только в самом конце, когда один из выживших рассказывает о том, как его спас снежный человек, который в представлении создателей мультипликационного сериала выглядит как гигантская коричневая обезьяна. Образ пугающего монстра развенчивается, но капитан Хэддок все равно не верит в благие намерения мифического существа, который, в его представлении, не должен помогать людям выжить.

Проанализированные примеры упоминаний в какой-то мере носят и аллюзивный характер, так как содержат отсылку к конкретным лингвокультурологическим личностям, персонажам и понятиям. Сознательные примеры аллюзии также широко представлены в мультипликационном сериале «Приключения Тинтина». Аллюзия представляет собой прием текстообразования, заключающийся в соотношении создаваемого текста с каким-либо прецедентным фактом — литературным или историческим. Содержащие аллюзию высказывания помимо буквального смысла имеют второй план, заставляющий читателя обратиться к тем или иным воспоминаниям, ощущениям и ассоциациям

[5. С. 67]. В отличие от упоминания, выполняющего номинативную функцию, аллюзия обогащает текст анимационного произведения смысловыми и эмоциональными оттенками.

Упоминание аллюзивного типа присутствует в серии *Les Cigares du Pharaon*, когда главный персонаж попадает в захоронения Древнего Египта и при виде мумий несколько раз произносит фразу: *la malédiction du pharaon* (*проклятие фараона*). За банальным словосочетанием в данном случае скрывается дополнительный смысл, который требует дополнительных знаний для его понимания. Мистика выражения скрывается в распространенном мнении, что любой, кто прикоснется к египетским гробницам, будет обречен на смерть. Научного обоснования суеверие не имеет, однако сама идея проклятия фараона является популярным сюжетом многих детективных романов и фильмов ужасов.

Сюжеты серий *Les Cigares du Pharaon* и *Le Lotus Bleu* представляют аллюзию на опиумную войну на территории Китая. Главной задачей Тинтина является разоблачение тайной организации, которая занимается поставкой опиума. Атмосфера Китая воссоздается с помощью изображения людей в национальных костюмах, типичных построек, иероглифов и чайной церемонии, а в речи героев слышен отчетливый китайский акцент. Сюжетные линии серий основываются на конкретных исторических событиях и представляют собой разновидность аллюзивного факта, который определяется как исторический, литературный или мифологический факт, упоминающийся в новом контексте и подвергающийся в нем переосмыслению [6. С. 37].

В серии *L'île Noire* Тинтин в лесу встречает человека, одетого в точности как Шерлок Холмс. Мужчина в плаще, белой рубашке и кепке-двухкозырке воплощает облик классического Холмса и очень вежливо разговаривает с Тинтином. Аллюзия на известного сыщика не случайна в данной серии, по сюжету которой главный герой отправляется на расследование в Англию, а общеизвестный персонаж детективов А. Конан Дойля являет собой символ английской культуры.

В этой же серии аллюзивное представление получает и культура Шотландии. В завершение своего расследования Тинтин отправляется в шотландскую деревню. Образ главного героя теперь представлен национальным мужским костюмом, состоящим из килта (юбки до колен из шерстяной клетчатой ткани), берета с помпоном и высоких гольф. На заднем фоне играет шотландская волынка, а в баре местный житель рассказывает легенду

о чудовище, которое живет на острове и пожирает людей. Очевидно, что речь идет о лох-несском чудовище, мифическом персонаже шотландских легенд, имя и изображение которого не фигурируют в серии, но подразумеваются в рассказах героев.

Противоположная реализация аллюзивного персонажа с привлечением изображения, но отсутствием указания его имени собственного представлена в финале серии *L'île Noire*. В башне в горах Тинтин вступает в бой с большой обезьяной, которая напоминает Кинг-Конга, популярного персонажа массовой культуры. Неистовствующий обезьяноподобный монстр бьет себя лапами в грудь и издает яростные звуки, но в итоге оказывается добродушным приматом, с которым Тинтин находит общий язык и позирует для журналистов в заключающих сценах серии.

Цитация и квазичитирование не так обширно представлены в мультипликационном сериале «Приключения Тинтина». Возможно, это обусловлено тем, что авторы-создатели опирались на готовый текстовый материал комиксов с идентичным названием.

Показательный пример прямой цитации с точной атрибуцией продемонстрирован в серии *Le Lotus Bleu*. Мудрый афоризм древнекитайского философа Лао-цзы употребляет в речи сын китайского вельможи при встрече с Тинтином.

Lao-Tseu a dit: «Il faut trouver la Voie». Moi, j'ai trouvé la mienne. Maintenant il faut que vous la trouviez.

Лао-Цзы говорил: «Надо найти свой путь». Я свой путь нашел, надо, чтобы и вы нашли свой.

Проанализированная сцена настолько удачно передает реализацию прямой цитаты, что пример выходит за рамки мультипликационного сериала и становится нарицательным. Элементы цитаты используются в текстах статей и блогов, а ситуация описывается в ответах на вопросы и комментариях к статьям.

Продолжение представляет собой интертекстуальную реминисценцию, основанную на создании самостоятельного произведения, действие которого разворачивается в «воображаемом мире», знакомом аудитории. Создатели произведения или сериала рассчитывают при этом на то, что в пресуппозицию зрителей входят знания об основных персонажах этого мира, связях между ними, действующих в этом мире законах [8. С. 42].

В глобальном масштабе сам мультипликационный сериал «Приключения Тинтина» выступает продолжением серии одноименных комиксов и представляет их визуализацию, связанную с большой популярностью произведения не только

во Франции, но и во всем мире. Изменения и опущения в сюжете мультипликационного сериала придают новое прочтение каждой серии, но сохраняют ситуативный контекст текста-источника.

Последовательное описание хронологических событий в нескольких самостоятельных эпизодах обширно представлено в мультипликационном сериале «Приключения Тинтина». Так, серия *Le Lotus Bleu* является продолжением *Les Cigares du Pharaon*. Совпадают локация, персонажи и тематика эпизода, а в диалогах героев прослеживаются отсылки к ситуациям, представленным в серии-источнике. Следовательно, для успешного понимания и интерпретации серии-продолжения зрителю нужно иметь представление о сюжете исходной.

Заключение

Анализ межтекстовых взаимодействий во французском мультипликационном сериале «Приключения Тинтина» подтверждает интертекстуальную природу мультипликационного дискурса, которая проявляется в употреблении ре-

минисценций в структуре произведения. Их использование обусловлено особенностями образов персонажей, тематикой серий, интенциями авторов мультипликационного произведения и наличием культурных реалий в большинстве сюжетов [4. С. 56]. Проанализированные примеры интертекстуальных включений реализуются на аудио-, видео- и текстовом уровнях мультипликационного сериала. Закладывая в сознание детской аудитории базовые знания о мире, культурные концепты и представления, элементы интертекста играют важную роль в обогащении интертекстуального тезауруса детской аудитории. Эффективность идентификации и интерпретации интертекстуальных включений при этом будет зависеть от взаимодействия ребенка с родителем, который может разъяснить смысл цитат, аллюзий и упоминаний. Таким образом, успешная реализация категории интертекстуальности в мультипликации не только способствует верному пониманию смысла, заложенного авторами-создателями произведения, но и играет важную роль в сохранении общего уровня культуры.

Список литературы

1. Денисова, Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Г. В. Денисова ; предисл/ С. Гардзонио, Ю. Н. Караулова. — М., 2003.
2. Кремнева, А. В. Образ как одна из форм интертекстуальной переклички / А. В. Кремнева // Критика и семиотика. — 2015. — № 2. — С. 240—250.
3. Лютавина, Е. А. Реалии как лингвистическое явление [Электронный ресурс] / Е. А. Лютавина // Молодой ученый. — 2015. — № 14. — С. 488—490. — URL: <https://moluch.ru/archive/94/21235> (дата обращения 21.02.2020).
4. Нешкова, Е. Г. Функционирование интертекстуальных включений в американском мультипликационном дискурсе (на примере мультипликационного сериала «Тимон и Пумба») / Е. Г. Нешкова // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. — 2017. — № 3. — С. 56—59.
5. Нечаева, К. К. Аллюзии: виды, функции, трудности перевода (на примере португальских СМИ) / К. К. Нечаева // Вестн. МГЛУ. Гуманитар. науки. — 2018. — Вып. 12 (805). — С. 66—79.
6. Олизько, Н. С. Интертекстуальный анализ художественного произведения / Н. С. Олизько. — Челябинск, 2008.
7. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро ; пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М., 2008.
8. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — М., 2000.
9. Слышкин, Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. — М., 2004.
10. Щуклина, Е. С. Роль современной мультипликации в воспитании ребенка / Е. С. Щуклина // Вестн. Пензен. гос. ун-та. — 2013. — № 4. — С. 12—14.

Сведения об авторах

Нешкова Екатерина Геннадьевна — аспирантка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. katya_vahina@mail.ru

Олизько Наталья Сергеевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. olizko@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 87–91.*

CHARACTERISTIC ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE CATEGORY OF INTERTEXTUALITY IN THE FRENCH ANIMATED DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF ANIMATED SERIES “THE ADVENTURES OF TINTIN”)

E.G. Neshkova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. katya_vahina@mail.ru

N.S. Olizko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. olizko@yandex.ru

The article deals with the intertextual aspect of French animated discourse that finds its expression in the establishment of convergence on different levels and between various texts in the semantic space. The animated series of French origin “The Adventures of Tintin” serves as a material for the analysis of intertextual references. The findings show that the cartoon contains various types of inclusions on video, audio and textual levels. Allusions, mentionings, citation and continuation are found in the structure of the animated series and they prove the intertextual side of the animated discourse. The dominance of mentionings and allusions can be explained by plot peculiarities of French cartoon, images of the characters or author’s intentions. The analyzed examples of intertextual inclusions convey into children’s minds basic knowledge about the world, cultural concepts and ideas. Thus, the successful interpretation of the elements of intertext is crucial for the right understanding of the point of the cartoon and plays an important role in keeping the overall level of culture.

Keywords: *animated discourse, intertextuality, allusion, mentioning, citation, continuation.*

References

1. Denisova G.V. *V mire interteksta: yazyk, pamyat', perevod* [In the world of intertext: language, memory, translation]. Moscow, 2003. (In Russ.).
2. Kremneva A.V. *Obraz kak odna iz form intertekstual'noj pereklichki* [Image as a way of intertextual cross-talk]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 2015, no. 2, pp. 240-250. (In Russ.).
3. Lutavina E.A. *Realii kak lingvisticheskoe yavlenie* [Culture-specific concepts as a linguistic phenomena]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2015, no. 14, pp. 488-490. Available at: <https://moluch.ru/archive/94/21235>, accessed 21.02.2020. (In Russ.).
4. Neshkova E.G. *Funkcionirovanie intertekstual'nyh vklyuchenij v amerikanskom mul'tiplikacionnom disкурse (na primere mul'tiplikacionnogo seriala “Timon i Pumba”)* [The functioning of intertextual inclusions in American animated discourse (on the example of animated series “Timon and Pumbaa”)]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Bulletin of VGU. Series: Linguistics and intercultural communication], 2017, no. 3, pp. 56-59. (In Russ.).
5. Nechaeva K.K. *Allyuzii: vidy, funkcii, trudnosti perevoda (na primere portugal'skih SMI)* [Allusions: types, functions, difficulties in translation (on the example of Portuguese mass media)]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of MGLU. Humanities], 2018, no. 12 (805), pp. 66-79. (In Russ.).
6. Olizko N.S. *Intertekstual'nyj analiz hudozhestvennogo proizvedeniya* [Intertextual analysis of the literary read]. Chelyabinsk, 2008. (In Russ.).
7. P'ege-Gro N. *Vedenie v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to the theory of intertextuality]. Moscow, 2008. (In Russ.).
8. Slyshkin G.G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i disкурse* [From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in the mind and discourse]. Moscow, 2000. (In Russ.).
9. Slyshkin G.G., Efremova M.A. *Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza)* [Film text (linguocultural analysis)]. Moscow, 2004. (In Russ.).
10. Shchuklina E.S. *Rol' sovremennoj mul'tiplikacii v vospitanii rebenka* [The role of modern animation in the upbringing of children]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Penza State University], 2013, no. 4, pp. 12-14. (In Russ.).

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В ТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЦЕНЗИИ

С. С. Силецкая

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Описываются языковые способы реализации категории модальности в литературной рецензии, важной для данного текстотипа в силу его принадлежности публицистическому стилю, а также его прагматической направленности на оценку и побуждение читателей к действию. Рассматриваются специфическая для литературно-критического текста лексика, стилистические приемы, способствующие реализации субъективной модальности.

Ключевые слова: *литературная рецензия, текстовая категория, текстовая модальность, прагматическая направленность, воздействие, метафора, сравнение, оксюморон, аллюзия.*

Литературная рецензия представляет собой критический анализ и оценку нового произведения и является распространенной формой литературной критики в современных газетах, журналах и интернет-изданиях. В связи с прагматической направленностью литературной рецензии оценивать произведение, излагать мнение и отстаивать его истинность, а также побуждать читателя к действию (ознакомиться с анализируемым произведением или нет) категория модальности является существенной для этого текстотипа.

Модальность понимается как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [6. С. 303]. Модальность принадлежит к числу основных текстовых категорий и делится на два типа: объективная и субъективная. Объективная модальность «выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности (осуществленности) или ирреальности (неосуществленности)» [Там же]. Основным способом реализации объективной модальности является форма глагольного наклонения. Так, например, глагол в форме изъявительного наклонения отражает объективно-модальные значения реальности.

Субъективная модальность выражает отношение говорящего к сообщаемому, не имеет прямого отношения к грамматике. Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова: как логической квалификации сообщаемого, так и разных видов эмоциональной (иррациональной) реакции. Так как оценка лежит в основе литературной рецензии, статья фокусируется на языковых способах реализации субъективной модальности в тексте. Субъективная текстовая

модальность рассматривается исследователями как сложная и многоаспектная категория, тесно связанная с категориями прагматического уровня.

Текстовая модальность является категорией, отражающей «эмоционально-волевою установку автора текста» [5], отражает авторскую позицию по отношению к излагаемому, целевой аудитории и коммуникативной ситуации. Содержанием текстовой модальности (тональности) считается субъективное авторское восприятие описываемых явлений, а также «психологическое самораскрытие автора, обладающее по закону эмоционального заражения, эффектом усиленного воздействия на адресата» [Там же. С. 549]. Таким образом, реализуется прагматическая направленность текста рецензии.

Категория модальности в большей или меньшей степени характерна для каждого высказывания или текста (Гальперин, 2008; Виноградов, 1975; Кожина, 2003, Ярцева, 2000). Однако в текстах разных функциональных стилей модальность проявляется по-разному; кроме того, реализация модальности в большей степени зависит от типа текста, принадлежащего тому или иному стилю. Так, например, для текстов официально-делового стиля, направленных на констатацию фактов и разного рода предписаний адресату, характерна нейтральная тональность. Модальность в таких текстах максимально реализуется в выражении предписания, волеизъявления с помощью лексических единиц семантического поля волеизъявления, модальных глаголов, безличных конструкций. Нейтральностью характеризуется и научный стиль, отличающийся объективностью и логичностью.

Субъективность, оценочность, доминирование функции воздействия наряду с информативной функцией как характерные черты публицистического сти-

ля признаются исследователями (Солганик, 2009; Арнольд, 2006; Кожина, 2006, Валгина, 2003, Швейцер, 2012) и определяют разнообразие средств реализации категории модальности в текстах этого стиля, в данном случае в тексте литературной рецензии.

Категория модальности реализуется в публицистическом и, в частности, в литературно-критическом тексте с помощью разнообразных языковых средств: лексики, нагруженной оценочными коннотациями, в том числе сленга, превосходных степеней прилагательных, стилистических приемов (эпитет, метафора, сравнение, ирония). К языковым средствам реализации субъективной модальности относятся также междометия, изменение порядка слов в предложении, эмфатические конструкции.

В литературно-критических текстах используются существительные, характерные только для данных текстотипов и способствующие реализации категории модальности. Примером такого существительного может служить *a page-turner*, восходящее к словосочетанию «переворачивать страницы» и имеющее следующее определение в Кембриджском словаре: *a book that is so exciting that you want to read it quickly* [8]. Данная лексическая единица, обозначая захватывающую книгу, безусловно, нагружена положительными оценочными коннотациями, выражает отношение автора к описываемой книге и способствует реализации категории модальности. Существительное *a page-turner* используется как в текстах рецензий так и для обозначения раздела в периодическом издании, например электронном издании *New Yorker*.

Еще одно слово, ставшее литературно-критическим термином и вышедшее за пределы литературно-критических текстов, — существительное *best-seller* — *a book that many people buy* [11. P. 118] (книга, которую покупает большое количество людей). Данное существительное широко используется в литературных рецензиях, служит названием рубрики в периодическом издании *The New York Times* (*The New York Times Bestsellers*), способствует реализации категории модальности, выражая, являясь положительной характеристикой.

Для выражения популярности книги используется также лексическая единица *charts*, имеющая значение *the list produced each week of the records with the highest sales* [8], то есть рейтинг наиболее популярных изданий, изначально только музыкальных, теперь и литературных. Так, например, в краткой аннотации к дебютному роману Г. Вандера «Где лес встречается со звездами» (*Where the forest meets the stars by G. Vanderah*) критик положительно характеризует

произведение и привлекает внимание потенциальных читателей, сообщая, что оно входит в рейтинг популярных книг сайта «Амазон», а также является бестселлером, по версии «Вашингтон Пост»: *An Amazon Charts and Washington Post bestseller*. Значение существительного *charts* в данном контексте меняется по механизму метонимии. *Charts* обозначает не сам еженедельный рейтинг, а произведение, в нем участвующее, популярное и заслуживающее внимания.

Следующая лексическая единица, функционирующая как термин в современной литературно-критической рецензии, — существительное *taster*, обозначающее фрагмент рецензии, где описываются некоторые события из анализируемого произведения. В Кембриджском словаре данная единица определяется как *a small amount or short experience of something that is intended either to make you understand what it is like or to make you want more of it* [8]. Изложение событий призвано заинтересовать читателя, дать «почувствовать вкус» произведения. Кроме того, ассоциируясь с прилагательным *tasty* (вкусный) данное существительное реализует положительную текстовую модальность.

Личное отношение автора к сообщаемому, являющееся обязательным компонентом литературно-критического текста, традиционно выражается с помощью эмоционально нагруженной лексики и грамматических средств, упомянутых выше, а также с помощью разнообразных стилистических приемов. И. Р. Гальперин считает эпитет, вследствие его экспрессивности и субъективности, наиболее эксплицитным средством, реализующим модальность в предложении или тексте. В рецензии на новый роман Дж. Болла *The Diver's game* критик, желая подчеркнуть нравственность и моральные принципы писателя, с целью создать его положительный образ у читателя использует эпитеты. Лексическая единица *formal* (*done in accordance with rules of convention or etiquette; suitable for or constituting an official or important situation or occasion* [8]), характеризует автора как по-настоящему загадочного человека: *a writer of formal mysteriousness*. Эпитет *neon* (*a very bright or fluorescent color*) служит усилителем при описании нравственной чистоты.

Для выражения отношения к описываемому предмету, то есть реализации категории модальности, традиционно используются основанные на аналогии стилистические приемы метафоры и сравнения.

В рецензии на новый роман Дианы Сеттерфилд «Пока течет река» (*Once upon a river*), опубликованной в газете *The Independent* в январе 2019 г., критик характеризует стиль писательницы с помощью метафоры, выраженной глаголом, а также с помощью

сравнения в одном предложении. *Setterfield's writing meanders like the waterway that animates it; tumultuous at times, tranquil one may say slow — the next* [12]. Критик сравнивает индивидуальный стиль автора с временами бурной, временами спокойно текущей рекой, являющейся главной художественной деталью романа. Аналогия между повествованием и рекой задана автором романа: *A river no more begins at its source than a story begins with the first page* [Ibid.] (*В действительности река начинается со своего истока не более, чем история начинается с первой страницы* [4. С. 48]). Используя предложенную аналогию, критик сообщает читателям о манере повествования — захватывающей и стремительной или спокойной, но никогда не скучной, как своенравная Темза. Текст рецензии заканчивается развернутой метафорой, развивающей описанную аналогию, актуализирующей положительную текстовую модальность и побуждающей читателей к «путешествию по Темзе», то есть знакомству с романом: *It is worth taking a journey down the Thames with her* [12]. Кроме того, критик прибегает к метафоре, сообщая читателям об эстетическом наслаждении, которые они получают, читая роман: *But Setterfield knows how to make the words sing* [Ibid.]. Глагол *to sing* (*петь*) ассоциируется с гармонией и благозвучием и, следовательно, с удовольствием. Таким образом, с помощью метафор и сравнения в рецензии реализуется положительная текстовая модальность.

В рецензии, посвященной творчеству Фанни Хоув, используется сравнение, являющееся способом выражения авторской позиции. Критик сравнивает стихи Хоув с витражными стеклами, вызывая у читателя ассоциацию с великолепными католическими соборами, произведениями искусства, таким образом реализуя положительную текстовую модальность, а также прагматическую направленность на побуждение читателя ознакомиться с творчеством поэтессы. *Like stained glass, her poems await illumination, but it's important not to flood them with a klieg light* [9].

Также прием сравнения находим в литературной рецензии, посвященной американской поэтессе Линде Грег. Чтобы описать мощную, по мнению критика, силу воздействия стихов Грег на читателя, она сравнивает их с атомной энергией: *Her poems are like atomic nuclei — precisely calibrated, powerfully charged instances of transfixion from which worlds are built* [7]. Сравнение не только помогает критику выразить свою точку зрения, реализовать положительную текстовую модальность, но и, воздействуя на эмоциональную часть сознания читателей, убедить их в правильности своей точки зрения.

Реализации текстовой модальности также способствует оксюморон. Оксюморон, прием, объединяющий противоположные качества и уже поэтому предполагающий абсолютную неординарность описываемого объекта, используется в литературной критике для того, чтобы дать особо яркую характеристику автору, подчеркнуть его уникальность. Так, в работе, посвященной поэзии американской поэтессы Линды Грег, опубликованной в газете *The New Yorker*, критик называет ее творчество парадоксальным (*Paradox lies at the heart of Gregg's work*). Используя оксюморон, критик описывает чуткость, уникальный талант автора, в чьих стихотворениях отражаются «едва уловимые движения абсолютной неподвижности» (*imperceptible movements of even the most perfect stillness*) [Ibid.]. Оксюморон способствует созданию яркой характеристики, выражению авторской оценки и реализации категории модальности.

В рецензии, посвященной творчеству американской поэтессы Фанни Хоув, критик использует оксюморон [*clarity of misunderstanding* (ясность непонимания), *blur of certainty* (смутные очертания точности)] и антитезу. Стилистический прием антитезы, заключающийся в сопоставлении логически противоположных понятий и образов, ярче подчеркивает неординарность описываемой личности, а также вызывает интерес читателей к ее поэзии: *Howe prefers the clarity of misunderstanding to the blur of certainty* [9]. Симметричность, сопоставление противоположностей, ясность антитезы делают ее популярным способом описания необычных, выдающихся авторов в литературной критике, а также средством выражения авторской позиции. Далее в вышеупомянутой рецензии критик использует противоположные понятия для того, чтобы охарактеризовать поэтессу как человека практичного, но до святости простого: *Pragmatic but blessedly naïve*. Прилагательные нагружены положительными коннотациями и подчеркивают необыкновенный характер Фанни Хоув. Данный стилистический прием реализует положительную текстовую модальность.

В рецензии на новый роман К. Р. Сафона для выражения положительной позиции литературного критика используется конвергенция — несколько стилистических средств одновременно. В самом начале текста рецензии критик Марк Лоусон прибегает к словам, нагруженным положительными коннотациями: удовольствие и достижение *giant, genre-crossing delight; a colossal achievement*. Слова сопровождаются эпитетами «колоссальный» и «гигантский». Приведенная выше лексика в сочетании с эпитетами выражает авторскую позицию, воз-

действуя на эмоции читателей, убеждает их в ее истинности, а именно в том, что им предстоит испытать большое удовольствие при знакомстве с произведением. Таким образом, реализуется положительная текстовая модальность. Далее в тексте используется гипербола, которая, создавая юмористический эффект способствует дальнейшей реализации положительной модальности: *Before starting the latest novel by Spanish writer Carlos Ruiz Zafon, those who use books in the old-fashioned way might be wise to do some serious upper-arm work at the gym. The 832-page book completes a quartet of novels* [10]. С помощью гиперболы автор в шутку предлагает читателям потренироваться в спортзале, прежде чем браться за книгу объемом более 800 страниц, поддерживает общий положительный тон текста, привлекает внимание читателей и реализует прагматическую направленность рецензии.

Безусловно, эффективным средством реализации положительной текстовой модальности и воздействия на читателей является использование аллюзии на известные и уже полюбившиеся читателям произведения. Представляя читателям дебютный роман Дианы Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» критик описывает его как романтическую мистическую историю, пронизанную духом Джен Эйр, Ребекки и Женщины в белом: *She made her mark by delivering her own take on the classic romantic mystery novel, infused with the spirit of Jane Eyre, Rebecca and The Woman in White*. Через несколько лет в рецензии на новый роман Сеттерфилд «Пока течет река» для создания положительной текстовой модальности и побуждения читателей

к знакомству с романом используется аллюзия на «Тринадцатую сказку», к тому времени популярную книгу, опубликованную в 38 странах, ставшую международным бестселлером: *It is as richly atmospheric and spellbinding as Diane Setterfield's bestseller "The Thirteenth Tale"* [12].

Проанализировав ряд современных литературных рецензий, можно прийти к следующим выводам. Категория субъективной модальности, характерная для текста литературной рецензии в силу специфики данного текстотипа, прагматической направленности на оценку и побуждение читателей к действию (чтению описываемого произведения), реализуется с помощью разнообразных языковых средств. Реализации положительной текстовой модальности способствует использование типичных для текста рецензии лексических единиц, нагруженных положительными коннотациями и ставшими своеобразными литературно-критическими терминами. Примером такой лексической единицы может служить, пришедшее в русский язык из английского, слово «бестселлер» (bestseller). Субъективная, текстовая модальность (положительная и отрицательная) реализуется также с помощью разнообразных стилистических средств. В статье рассмотрены стилистические приемы, способствующие реализации категории модальности, преимущественно положительной: эпитет, метафора и сравнение (наиболее эксплицитно отражающие авторскую оценку), оксюморон, (подчеркивающий оригинальность и самобытность произведения и в целом творчества автора), гипербола, антитеза и аллюзии.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель. — СПб. : Азбука-классика, 2008. — 352 с.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М. : УРСС Эдиториал, 2008. — 144 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. — М., 2001.
4. Сеттерфилд, Д. Пока течет река / Д. Сеттерфилд. — М. : Азбука, 2019. — 512 с.
5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М. Н. Кожинной. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 696 с.
6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Большая Рос. энцикл., 2000. — 688 с.
7. Aizenmann Hanna / Linda Gregg in the New Yorker [Электронный ресурс]. — URL: www.newyorker.com.
8. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. — URL: www.dictionary.cambridge.org.
9. Chiasson Dan / Fanny Howe Makes Sense of Beginnings and Endings [Электронный ресурс]. — URL: www.newyorker.com.
10. Lawson Mark / The Labyrinth of the spirits by Carlos Ruiz Zafon review [Электронный ресурс]. — URL: www.theguardian.com.
11. Macmillan English Dictionary for advanced learners. — Macmillan Publ. Limited, 2002. — 1689 с.

12. Michallon, C. Once upon a river [Электронный ресурс] / С. Michallon. — URL: www.independent.co.uk.
13. Burkeman, O. A tale with a twist [Электронный ресурс] / O. Burkeman. — URL: www.theguardian.com.
14. Waldman, K. “The Divers’ game”, Jesse Ball’s Unnerving Parable of a Country That Feigns Innocence [Электронный ресурс] / К. Waldman. — URL: www.newyorker.com.

Сведения об авторе

Силецкая Светлана Сергеевна — старший преподаватель кафедры английской филологии Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия. svetlana.siletskaya@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 92—96.*

THE REALIZATION OF THE CATEGORY OF MODALITY IN THE TEXT OF LITERARY REVIEW

S.S. Siletskaya

Leningrad State University named after A.S. Pushkin, St. Petersburg, Russia. svetlana.siletskaya@gmail.com

The aim of the article is to describe linguistic means of realization of the category of modality in literary reviews. Literary review belongs to publicist style, which function is to express author’s personal ideas and attitudes and to persuade readers that they are true. The pragmatic aim of literary review is to assess a literary work and to induce readers to read it or not. Due to the functional style and pragmatic aim of literary review the category of modality, which reflects author’s attitude, is essential in this type of text. Two types of text modality are distinguished: objective and subjective modality. The article focuses on the words that help to realize the category of objective modality and have become special literary vocabulary. Also stylistic devices due to which subjective modality is realized are studied in the article.

Keywords: *category of modality, literary review, persuasion, pragmatic aim, literary criticism, metaphor, simile, oxymoron, allusion.*

References

1. Aristotel. *Poetica. Ritorica* [Aristotle. Poetics. Rhetoric]. St. Petersburg, 2008. (In Russ.).
2. Galperin I.R. *Tekst kak ob’ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as objective of linguistic studies]. Moscow, 2008. (In Russ.).
3. Nikolyukin A.N. (ed.). *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatij* [The encyclopedia of literary terms]. Moscow, 2001. (In Russ.).
4. Setterfield D. *Poka techet reka* [Once upon a river]. Moscow, 2019. (In Russ.).
5. Kozhinova M.N. (ed.). *Stilisticheskij Enciklopedicheskiy slovar’ russkogo yazika* [Encyclopedia of stylistics of Russian language]. Moscow, 2006. (In Russ.).
6. Yartseva V.N. (ed.). *Yazikoznanie. Bol’shoi enciklopedicheskiy slovar’* [Encyclopedia of Linguistics]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 2000. 688 p.
7. Aizenmann Hanna. *Linda Gregg in the New Yorker*. Available at: www.newyorker.com.
8. *Cambridge Dictionary*. Available at: www.dictionary.cambridge.org.
9. Chiasson Dan. *Fanny Howe Makes Sense of Beginnings and Endings*. Available at: www.newyorker.com.
10. Lawson Mark. *The Labyrinth of the Spirits by Carlos Ruiz Zafon: Review*. Available at: www.theguardian.com.
11. *Macmillan English Dictionary for advanced learners*. Macmillan Publishers Limited, 2002.
12. Michallon Clemence. *Once upon a river*. Available at: www.independent.co.uk.
13. Oliver Bukerman. *A tale with a twist*. Available at: www.theguardian.com.
14. Waldman Katy. *“The Divers’ game”, Jesse Ball’s Unnerving Parable of a Country That Feigns Innocence*. Available at: www.newyorker.com.

ФУНКЦИИ КУЛЬТУРНО-КОННОТИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В РАССКАЗЕ В. ПЕЛЕВИНА «ДЕВЯТЫЙ СОН ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ» (НА ФОНЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПЕРЕВОДА)

В. В. Скворцова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Систематизированы и проанализированы единицы культурно-коннотированной лексики (ККЛ) и их функции в рассказе Виктора Пелевина «Девятый сон Веры Павловны», исследованы особенности их интерпретации в англоязычном переводе текста, учтены результаты опроса читателей перевода и рассмотрены методологические основы разработки пособия с комментарием ККЛ в прозе Пелевина для иностранцев, изучающих русский язык.

Ключевые слова: *реалии, культурная коннотация, РКЛ, перевод, Пелевин.*

Популярность произведений Пелевина среди иностранной аудитории растет с количеством новых издаваемых им рассказов и романов. В данный момент Виктор Пелевин — один из обязательных к прочтению авторов в курсе русской литературы XX в. в американских колледжах. Основные литературные приемы этого постмодернистского писателя — деконструкция, «переворачивание» семантики сакрального, «верха», и профанного, «низа», касающаяся преимущественно советских символов и реалий, а также гротеск, преувеличенное фокусирование на исключительных, абсурдных ситуациях, сталкивание концептов с противоположной оценочной (ценностной) семантикой. Творчество Пелевина описывается характерным понятием «стёб» (глумление над социетальным образом мира человека).

Пик творчества Виктора Пелевина пришелся на 1990-е гг. — время, когда нормы языка менялись вместе с жизнью людей. «Язык Пелевина получает в критике самые противоречивые определения: буриметический (И. Некрасов и С. Золотов), эклектический, русско-английский, современный новояз, вездливое арго, лоскутное одеяло (И. Долин), винегрет, волапюк (А. Немзер) и т. д.» [10]. Некоторые исследователи не причисляют произведения Пелевина к художественной литературе: М. Новикову язык писателя кажется «стертым, безвкусным, “всехним”» [12], Л. Рубинштейн резко заявляет: «Язык? Язык с точки зрения адептов “качественной” прозы — никакой» [15]. Существует и противоположное мнение: А. Антонов и И. Роднянская, например, считают повседневное «кичевое» слово Пелевина

специфически авторским и самобытным приемом. А. Антонов [1] по аналогии с «новоязом» Оруэлла вводит свой термин для характеристики языка Пелевина, фиксируя новое речевое явление — «внуяз» (внутренний язык). И. Роднянская [14] также изобретает новый термин для языка Пелевина — «язык яппи» (от английского Yuppie — акроним к Young Urban Professional Person или Young, Upwardly-mobile Professional). «Язык яппи» — язык, на котором говорят молодые люди, увлеченные построением профессиональной карьеры, знакомые с компьютерными терминами и реалиями Интернета.

И хотя литературные критики и ученые часто обращаются к прозе Пелевина, только треть всех научных исследований его творчества рассматривают именно *язык* Пелевина [20]. Также ускользает из поля зрения исследователей творческое использование Пелевиным большого количества культурных и исторических отсылок, которые задействованы в деконструкции автором советского мифа на всех уровнях поэтики его текстов и прежде всего на лексическом. Тактика Пелевина состоит в том, что, используя слова с национально-историческим компонентом, например советские реалии, автор не дает конкретного комментария каждой единицы, считывая на то, что рожденный в СССР читатель знаком с ними. Мы же в целях исследования встали на точку зрения иностранцев, а также представителей нового поколения россиян, зачастую имеющих ложные сведения об истории своей страны, для которых язык советской эпохи и ее реалии непонятны и требуют дополнительного комментария.

Культурно-коннотированная лексика как объект лингвокультурологических и переводоведческих исследований

Слова с национально-историческим компонентом являются объектом исследования многих ученых, однако для обозначения данных лексических единиц наблюдается отсутствие четкости в терминологии, используемой переводчиками и теоретиками перевода, лингвистами и лингвострановедами. А. Д. Швейцер, В. Н. Комиссаров, Н. Н. Миронова, Л. Л. Нелюбин, Б. И. Репин, А. В. Синявский, А. Ф. Ширяев и многие другие ученые освещали в своих трудах проблему определения вышеупомянутого термина.

Для номинации единиц культурно-коннотированной лексики переводчики и переводоведы Л. Н. Соболев, В. М. Россельс, М. Л. Вайсбурд, Л. С. Бархударов оперируют термином «реалия», Г. В. Чернов, А. В. Фёдоров и многие другие используют термин «безэквивалентная лексика». А. Е. Супрун вводит понятия «фоновые» и «коннотативные» слова, «экзотизмы», Л. А. Шейман называет слова с культурным компонентом «этнолексемами», В. П. Берков — «алиенизмами». Филологи И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, а также С. И. Титкова и И. В. Ружицкий используют такие термины, как «пробелы», «лакуны» и «культурные лакуны».

В 2016 г. нами был предложен термин *культурно-коннотированная лексика* (ККЛ) [18. С. 85—96], эксплицитная внутренняя форма которого указывает на функции, выполняемые данными единицами. В понятие культурно-коннотированной лексики входят прежде всего слова с культурно-историческим компонентом, семантика которых отражает своеобразие культуры конкретного народа, страны [4] и связь с временным историческим отрезком времени. Помимо этого, в сознании носителей языка единицы ККЛ обладают устойчивой связью с обозначаемыми ими объектами, называемой коннотацией [2. С. 156]. Учитывая все эти свойства культурно-коннотированной лексики в нашем исследовании, мы провели ее анализ в рассказе В. Пелевина и разработали классификацию ККЛ единиц.

Классификация культурно-коннотированной лексики в рассказе В. Пелевина «Девятый сон Веры Павловны»

Опираясь на классификацию национально-исторической лексики, выполненную С. Влаховым и С. Флориным, и с учетом результатов сопоставительного анализа оригинала и перевода произведения (движение «от текста» [3; 19]) мы структуриро-

вали культурно-коннотированную лексику в рассказе В. Пелевина «Девятый сон Веры Павловны». Помимо этого, большую помощь в построении данной таксономии оказало погружение в контекст эпохи СССР 1970—90-х гг., исследование исторических и энциклопедических данных, мемуаров, форумов и опросов современников того времени.

Изначально, работая с рассказом «СПИ», мы разделили единицы ККЛ на следующие группы: советские реалии; упоминания известных людей, значимых исторических событий; фреймы-сценарии; метафоры и сравнительные обороты с национально-культурным фоновым компонентом; прецедентные тексты. Данная классификация может быть применима для всех единиц ККЛ в рассказах В. Пелевина, включая «Девятый сон Веры Павловны», и шире.

1. Советские реалии

Используя термин С. Влахова и С. Флорина, под реалией мы понимаем «предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада советского народа, нашей страны, не встречающееся у других народов» [5]. Советские реалии в рассказе — группа, насчитывающая самое большое количество единиц культурно-коннотированной лексики: *портвейн, кооператив, Беломоро-Балтийский канал, Елисейский магазин, лейтенант НКВД* и др.

Например, в связи с антиалкогольной кампанией в стране, направленной на ограничение продажи и употребления спиртных напитков (времена «сухого закона»), алкоголь занимает огромное место в формировании образа советской эпохи¹. И самым популярным напитком того времени был упомянутый в тексте рассказа *портвейн*. «Портвейн, он же портешок, он же партийное вино, он же красненькое, он же чернила, он же бормотуха, в семидесятые годы прошлого тысячелетия к общечеловеческому напитку под названием “Портвейн” никакого отношения не имел» [9]. Это были дешевые виды портвейна и вермута, а также дешевые плодово-ягодные вина, которые часто вызывали отравление, сопровождающееся рвотой².

¹ «Помню, лет десять назад я поселился в Орехово-Зуеве. К тому времени, как я поселился, в моей комнате уже жило четверо, я стал у них пятым. Мы жили душа в душу, и ссор не было никаких. Если кто-нибудь хотел пить портвейн, он вставал и говорил: «Ребята, я хочу пить портвейн». А все говорили: «Хорошо. Пей портвейн. Мы тоже будем с тобой пить портвейн». Если кого-нибудь тянуло на пиво, всех тоже тянуло на пиво» [7].

² «А выпив — сами видите, как долго я морщился и сдерживал тошноту, как долго я чертыхался и сквернословил. Не то пять минут, не то семь минут, не то це-

2. Упоминания известных людей, значимых исторических событий

В исследуемом тексте встречаются отсылки к эпохе посредством упоминания не только о предметах и явлениях, но и о людях, видных деятелях и значимых событиях (*Блаватская, Фасбиндер, Бергман, Сологуб, Зигмунд Фрейд и др.*). В тексте большое количество авторских использований названий лиц и событий направлено на игру с читательским сознанием. Следующая цитата мало о чем говорит читателям, не владеющим информацией о данных именах: «*Они часто обменивались ксерокопиями Блаватской и Рамачараки, настоящая фамилия которого, как говорила Маняша, была Зильберштейн*» (здесь и далее: [13]). В Советском Союзе философское наследие Е. П. Блаватской (теософа, писательницы и путешественницы) было запрещено как несоответствующее официальной государственной идеологии, но ксерокопии трудов Блаватской распространялись в среде творческой интеллигенции. Также пользовались популярностью труды Йога Рамачараки, имя которого на самом деле было псевдонимом американского писателя Вильяма Аткинсона. Зильберштейн же — это фамилия российского литературного критика, литературоведа, искусствоведа, коллекционера, доктора искусствоведения, не имеющего ничего общего с йогой и индийской философией.

3. Фреймы-сценарии

Следующий класс — «сценарии», или «фреймы-сценарии», — объединил в себе типичные для советского времени, повторяющиеся ситуации. Ярким примером сценария советской эпохи является участие в демонстрации («*просвечивают синева милицейских шапок и багровые кровоподтеки транспарантов*» — на демонстрации 1 Мая и 7 Ноября). Это типичный пример пелевинского переворачивания реальности, профанации сакрального и возведения исключений в правила. Читателю подсознательно внушается мысль, что распитие крепких напитков было неотъемлемым элементом праздничных демонстраций (якобы люди пили алкоголь в колоннах — чтобы согреться, и после демонстрации — чтобы отпраздновать событие). Представляется некой нормой абсурдная ситуация, когда герои рассказа «устраиваются лую вечность — так и метался в четырех стенах, ухватив себя за горло, и умолял бога моего не обижать меня... И до самого Карачарова, от Серпа и Молота до Карачарова мой бог не мог расслышать мою мольбу, — выпитый стакан то клубился где-то между чревом и пищеводом, то взметался вверх, то снова опадал» [7].

на пикник» в туалете после демонстрации, распирают портвейн и дерутся.

4. Метафоры и сравнительные обороты с национально-культурным фоновым компонентом

Единицы данного класса представляют для нашего исследования особый интерес, так как целевая аудитория нашего исследования — иностранцы и люди, не знакомые с советскими реалиями. Так как метафоры относятся к единицам когнитивного уровня с фоновым компонентом, объяснить их смысл выведением общего значения выражения из каждого конкретного значения слова невозможно [11]. А иностранцу изначально может быть непонятна метафорическая модель, не говоря уже о значении, чаще базирующемся на определенной коннотации [8]. Примерами метафор из рассказа являются «*Петербург Достоевского*» — образ города Санкт-Петербурга, созданный в книгах знаменитого писателя; «*Париж Маяковского*» — в 1922—1924 гг. Маяковский совершил несколько поездок за границу, писал очерки и стихи о европейских впечатлениях, в том числе цикл стихотворений «Париж» и т. д.

5. Прецедентные тексты

В интертекстуально насыщенных рассказах Пелевина мы нашли большое количество отсылок к прецедентным текстам [16]. В данный класс входят отсылки к литературным произведениям и их авторам («*А топором тебя хочу. Прямо по косичке, как у Федора Михайловича*»), цитаты из художественной литературы («*Но мне светила возвестили, / Что я природу создал сам...*» — строки стихотворения Ф. Сологуба). Кроме того, мы расширили категорию прецедентных текстов, включив в нее: упоминания произведений классической музыки («*Месса*», «*Реквием*» и «*Корсар*» Дж. Верди, «*Рождественская оратория*» Баха); отсылки к театральным постановкам («*стояли три женщины в белых кисейных платьях и белогвардейский офицер, из под приставленной ко лбу ладони взглядывавшийся в даль*»; «*Вера поняла, что там только что давали Чехова*» [13] — имеется в виду пьеса А. П. Чехова «Три сестры»); названия фильмов («*Аэлита*») и картин («*репродукция картины «Товарищи Киров, Ворошилов и Сталин на строительстве Беломоро-Балтийского канала*»). Излюбленным приемом Пелевина является игра с надписями на одежде (которые тоже вошли в эту группу). Например: *What I really need is less shit from you people* — перефразированная надпись, которую

пишут на рабочих карточках, значках и магнитах как шутку: *What I want is more money and power and less shit from you people*. Любопытно, что надпись заимствована из английского и имеет содержание, абсолютно немислимое даже среди эпатирующей молодежи в пуританское советское время.

Изучение перечисленных групп ККЛ позволило выявить их разнообразие и предположить затрудненное понимание этих элементов в среде как иностранцев, так и русских людей, не знакомых с советскими реалиями. Мы решили проверить функционирование единиц ККЛ в переводном тексте и оценить эффективность механизмов их перевода на английский.

Проблема интерпретации и перевода единиц культурно-коннотированной лексики на английский язык

На примере анализа функций ККЛ мы убедились, что использование автором каждого соответствующего слова или сочетания вводит в текст целый пласт информации, что превращает чтение в увлекательный, но непростой процесс. Нечего и говорить о переводчике, которому необходимо не только «раскрыть» все смыслы, но и перевести их на другой язык. Мы познакомились с переводом рассказа «Девятый сон Веры Павловны», выполненным Эндрю Бромфилдом (подробнее в [16]).

Переводчик использовал разные средства для передачи культурно-коннотированной лексики. Большинство советских реалий были переведены способом транскрипции и транслитерации. И если для слов *Perestroika*, *Tverskoy Boulevard* и интернациональных советизмов *comrade*, *general*, *pioneer*, *Communists*, *Soviet*, *USSR*, *lieutenant* достаточно обычной транскрипции, то имена собственные (*Blavatskaya*, *Ramacharaka*, *the Valkyries* и т. д.), данные без комментария, будут трудны для понимания неподготовленного читателя. Кроме того, при переводе методом транскрипции единиц разных групп ККЛ, может возникнуть неоднозначность их трактовки: например, говоря о прецедентном тексте *like in Dostoyevsky*, складывается впечатление, что Достоевский — не автор, а название книги, или *Sholohov's Cossacks* — создается впечатление, что книга Шолохова называется «Казачи».

Так как прием уподобления в переводе заключается в выборе функционального эквивалента, знакомого читателю, это помогает переводчику создать у читателя переводного текста такие же ассоциации, как у читателя текста-оригинала, например: советские реалии *Illusion cinema* (в ори-

гинале — *ходили в «Иллюзион»*) и *fortified (port) wine* (советский портвейн), прецедентный текст *performing The Three Sisters* (у Пелевина — *давали «Трех сестер»*). Однако иногда замена исходной реалии на реалию своего языка может привести к утрате национально-исторического колорита: так, в переводе *пельменная* заменяется американским словом *diner*, а русская *гармонь* переводится стилистически нейтральным *accordion*.

Также использование неудачного приема перевода может стереть авторскую игру слов. Например, игра слов в сочетании *туалетная вода* (в буквальном значении и в значении «одеколон») была потеряна при переводе: Э. Бромфилд использует слово *toilettries* (туалетные принадлежности: мыло, шампунь, зубная паста и т. д.), хотя существует французский термин *Eau de Toilette*, использование которого сохранило бы задумку оригинала (*Eau* — вода, *toilette* — туалет, созвучно с английским *toilet*).

Анализ исходного текста показал, что культурно-коннотированная лексика была использована не только для описания эпохи и создания фона произведения, она также обозначила определенные образы и ключевые для рассказа смыслы. В повествовании главная героиня — уборщица Вера Павловна — находится в нестабильном состоянии, незаметно для читателя пересекая границы между сном, реальностью и фантазией. Когда в конце рассказа происходит потоп и реальная Вера Павловна попадает на страницы вымышленного романа Н. Г. Чернышевского в качестве его героини, философский подтекст рассказа и идея солипсизма добавляют дополнительную трудность интерпретации текста даже для русскоговорящих читателей. Особенно потому, что у Пелевина граница между текстами разных авторов трудноуловима.

Несмотря на большое количество косвенных отсылок к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (заголовок, имя главной героини, часто повторяемая ею фраза «что делать?»), связь с романом в переводе не была бы так очевидна, если бы не удачная идея переводчика. В свой перевод Бромфилд вставил упоминание романа «Что делать?» и номер конкретной цитируемой Пелевиным главы: *Chernyshevsky, What Is To Be Done?, Chapter XXVII*.

Так, иногда сопоставление перевода и оригинала приводит исследователей к новым интересным открытиям. В переводе фразы «*на каменных лицах толпящихся в маленьком кафельном холле голубым весенним светом заиграло предчувствие долгожданной свободы*» мы нашли несоответ-

стве — *the spring light illuminating the stony faces of the gays jostling in the small tiled entrance way brought the intimation of long-awaited freedom* (досл.: *гомосексуалисты с каменными лицами в ожидании предстоящей свободы*). Изначально сославшись на опечатку (*guys* — разг. *ребята, люди*) или невнимательность переводчика, перепутавшего голубой весенний свет с толпящимися в холле голубыми, мы решили проанализировать электронный корпус произведений Пелевина. Каково же было наше удивление, когда на сайте автора мы обнаружили некоторые разночтения в электронных публикациях и печатной продукции. Можем предположить, что Эндрю Бромфилд использовал для перевода электронную версию текста или более позднюю редакцию рассказа, в которой значилось: «*на каменных лицах толпящихся в маленьком кафельном холле педерастов весенним светом заиграло предчувствие долгожданной свободы*».

Можем сделать вывод, что единицы культурно-коннотированной лексики нуждаются в корректной, вдумчивой, а иногда и творческой интерпретации. В свой перевод Э. Бромфилду удалось включить некоторую дополнительную информацию, используя приемы уподобления и перифрастического перевода. Но, чтобы убедиться в достоверности и ясности этого перевода на практике, мы провели опрос среди американских студентов, ознакомившихся с английской версией рассказа «Девятый сон Веры Павловны».

Результаты опроса американских читателей перевода рассказа «Девятый сон Веры Павловны»

Мы опросили американских студентов в возрасте от 20 до 23 лет, 87% из которых изучают русский язык. Однако только одна четвертая опрошенных студентов побывали в России, что уменьшает общий процент практических знаний студентов о русской и советской действительности.

Мы убедились, что переводчику в целом удалось воссоздать эпоху СССР 1980—90-х гг., так как все опрашиваемые определили время повествования, поняли, что речь идет о временах гласности и перестройки в Советском Союзе.

Как мы и предполагали, перемещение героини Веры на страницы романа Чернышевского породило разные интерпретации финала рассказа. Один из читателей предположил, что если Вера Павловна — героиня романа Чернышевского, а рассказ Пелевина — это всего лишь сон героини о будущем в советской действительности, то события

рассказа происходят в XIX в., времени написания романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Стоит упомянуть, что несмотря на то, что Бромфилд ввел в перевод главу из Н. Г. Чернышевского и название самого романа, только одна треть опрошенных почувствовали связь рассказа с романом. Семнадцати процентам студентов понадобилось воспользоваться дополнительной литературой, чтобы понять замысел автора, так как до этого они не были знакомы с творчеством Чернышевского: *I think I was prevented from understanding many sections of the text because I did not understand the references/parallels being made to Russian history and culture (for example, I know the title of Что делать? but what sort of book is it? what significance does it have historically and as a work of fiction?)*¹

Рассказ показался читателям занимательным, язык перевода был понятным и грамматически правильным. Однако почти каждый из опрошенных отметил, что в тексте было большое количество непонятных для них исторических и культурных отсылок: *However, there were many references that I felt I did not really understand. In particular, the reference to Ninth Pipe-Drawing Bridge Brigade, Mayakovsky's Paris, and in general the references to Chernyshevsky (since I haven't read his book)*. Большая часть единиц культурно-коннотированной лексики, переведенная способом транскрипции или транслитерации и данная без дополнительного комментария, вызвала вопросы и непонимание читателей. Так, незнание реалии *комиссионный магазин* привело к тому, что студент интерпретировал ее как сувенирный магазин (*a souvenir shop*).

Несмотря на затруднения в понимании реалий, многие студенты уловили ключевую тему рассказа, определили связь с философией солипсизма, зафиксировали нестандартное повествование, совмещающее фантазию и реальность. Подробные вопросы о ключевых смыслах рассказа также выявили проблемы в переводе и интерпретации реалий: двое опрошенных не знали значения слова «солипсизм», и даже после того, как они посмотрели его значение в словаре, эпиграф не дал ни малейшей подсказки, о чем пойдет рассказ. Образ Маняши разделил аудиторию на два лагеря: 50% читателей приняли Маняшу за живого человека — подругу Веры и напарницу по работе в туалете, другая половина опрашиваемых, опираясь на идеи философии солипсизма, поняли, что Маняша — всего лишь идея, проекция Вериных мыслей и эмоций.

¹ Здесь и далее размещены материалы опроса студентов; авторская грамматика и пунктуация сохранены.

Так же как и реалии, ключевые смыслы рассказа оставили у читателей много вопросов: *I'm very unsure about the role of Pot Mir Soup, the tunnel, the significance of Tverskaya (aside from proximity to the Kremlin) and the Central Telegraph Building in the context of the story, etc. basically all of the images following the flood.* Многим был непонятен символ потопа в конце рассказа, только для одного из всех читателей, который был в России, оказалась очевидной связь потопа и числа девять в заглавии с картиной Айвазовского.

Анализ данных опроса установил, что стереотипы о русских и русской культуре, порожденные в иностранной среде, иногда могут влиять на читательское восприятие текста. Имя и роль генерала Пот Мир Супа не были ясны для 75 % опрошенных, и одним студентом была высказана идея связи имени генерала, содержащего слово «мир», с произведением Л. Н. Толстого «Война и мир». Некоторые читатели попытались отыскать ассоциации и построить аналогии с генералами разных эпох. Один из студентов предположил связать образ генерала Пот Мир Суп с Наполеоном. Возникла и другая ассоциация, которая, как нам кажется, была задумана в реальном тексте и может быть включена в комментарий к данной реалии. Речь идет об отсылке к имени Пол Пота (1925—1998) — камбоджийского политического и государственно-го деятеля, коммуниста и лидера «красных кхмеров», чье правление сопровождалось массовыми репрессиями и голодом.

Можем сделать вывод, что данный опрос оказался полезным для формирования комментариев нашего будущего пособия. Иногда иностранцы подсказывают ассоциации, неочевидные для

русского читателя, но необходимые для полного и правильного восприятия текста.

Выводы

Изучение и классификация единиц культурно-коннотированной лексики, характеристика их функционирования в тексте, сопоставительный анализ текстов оригинала и англоязычного перевода, а также анкетирование американских читателей текста перевода подтвердили многофункциональность и важную роль единиц ККЛ в рассказе Виктора Пелевина «Девятый сон Веры Павловны». Некоторые фрагменты перевода, выполненного Э. Бромфилдом, могут быть доработаны, однако, как нам кажется, постраничные сноски и подробный словарь реалий в конце текста способны оказать определенную помощь для более полного восприятия текста читателем и воссоздания образа эпохи. Поэтому практической целью нашего исследования является разработка пособия для комментированного чтения текстов Виктора Пелевина, предназначенного для изучающих русский язык как иностранный среднего и продвинутого этапа (B1-B2) всех профилей обучения. Комментарий будет включать толкование каждой единицы и дополнительную информацию лингвострановедческого характера. Также комментарий может содержать различные интерпретации упомянутых в тексте событий, объяснять авторскую игру слов, раскрывать значение основных для рассказов образов и учитывать особенности, связанные с функционированием каждой единицы ККЛ в тексте. Данное пособие также может быть полезным для людей, рожденных после распада СССР, и всех любителей творчества В. Пелевина.

Список литературы

1. Антонов, А. ВНУЯЗ («внутренний язык») в творчестве Пелевина / А. Антонов // Грани. — 1995. — № 175. — С. 125—148.
2. Апресян, Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Избранные труды. Т. 2. — М., 1995.
3. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа / Л. Г. Бабенко. — М. ; Екатеринбург, 2004. — 464 с.
4. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании РКИ : метод. рук. / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — 4-е изд. — М. : Рус. яз., 1990. — 246 с.
5. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — М. : Междунар. отношения, 1980. — 343 с.
6. Демьяненко, В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания / В. З. Демьяненко // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. — 1981. — Т. 40, № 4. — С. 368—377.
7. Ерофеев, В. Москва — Петушки / В. Ерофеев. — М., 2006.
8. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон. — М. : УРСС Эдиториал, 2004. — 256 с.

9. Макаревич, А. В. Занимательная наркология / А. В. Макаревич. — М. : Махаон, 2005. — 159 с.
10. Маркова, Т. Н. Особый язык прозы В. Пелевина / Т. Н. Маркова // Рус. речь. — 2005. — № 1. — С. 46—51.
11. Москвин, В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории / В. П. Москвин. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : ЛЕНАНД, 2006. — 184 с.
12. Новиков, М. Что такое вечность? Это банька / М. Новиков // Коммерсант. — 1999. — № 35.
13. Пелевин, В. Девятый сон Веры Павловны. Желтая стрела / В. Пелевин. — М. : Вагриус, 1998. — С. 314—334.
14. Роднянская, И. Этот мир придуман не нами / И. Роднянская // Новый мир. — 1999. — № 9.
15. Рубинштейн, Л. Когда же придет настоящий «П»? / Л. Рубинштейн // Итоги. — 1999. — № 17.
16. Скворцова, В. В. Темпоральная функция реалий в рассказе В. Пелевина «Девятый сон Веры Павловны» и проблема ее передачи в английском переводе / В. В. Скворцова // Текст в зеркалах интерпретаций: Исследовательский семинар А. В. Уржи к конференции «50 лет научной школе Г. А. Золотовой»: сб. ст. / под ред. А. Е. Евграфова, М. Ю. Сидорова, А. В. Уржа. — М. : МАКС Пресс, 2017. — С. 251—264.
17. Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю. А. Сорокин. — М., 1985. — 167 с.
18. Уржа, А. В. Текстовые функции культурно-коннотированной лексики в рассказе Пелевина «СПИ» и его англоязычном переводе / А. В. Уржа, В. В. Скворцова // Мир рус. слова. — 2016. — № 3. — С. 85—96.
19. Уржа, А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики / А. В. Уржа. — М., 2009. — 293 с.
20. Paulsen, M. Criticizing Pelevin's Language: The Language Question in the Reception of Viktor Pelevin's Novel / M. Paulsen // *Landslide of the Norm. Language Culture in Post-Soviet Russia*. — Bergen, 2006. — P. 143—158.

Сведения об авторе

Скворцова Валерия Витальевна — соискатель степени кандидата филологических наук, кафедра русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; преподаватель русского языка, Макалестер колледж, Миннесота, США. skv.val@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 97—104.*

“VERA PAVLOVNA'S NINTH DREAM” — REALIA IN TRANSLATION AND PELEVIN'S CONCEPT OF TIME, SLEEP AND PHILOSOPHY OF SOLIPSISM

V.V. Skvortcova

*Moscow State University, Moscow, Russia,
Macalester College, Saint Paul, MN, USA.
skv.val@mail.ru*

Pelevin employs a variety of cultural references via cultural-connotative words. In this article we will examine such words and their functions in Vera Pavlovna's Ninth Dream, and will elaborate on methodological bases for composing a commentary on Pelevin's prose for foreigners who learn Russian. Our analyses of the English translation (by Andrew Bromfield) help us to examine methods of rendering the original allusions that are hard to translate, and also methods of interpreting key concepts of Pelevin's story (“time”, “sleep”, philosophy of solipsism). Using the data of our survey carried out among American students, we determined the most difficult passages in the text and the potential methods of their interpretation. We concluded that cultural-connotative words, due to their many functions, require additional explanation that will be included in our forthcoming commentary.

Keywords: *realia, cultural reference, connotation, Russian as a foreign language, translation, Pelevin.*

References

1. Antonov A. VNUJaZ (“vnutrennij jazyk”) v tvorchestve Pelevina [“Inner language” in Pelevin’s work]. *Grani* [Edges], 1995, no. 175, pp. 125-148. (In Russ.).
2. Apresjan Ju.D. Konnotacii kak chast’ pragmatiki slova (leksikograficheskij aspekt) [Connotations as part of the pragmatics of speech (lexicographical aspect)]. *Izbrannye trudy* [Selected works], vol. 2. Moscow, 1995. (In Russ.).
3. Babenko L.G. *Filologicheskij analiz teksta. Osnovy teorii, principy i aspekty analiza* [Philological text analysis. Fundamentals of the theory, principles and aspects of analysis]. Moscow, Ekaterinburg, 2004. 464 p. (In Russ.).
4. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Jazyk i kul’tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii RKI, Metodicheskoe rukovodstvo* [Language and Culture: linguistic country studies in teaching Russian as a foreign language, handbook], 4th ed. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1990. 246 p. (In Russ.).
5. Vlahov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation], Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1980. 343 p. (In Russ.).
6. Demjanenko V.Z. Pragmaticheskie osnovy interpretacii vyskazyvanija [Pragmatic foundations of statement interpretation]. *Izvestija AN SSSR. Seriya literatury i iazyka* [USSR Science Academy News. Series of literature and language], 1981, vol. 40, no. 4, pp. 368-377. (In Russ.).
7. Erofeev V. *Moskva — Petushki* [Moscow — Petushki]. Moscow, 2006. (In Russ.).
8. Lakoff G., Johnson M. *Metaforj, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, URSS Jeditorial Publ., 2004. 256 p. (In Russ.).
9. Makarevich A.V. *Zanimatel’naja narkologija* [Entertaining Narcology]. Moscow, Mahaon Publ., 2005. 159 p. (In Russ.).
10. Markova T.N. Osobyj jazyk prozy V. Pelevina [Special language of Pelevin’s prose]. *Russkaja rech’* [Russian Speech], 2005, no. 1, pp. 46-51. (In Russ.).
11. Moskvina V.P. *Russkaja metafora. Oчерk semioticheskoi teorii* [Russian metaphor. Essay on semiotic theory]. Moscow, LENAND Publ., 2006. 184 p. (In Russ.).
12. Novikov M. Chto takoe vechnost’? Jeto ban’ka [What is eternity? It is a bathhouse]. *Kommersant* [Kommersant], 1999, no. 35. (In Russ.).
13. Pelevin V. *Devjatyj son Very Pavlovny. Zheltaya Strela* [Vera Pavlovna’s Ninth Dream. Yellow Arrow]. Moscow, Vagrius Publ., 1998.
14. Rodnjanskaja I. Jeto mir priduman ne nami [This world is not invented by us]. *Novyj mir* [New World], 1999, no. 9. (In Russ.).
15. Rubinshtejn L. Kogda zhe pridet nastojashhij “P”? [When will the real “P” arrive?]. *Itogi* [Results], 1999, no. 17. (In Russ.).
16. Skvortcova V.V. Temporal’naja funkciija realij v rasskaze V. Pelevina “Devjatyj son Very Pavlovny” i problema ejo peredachi v anglijskom perevode [Temporal function of cultural-connotative words in Pelevin’s story “Vera Pavlovna’s Ninth Dream” and their English translation]. *Tekst v zerkalakh interpretacii: Issledovatel’skiy seminar A.V. Urzhi k konferencii “50 let nauchnoj shkole G.A. Zolotovoy”* [Text in mirrors of interpretation: A.V. Urzhi’s Research seminar for the conference “50 years of the scientific school of G.A. Zolotova”]. Moscow, MAKS Press Publ., 2017. Pp. 251-264. (In Russ.).
17. Sorokin Ju.A. *Psiholingvisticheskie aspekty izuchenija teksta* [Psycholinguistic aspects of studying text]. Moscow, 1985. 167 p. (In Russ.).
18. Urzha A.V., Skvortcova V.V. Tekstovye funkcii kul’turno-konnotirovannoj leksiki v rasskaze Pelevina “SPI” i ego anglojazychnom perevode [Text functions of cultural-connotative words in Pelevin’s story “SLEEP” and its English translation]. *Mir russkogo slova* [World of Russian word], 2016, no. 3, pp. 85-96. (In Russ.).
19. Urzha A.V. *Russkij perevodnoj hudozhestvennyj tekst s pozicij kommunikativnoj grammatiki* [Russian translated fiction text from the point of view of communicative grammar]. Moscow, 2009. 293 p. (In Russ.).
20. Paulsen M. Criticizing Pelevin’s Language: The Language Question in the Reception of Viktor Pelevin’s Novel. *Landslide of the Norm. Language Culture in Post-Soviet Russia*. Bergen, 2006. Pp. 143-158.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ «КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ» (ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ И ГАРМОНИЯ ЯЗЫКА)

З. П. Табакова

Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева, Петропавловск, Казахстан

Рассматриваются вопросы формирования художественного концепта «как хороши, как свежи были розы». Анализ произведений И. С. Тургенева, И. Мятлева, И. Северянина позволяет установить топологическую связь текстов, маркеры интертекстуальности, выявить особенности нарративного построения текстов. Литературная цитата становится прецедентным текстом, на основе которого формируется семантика художественного концепта.

Ключевые слова: литературная цитата, крылатые слова, прецедентность, концепт, ассоциации, элегия, топология, нарратив, интертекст, период, сложное синтаксическое целое.

Цель данной статьи — описать интертекстуальный концепт, формально соответствующий фразе «как хороши, как свежи были розы», в нарративном пространстве художественного текста. Данная цель предполагает исследование цикла произведений, формально и содержательно перекликающихся с указанным высказыванием. Исследование проведено методом семантической интерпретации, сопоставительного и трансформационного метода, а также анализа языковых особенностей построения интертекстов. Как пишет М. В. Вербицкая, «термин “вторичный” не имеет никакой оценочной окраски, он говорит лишь о том, что произведение не может быть до конца понято и оценено без обращения к его “второму плану”, что эстетика произведения имеет особый характер» [2. С. 170]. В нарратологии разрабатываются основные приемы исследований повествовательного дискурса как в языкознании, так и с позиций литературоведения [3; 4; 16]. Однако даже близкие по терминологии проблемы: интертекстуальность, нарратив, прецедентность, дискурс — в языковедческом исследовании имеют свои существенные отличия. В представленном исследовании проводится сопоставительный анализ текстов в структурно-семантическом и эстетическом аспектах. Интертекстуальные отношения нарративных текстов описаны с помощью методологического аппарата лингвистики текста, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Материалом исследования послужили четыре интертекстуальных произведения. Высказывание «как хороши, как свежи были розы» использовано в них для реализации разных функций. Вероятно, это один из немногих случаев, когда неисчерпаема

тема и неповторима семантика новых текстов, как неповторима сама жизнь человека. В подтексте произведений вечно волнующая человека проблема осмысления жизни, естественная сменяемость ее циклов: молодость, зрелые годы, старость. В текстах философски представлены вечные проблемы бытия: в молодости человек радуется жизни и не задумывается о ее быстротечности, старость теряет оптимистическое восприятие жизни и, вспоминая прошлое, пытается подвести итоги своего жизненного пути. В анализируемых текстах противопоставлены: молодость — жизнь; старость — ожидание смерти. В моменты старческих раздумий не вспоминается жизнь в зрелые годы, а вспоминается то, что давно забыто.

Для анализа концепта, сформировавшегося в художественном произведении, привлечем стихотворение в прозе Ивана Сергеевича Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...». Концепт в художественном тексте имеет свою особую историю, для его восприятия необходимо знание истории употребления концепта в текстах разных авторов, что приводит к наращиванию его смысла. В данном случае мы имеем не отдельное слово-концепт, а целое высказывание, ставшее прецедентным, источником которого явился художественный текст. Топология исследуемого концепта имеет начало, но, вероятно, не имеет конца. И. С. Тургенев поясняет, что выбор названия произведения связан с запомнившейся строкой «*Как хороши, как свежи были розы...*» из прочитанного «где-то, когда-то, давно-давно тому назад» стихотворения. В функции заголовка Тургеневым использована первая строка стихотворения Ивана Мятлева «Розы»,

которое было написано в 1834 г., что Тургеневым обозначено как «давным-давно тому назад»; как видим, эти два текста по времени разделяет 45 лет, что в жизни человека, действительно, немалый срок. Прототекст интертекстуального включения оказался малоизвестным. Подзабытая строчка начала стихотворения И. Мятлева, возможно, никогда не получила бы той известности, которую она приобрела благодаря гениальности И. Тургенева, создавшего наилучшую элегию в прозе, где строка «*Как хороши, как свежи были розы*» стала рефреном произведения, повторившись в небольшом тексте шесть раз.

Рассказывая о красоте роз, поэт И. Мятлев почти не описывает их внешнюю привлекательность. Особая красота роз представлена их воздействующей силой: «Как взор *прельщали* мой!», в них *расцветала* радость, любовь *дышала* в них. Индивидуально-авторское отношение к цветам передается через восприятие лирическим героем, что подчеркивают местоимения: личное местоимение *Я* в стихотворении повторяется семь раз, *МНЕ* — четыре раза; притяжательное местоимение *МОЙ* употреблено четыре раза (*мой сад, мой взор, мои розы, мои цветы*). Восторженное отношение к цветам описывается и лексическими, и синтаксическими средствами языка. Передаче восторженного отношения к заветным цветам служат настойчиво повторяющееся наречие *как*, встретившееся в первой части периода девять раз. Стихотворение И. Мятлева оформлено как период с четко обозначенными его характеристиками: делением текста на две неравные части, в первой из них дано развернутое описание основного содержания текста, эмоциональных воспоминаний молодости, ассоциативно представленной любовью к прекрасным розам; вторая часть отделена небольшой паузой и представляет вывод, подсказанный вопросом «И где ж она?..». Периодическая речь предполагает наличие структурно-интонационных характеристик текста. Напряженная нарастающая интонация первой части обусловлена структурной однотипностью функционирующих предложений. На их однотипность указывают анафора и повторы; так, местоименное наречие *как* в 14 строках первой части повторяется восемь раз. Однотипность поддерживается и другими повторами, например:

*Казалось мне, в них расцветает радость,
Казалось мне, любовь дышала в них.*

А также соразмерностью и структурой предложений, использованием одинаковых союзов и лексических единиц:

И я сорвал заветные цветы.

*И мне в венке цветы еще казались
На радостном челе красивее, свежей.*

Средствами просодии достигается стройность периода, его напряженность и завершенность.

Отношение героя к цветам носит действенный характер: *я молил, я берёг, я лелеял*. Все глаголы передают активное восприятие жизни. Они представляют цепочку действий человека: от мольбы-просьбы до заботы с нежностью, как о любимом ребенке, которого нужно беречь и лелеять:

*Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!
Как я берёг, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих [8].*

Но вот явилась дева рая — цветы сорваны и вплетены в венок. Для хозяина роз, так бережно охранявшего их, это не стало драмой, событие объединило любовь к розам и любовь к девушке: свежие розы «*мило соплетались / С душистою волной каштановых кудрей!*» Глагол *соплетались* очень точно передает восприятие лирическим героем красоты роз и красоты девушки. Корень *плести* вызывает представление о девичьей косе. Плести, согласно словарю, означает: «Перевивая... соединять в одно целое, изготавливать. Плести венок» [9. С. 651]. «Приставка *со-* служит для образования существительных, прилагательных и глаголов, обозначая общее участие в чем-нибудь, совместность» [Там же. С. 908]. Употребление приставочного глагола усиливает целостное восприятие девушки и роз. Одна строчка раскрывает всю полноту чувств человека, эти чувства описаны кратко — *мило соплетались*, наречие *мило* от слова *милый*, то есть дорогой, любимый. И это слово наполняет текст эмоцией любви и преклонения. С этого момента начинается гармония красоты и молодости. *Молодость* девушки и *младость* роз цвели как одно целое, что подчеркивают однокоренные, но разные по стилистической окраске слова (молодость/младость). Поэт пишет: «*Ей счастье долгое сулил, казалось, рок*». Обращение к року не случайно. Автор уже упомянул об обращении к чему-то трансцендентному («как я *молил* весенние морозы»). В русской ментальности *рок* судьбы занимает мировоззренческое место: человек, не воплотивший в жизнь свои мечты, ссылается на судьбу: *значит не судьба, не суждено было, такова судьба-злодейка, такая планида, так сложились обстоятельства жизни* и т. п. Считается, что *рок, судьба* влияют на жизнь человека сильнее желаний и чувств самого человека и человеку оста-

ется только верить судьбе, умолять ее и верить в счастье, но эта вера может оказаться ненадежной и, как любой призрак, исчезнуть в любой момент. В стихотворении И. Мятлева описание возвышенных чувств прерывается вопросом: «И где ж она?...». Вопрос в структуре периода выполняет роль перехода к сообщению о свершившейся трагедии:

В погосте белый камень,

На камне — роз моих завянувший веноч.

В стихотворении все построено на принципах противопоставления. В начале стиха — свежие красивые розы, они хороши *в саду*, а *в погосте на камне* — *увядший веноч из роз*. Текст выдержан в духе нарратива, где сменяющиеся события представлены через субъективное повествование, пронизанное эмоциональными переживаниями.

Строка «*Как хороши, как свежи были розы*» стала не только названием одного из стихотворений в прозе Ивана Сергеевича Тургенева, она выполнила и роль скрепы отдельных зарисовок, поддерживая нарратив текста [14]. По нашим наблюдениям, текст оформлен как сложное синтаксическое целое, состоящее из трех основных частей, соединяемых воедино повторяющейся строкой, вынесенной и в название заголовка. В центре внимания воспоминания старого одинокого человека. В его комнате горит одна свеча, а он, забившись в угол, под музыку запавшей строчки «*Как хороши, как свежи были розы*» вспоминает прекрасную молодую девушку, с которой не дерзнул заговорить, но хорошо помнит переполнявшие его чувства: «*как она мне дорога, как бьется мое сердце*». Тяжелую обстановку одиночества подчеркивают глаголы: свеча *трещит*, мороз *скрыпит* и *злит*. Вместо влюбленного молодого голоса чудится *скучный, старческий* шепот. Как поразительно точно подбирает слова писатель, каждый эпитет несет в себе большой эмоциональный заряд: одиночество — это скука, и голос такой же скучный, потому что старческий, даже и не голос, а шепот, который то ли слышится, а может, просто *чудится*. Содержание и форма в полной гармонии. «Преобладание эстетической функции требует, чтобы тематические и формальные элементы друг друга мотивировали и оправдывали, способствуя в познавательном и чувственном взаимодействии образованию сложного эстетического содержания» [17. С. 23].

Если в стихотворении И. Мятлева местоимение *мой* неоднократно используется в начале текста для подчеркивания принадлежности роз, то у Тургенева это местоимение появляется в кон-

це текста как итог его не сложившейся жизни: «у ног *моих* старый пес, *мой* единственный товарищ». Личные местоимения находятся в оппозиции (Я — Они), подчеркивая невозвратность прошедшего: *Я* зябну, *Мне* холодно. — И все *они умерли... умерли...* В тексте выдерживается нарратив субъективного освещения взаимосвязанных событий. Повествование ведется от первого лица (Давным-давно тому назад *я* прочел одно стихотворение. *Я* зябну. *Мне* холодно). Но психическое состояние рассказчика не всегда позволяет ему правильно ориентироваться в реальности. Прошлое настолько ясно впечаталось в его память, что описание событий тех далеких лет представлено во всех деталях, а настоящее рассказчик воспринимает как в бреду: ему *чудится скучный старческий шепот*. Он задается вопросом: *Кто* это кашляет там так *хрипло и глухо*? Происходит явное раздвоение личности. Человек живет прошлым, тогда он был молод и рядом были любимые люди, а настоящее ничем его не радует. Мысли мешаются, и все труднее отличить реальное от воспоминаний. Да и нет ни желания, ни сил что-то менять. Он начинает с того, что «в голове все звенит да звенит: *Как хороши, как свежи были розы...*». *Затем* — «Свеча *меркнет и гаснет*», вместе с ней меркнет и его сознание: «ему *чудится скучный старческий шепот*». Он уже не осознает, что это его голос и шепчет тоже он, других людей в доме нет. У ног хозяина только верный пес, но сознание меркнет, как и отгоревшая свеча. Процесс отчуждения от жизни свершился, и у рассказчика не возникает даже тревожной мысли о будущем своего любимца.

В «Стихотворениях в прозе» Тургенева есть еще одна новелла — «Роза» [15], близкая по семантике и исполнению к рассмотренной элегии. В ней описан только один вечер из жизни молодой девушки. На первый взгляд, может показаться, что в новелле все не так трагично, как в первой: никто не умер, молодая жизнь продолжается. Хотя Тургенев нигде не вспоминает о первом произведении, однако уже название новеллы говорит о непосредственной их связи. Роза остается базовым концептом, через который раскрывается суть происходящего. Описание времени и обстановки также коррелируются. События происходят в обстановке наступления более холодного сезона года: «*Теперь зима*; мороз запушил стекла окон; в темной комнате горит одна свеча» (в элегии «*Как хороши, как свежи были розы*»); «*Осень уже наступала*. Солнце садилось. Внезапный порывистый ливень, без грома и без молний, только что промчался

над нашей широкой равниной» («Роза»). В элегии Тургенев передает все более мрачное описание обстановки: «*А в комнате все темней да темней...*» То же наблюдаем и в новелле: «*Все потемнело вокруг; ночь уже надвинулась*». Для описания наступления ночи используется необычный глагол *надвинулась*. Его употребление поддерживает общую тональность текста быстрой смены событий (*внезапный* ливень промчался). Естественная смена дня и ночи представлена как что-то внезапное и неизбежное. В нарративных текстах событийность изменения, как правило, носит характер неожиданности, и подобное мы наблюдаем в развитии главного события во всех анализируемых текстах: в стихотворении И. Мятлева — *это явление девы рая*, в элегии И. Тургенева — образ догорающей свечи, в рассматриваемой новелле — грязная роза.

Совпадает и описание роз: автор элегии об их красоте напоминает в тексте четыре раза, повторяя запомнившиеся строчки «Как хороши, как свежи были розы». В стихотворении в прозе «Роза» он пишет: «*То была молодая, чуть распустившаяся роза. Два часа тому назад я видел эту самую розу на ее груди*». Роза в русской культуре является символом красоты, любви и непорочности. Все эпитеты, которыми описывается цветок, могут быть отнесены и к девушке, чью грудь роза украшала. Через описание происходящего с розой аллегорически представлена судьба молодой девушки: *чуть распустившаяся роза* через час-два оказывается в грязной луже, и хотя она вновь положена на столик перед девушкой, ее *измятые, запачканные лепестки* вызвали не радость девушки, а желание сжечь ее. Изменения в поведении девушки для нарратора и читателя оказываются неожиданными, парадоксальными. Это один из принципов структуры нарративного текста. Как утверждает В. Шмид, «событийность изменения повышается по мере его неожиданности. Событие в эмфатическом смысле подразумевает некоторую парадоксальность. Парадокс — это противоречие “доксе”, то есть общему мнению, ожиданию» [17. С. 12—13]. Несмотря на разницу в событиях, влияние прецедентного текста ощущается в нарративе новеллы. Совпадает тождество начала описания (*Все потемнело вокруг; ночь уже надвинулась*) и описание розы. В итоге — *брошенная девушкой роза сгорает в печи*. Кажется, что не все так трагично и жизнь продолжается, хотя и без сгоревшей розы. Девушка не повторяет судьбу этой еще не распустившейся розы, однако ее бравада не может обмануть участника этой сцены, он по-

нимает: «*Она сожжена*». И это означает, что сгорела не только роза, сожжена и сама девушка, вернее — ее душа, а значит — и ее судьба. Памятью о первом тексте, мы понимаем, что у девушки не останется даже светлых воспоминаний о прошедшей в любви молодости, в ее воспоминаниях останется только сгоревшая роза как символ разбитой судьбы. Комплекс синтаксических приемов формирует семантику текстов, эта гармония формы и содержания определяет эстетическую ценность произведения.

В тексте нет строчек «как хороши, как свежи были розы...», но наше восприятие их как прецедентного текста эмоционально ставит эту новеллу в один ряд с известными нам текстами и вызывает невольные ассоциации радостной молодости, красоты, ожидания счастья и времени утраты иллюзий и наступившего разочарования. «Специфика интертекстуальных произведений, — пишет М. В. Игнатович, — заключается в том, что их содержание невозможно понять правильно без учета возникающих в процессе чтения ассоциативных связей с другими произведениями» [6. С. 8]. Валентина Томашевская, воодушевленная стихотворением в прозе И. Тургенева «Роза», написала эмоциональный отклик на затронутую тему — «Роза Тургенева»: «Эти стихи в прозе Тургенева в концентрированной форме рассказали мне о нем, о его поисках и путях к любви, к человеку, о его одиночестве в конце пути» [13].

В элегии И. С. Тургенева представлены две картинки из молодой жизни на фоне одинокой старости. Игорь Северянин, вспоминая молодость, также цитирует строчку из стихотворения Мятлева о радостном восприятии жизни и добавляет свои воспоминания:

Как хороши, как свежи *были* розы
Моей любви, и славы, и весны!

Строчка из стихотворения Ивана Мятлева «Розы» (1834) «Как хороши, как свежи были розы...», ставшая рефреном знаменитого стихотворения в прозе И. С. Тургенева (1879), почти через полвека в стихотворении Игоря Северянина «Классические розы» (1925) выполняет реминисцентную функцию. Поэт в качестве эпитафии своего стихотворения приводит первую строфу стихотворения И. Мятлева. После смерти поэта ей суждено было стать эпитафией на надгробии Игоря Северянина [11].

Король поэтов рубежа веков, как его представляли в литературоведческих работах, И. Северянин больше 20 лет своей жизни провел на чужбине, там

он и скончался. «Классические розы» называют его визитной карточкой в мире творчества. В первом четверостишии поэт вспоминает не просто прошлые годы, а «лета», исчезнувшую эпоху, которая кажется теперь легендарной. Прошло всего восемь лет, а «ни страны», ни людей, живших в ней, больше нет. Это другой мир, в котором, как кажется поэту, нет любви, и не верится, что была слава, приходила весна, когда можно было быть беспечным. «Как свежи *ныне* розы» — самые дорогие теперь воспоминания, переходящие в ностальгию по Родине, молодости, творчеству и славе.

Прошли лета, и всюду льются слезы...

Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...

Как хороши, как свежи *ныне* розы

Воспоминаний о минувшем дне!

В его горестных раздумьях — тоска и ностальгия по утраченной родине, но в его горестных раздумьях о своей жизни остается еще лучик надежды, что после смерти не будет полного забвения его как поэта, что родина о нем не забудет:

Как хороши, как свежи *будут* розы,

Моей страной мне брошенные в гроб!

В стихотворении великого князя К. Романова завожившая его фраза о розах встречается в несколько трансформированном виде. Это, на наш взгляд, подтверждает ее концепт уальность. Поэт наполняет концепт своим индивидуально-авторским содержанием, конечно, это можно было бы передать в тексте — и в его дискурсе читатели могли сами выделить личностное восприятие концепта-высказывания. Поэт избрал другой путь и внес индивидуально-авторский контент в текст художественного концепта:

В те беззаботные года

Не знали мы житейской прозы:

Как хороши *тогда*,

Как свежи были розы! [10]

Строчка из стихотворения И. Мятлева гением Ивана Сергеевича Тургенева стала прецедентным текстом, значение которого сохраняется только при условии точного его воспроизведения. Ассоциации возникают при полном воспроизведении высказывания и восторженной интонации. Особую роль играет и глагол *быть*. В тексте этот глагол не является вспомогательным, относящим событие к прошедшему времени. Он значим, в нем содержится утверждение, что эти розы *существовали*. А потом розы завяли, и вместе с ними умерли все, кого любили, лелеяли, и осталась о них только память.

Выводы

Строчка из стихотворения И. Мятлева гением Ивана Сергеевича Тургенева стала прецедентным текстом, значение которого сохраняется при условии точного его воспроизведения.

Представленный в таблице ниже сопоставительный лингвопоэтический анализ стихотворений одной тематики, рассредоточенных во времени почти в двести лет, написанных в разные эпохи разными авторами, позволяет продемонстрировать общее в содержании и языковой характеристике текстов. Сопоставление интертекстуальных текстов раскрывает топологическую связь анализируемых произведений с прототекстом в семантике, способах структурирования и ассоциативных связях. Сопоставительный метод в лингвистическом изучении интертекстуальных текстов выявляет

Сопоставительный анализ текстов

Заголовок	Розы	Как хороши, как свежи были розы...	Роза	Классические розы
Автор	И. Мятлев	И. С. Тургенев	И. С. Тургенев	И. Северянин
Введение	Как хороши, как свежи были розы...	Давным-давно тому назад	Последние дни августа...	Эпиграф — строфа Мятлева
Вывод	Роз моих завянувший веночек	Раздвоение личности	Она была сожжена	Эпитафия
Синтаксическое оформление	Период	Сложное синтаксическое целое	Сложное синтаксическое целое	Стих
Контенты: понятие	Роза	Роза	Роза	Роза
Ментальность	Эталон красоты и молодости	Эталон красоты и любви	Эталон красоты и душевной чистоты	Эталон красоты и справедливости
Индивидуально-авторский	Быстротечность жизни	Одиночество	Отчуждение	Ностальгия

их своеобразный диалог, не ограниченный временем, пространством и возможной сменой его участников. Появляется возможность изучения интертекстуализмов в системе, так как «модель интертекстуальности нацелена на конкретно обозначенные отношения между текстами или фрагментами текстов» [6. С. 9].

Исследование позволяет сделать выводы, что анализируемые тексты глубоко связаны не только темой, но и атмосферой чувств, близкими выводами, средствами передачи их, что свидетельствует о наличии художественного концепта, который включает контенты: понятие, ментальность, индивидуально-авторский контент воспоминаний. Таким образом, художественный концепт за неполных двести лет прошел путь от простого высказывания в стихотворении Ивана Мятлева до крылатого выражения из элегии Ивана Сергеевича Тургенева, получив научную прописку в словаре литературных цитат. Как пишут авторы словаря крылатых выражений, «фраза “Как хороши, как свежи были розы”, популяризированная Тургеневым, стала крылатой и употребляется, когда с грустью вспоминают о чем-нибудь радостном, светлом, но давно прошедшем» [1. С. 291]. В современном русском языке фраза «как хороши, как свежи были розы» выполняет функции художественного концепта. Подтверждением его концептуальности может служить название «Роза» картины В. А. Беклемищева, где изображена задумчивая женщина с розой на коленях, что должно подчеркнуть семантическую связь этих двух видов искусства. Связь этих, безусловно, самостоятельных искусств, получает осмысление в поисках нового направления — изопоэзии. Искусство, как

писал Л. Н. Толстой, есть «одно из средств общения людей между собой».

Сторонники влияния разных видов искусства на человека, отмечают, что это влияние «основано не только на познании, но и эмоционально-чувственном переживании явлений и процессов окружающего мира, на личностно-ценностном к ним отношении» [12. С. 124]. Поэт и художник своими произведениями могут вызывать близкие ассоциации. Так, картина художника А. Бургаева «Три свечи» может вызвать эффект, подобный стихотворению поэта В. Коноплёва, хотя картина создавалась не как иллюстрация, к тому же картина и стихотворение созданы в разных городах и в разное время.

Мы горим, как свеча,
Пока в нас горяча
И пылает энергия страсти.
Колыхнется фитиль,
И тогда мирный штиль
Возмутится тенью напастей [7. С. 129].

Художник-иллюстратор стремится как можно точнее передать *содержание* художественного текста. Изопоэтика исследует близость не по содержанию, а по *ассоциативному воздействию* самостоятельных произведений разных искусств. Игорь Михайлович Давыдов (псевдоним — Сам Давыдов) обладает даром поэтического слова и является по таланту и образованию художником, поэтому он сам делает иллюстрации к своим стихам [5. С. 107—117]. Рисунки, созданные автором к своим стихотворениям, — это не иллюстрации, а самостоятельные произведения искусства, и со стихами их связывает только близкое ассоциативное восприятие.

Список литературы

1. Ашукин, Н. С. Крылатые слова / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. — М. : Правда, 1986. — 768 с.
2. Вербицкая, М. В. Теория вторичных текстов / М. В. Вербицкая. — М. : Изд-во МГУ, 2000. — 220 с.
3. Геймбух, Е. Ю. «Венок из роз»: И. Мятлев, И. С. Тургенев, И. Северянин / Е. Ю. Геймбух // Филол. класс. — 2018. — № 1 (51). — С. 19—24.
4. Говейлер, Т. Ж. Стилистическая роль риторических фигур в сборнике «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева / Т. Ж. Говейлер, Т. С. Лукошкова // Молодой ученый. — 2015. — № 5 (85). — С. 647—649.
5. Давыдов, И. М. Поэты Северо-Казахстанской области // И. М. Давыдов. — Петропавловск : Сев. Казахстан, 2019. — 122 с.
6. Игнатович, М. В. Культурная адаптация интертекстуальных включений при переводе произведений английской литературы XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Игнатович. — М. : МГУ, 2011. — 22 с.
7. Коноплёв, В. Г. С теплом и светом / В. Г. Коноплёв. — Петропавловск : Сев. Казахстан, 2019. — 188 с.
8. Мятлев, И. Розы [Электронный ресурс] / И. Мятлев // РуСтих. — URL: <https://rustih.ru/ivan-myatlev-roz>.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М. : Мир и образование, 2018. — 736 с.

10. Романов, К. К. Розы [Электронный ресурс] / К. К. Романов // Стихи и Проза. — URL: <http://poesias.ru/rus-stihi/stihi-romanov/stihi-romanov10073.shtml> (дата обращения 05.02.2020).
11. Северянин, И. Классические розы [Электронный ресурс] / И. Северянин // РуСтих. — URL: <https://rustih.ru/igor-severyanin-klassicheskie-rozy/> (дата обращения 05.02.2020).
12. Солопанова, О. Ю. Мироззрение личности педагога в координатах науки и искусства / О. Ю. Солопанова, Б. М. Целковников // Успехи соврем. науки. — 2016. — № 2, т. 2. — С. 122—125.
13. Томашевская, В. Роза Тургенева [Электронный ресурс] / В. Томашевская // ПрозаРу. — URL: <https://www.proza.ru/2006/01/29-222> (дата обращения 05.02.2020).
14. Тургенев, И. С. Как хороши, как свежи были розы [Электронный ресурс] / И. С. Тургенев // Интернет-библиотека Алексея Комарова. — URL: <https://ilibrary.ru/text/1378/p.44/index.html> (дата обращения 05.02.2020).
15. Тургенев, И. С. Роза [Электронный ресурс] / И. С. Тургенев // РуСтих. — URL: <https://rustih.ru/ivan-turgenev-roza-stixotvorenie-v-proze> (дата обращения 05.02.2020).
16. Тюпа, В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. — 58 с.
17. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. — М. : Языки славян. культуры, 2003. — 312 с.

Сведения об авторе

Табакова Зинаида Петровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева, Петропавловск, Казахстан. ztabakova@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 105—112.*

ARTISTIC CONCEPT “HOW GOOD, HOW FRESH THE ROSES WERE” (PHILOSOPHY OF LIFE AND HARMONY OF THE LANGUAGE)

Z.P. Tabakova

M. Kozybaev North Kazakhstan State University, Petropavlovsk, Kazakhstan. ztabakova@yandex.ru

The article discusses the formation of the artistic concept “How good, how fresh the roses were.” The collection of poems “Poems in Prose” by I.S. Turgenev, the poem “How good, how fresh the roses were...” by I. Myatlev, and the poem “Classical roses” by I. Severyanin were chosen for the research. The choice of material is due to the thematic and semantic affinity of the works. The relevance of the study lies in an attempt to establish a topological connection of texts, markers of intertextuality and narration features. The author set the task to identify the linguistic features of the texts, to establish individual auctorial associations and methods for their implementation using the method of linguistic-poetic analysis. As a result of the study, the transformation of a literary quote into a precedent text and the subsequent development of an artistic concept by building up additional individual auctorial content were established. The semantic-syntactic structures of the texts compared are described.

Keywords: *literary quote, winged words, precedence, concept, associations, elegy, topology, narrative, intertext, period, complex syntactic whole.*

References

1. Ashukin N.S., Ashukina M.G. *Krylatye slova* [Winged words]. Moscow, Pravda Publ., 1986. 768 p. (In Russ.).
2. Verbitskaya M.V. *Teoriya vtorichnykh tekstov* [Theory of secondary texts]. Moscow, 2000. 220 p. (In Russ.).
3. Gejmbuh E.Yu. “Venok iz roz”: I. Myatlev, I.S. Turgenev, I. Severyanin [Wreath of roses: I. Myatlev, I.S. Turgenev, I. Severyanin]. *Filologicheskij klass* [The philological class], 2018, no. 1 (51), pp. 19-24. (In Russ.).

4. Govejler T.Zh., Lukoshkova T.S. Stilisticheskaya rol' ritoricheskikh figur v sbornike "Stihotvoreniya v proze" I.S. Turgeneva [Stylistic role of rhetorical figures in the collection "Poems in prose" by I.S. Turgenev]. *Molodoj uchyonyj* [Young scientist], 2015, no. 5 (85), pp. 647-649. (In Russ.).
5. Davydov I.M. *Poety Severo-Kazakhstanskoi oblasti* [Poets of the North Kazakhstan region]. Petropavlovsk, Severnyi Kazakhstan Publ., 2019. 122 p. (In Russ.).
6. Ignatovich M.V. *Kul'turnaya adaptatsiya intertekstal'nykh vklyuchenii pri perevode proizvedenii angliiskoi literatury XX veka* [Cultural adaptation of intertextual inclusions in the translation of works of English literature of the twentieth century. Abstract of thesis]. Moscow, MGU Publ., 2011. 22 p. (In Russ.).
7. Konoplev V.G. *S teplom i svetom* [With kindness and light]. Petropavlovsk, Severnyi Kazakhstan Publ., 2019. 188 p. (In Russ.).
8. Myatlev I. Rozy [Roses]. *RuStikh* [RuVerse]. Available at: <https://rustih.ru/ivan-myatlev-roz>, accessed 05.02.2020. (In Russ.).
9. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Mir i obrazovanie Publ., 2018. 736 p. (In Russ.).
10. Romanov K.K. Rozy [Roses]. *Stihi i Proza* [Poems and Prose]. Available at: <http://poesias.ru/rus-stihi/stihi-romanov/stihi-romanov10073.shtml>, accessed 05.02.2020. (In Russ.).
11. Severyanin I. Klassicheskie rozy [Classic roses]. *RuStikh* [RuVerse]. Available at: <https://rustih.ru/igor-severyanin-klassicheskie-rozy>, accessed 05.02.2020. (In Russ.).
12. Solopanova O.Yu., Tselkovnikov B.M. Mirovozzrenie lichnosti pedagoga v koordinatakh nauki i iskusstva [Worldview of the teacher's personality in the coordinates of science and art]. *Uspekhi sovremennoi nauki* [Achievements of modern science], 2016, no. 2, vol. 2, pp. 122-124. (In Russ.).
13. Tomashevskaya V. Roza Turgeneva [Rose Turgenev]. *ProzaRu* [ProzaRu]. Available at: <https://www.proza.ru/2006/01/29-222>, accessed 05.02.2020. (In Russ.).
14. Turgenev I.S. Kak khoroshi, kak svezhi byli rozy [How beautiful, how fresh were the roses]. *Internet biblioteka Alekseya Komarova* [Alexei Komarov's on-line library]. Available at: <https://ilibrary.ru/text/1378/p.44/index.html>, accessed 05.02.2020. (In Russ.).
15. Turgenev I.S. Roza [Rose]. *RuStikh* [RuStikh]. Available at: <https://rustih.ru/ivan-turgenev-roza-stixotvorenie-v-proze>, accessed 05.02.2020. (In Russ.).
16. Tyupa V.I. *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa ("Arkhieri" A.P. Chekhova)* [Narratology as an analysis of narrative discourse ("Bishop" by A. P. Chekhov)]. Tver, TVGU Publ., 2001. 58 p. (In Russ.).
17. Schmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003. 312 p. (In Russ.).

ФУНКЦИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РОМАНЕ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА» И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

А. В. Уржа

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

В фокусе исследования — лексические и синтаксические средства выражения неопределенности в русских переводах романа «Приключения Тома Сойера», проанализированные на фоне оригинала. Составляя специфическую группу эгоцентриков, показатели неопределенности реализуют в романе функции, способствующие субъективизации нарратива. Результаты изучения переводов подтверждают гипотезу Е. В. Падучевой о специфике реализации неопределенности как семантической доминанты русской языковой картины мира.

Ключевые слова: эгоцентрики, неопределенность, перевод, Марк Твен.

Введение

Ракурсы изучения языковых средств, реализующих значение неопределенности, в лингвистике неоднократно менялись. Формальный подход, постулирующий наличие или отсутствие грамматических средств выражения категории определенности/неопределенности в том или ином языке на определенном этапе развития (см. [1]), дополнился семантическими исследованиями, позволившими сопоставить репертуары не только морфологических, но также лексических и синтаксических средств выражения неопределенности ([7; 16; 20] и мн. др.), внимание к прагматическим функциям соответствующих элементов способствовало их изучению в контексте теории речевых актов, дискурсивного анализа ([6; 15; 19] и др.). В рамках нарратологии и стилистики показатели неопределенности также вызывают повышенный интерес: их роль в организации конкретных художественных текстов, реализации идиостиля писателей описана в значительном количестве научных работ ([3]; [8] и мн. др.).

Особого внимания заслуживают труды, рассматривающие те или иные показатели неопределенности в рамках сферы эгоцентрических средств языка, или способов выражения модуса. Так, Е. В. Падучева причисляет к эгоцентрикам неопределенные местоимения и наречия, а также слабоопределенные местоимения [13. С. 261, 282; 14. С. 17, 371], Н. К. Ониненко рассматривает субъектные кванторные «эгоцентрические нули» в неопределенно-личных конструкциях [11. С. 113—114], Е. Н. Никитина изучает использование соответствующих типов предложений как средств реализации эгоцентрической техники [9].

Действительно, все средства выражения значения неопределенности задействованы в конструировании текстовой субъективности: они указывают на огра-

ниченность познавательных или интерпретационных возможностей субъекта модуса (персонажа, чья точка зрения представлена в тексте, нарратора или читателя, чьей информированностью автор текста управляет).

Опыты сопоставительного изучения русскоязычных текстов и их переводов на западноевропейские языки побудили ученых сформулировать некоторые предположения о специфике роли категории неопределенности в русской языковой картине мира и об особенностях функционирования соответствующих показателей (подробнее см. ниже). Эти предположения стимулируют продолжение исследований на расширенном материале, в новых ракурсах.

На данный момент проведено значительное количество сравнительных исследований репертуаров средств выражения значения неопределенности как в разноструктурных, так и в родственных языках ([2], [5] и др.), однако работы по сопоставительному изучению функционирования показателей неопределенности в параллельных корпусах текстов [10] только начинают появляться. Именно это направление изучения неопределенных эгоцентриков востребовано, так как оно может помочь выявить и систематизировать не только грамматические и семантические, но и прагматические факторы введения в текст этих элементов.

Материалом нашего сопоставительного исследования¹ стали шесть русских переводов романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера», созданные на протяжении столетия (с конца XIX по начало XXI в.). Это переводы С. Воскресенской

¹ Подробные данные о русских переводах романа «Приключения Тома Сойера» опубликованы на исследовательском сайте А. В. Уржи (http://urzha.ru/?page_id=1649). В статье привлечены материалы шести оцифрованных русских переводов романа, формат которых позволяет провести не только лингвостилистический, но и количественный анализ.

(1896), М. Энгельгардта (1911), К. Чуковского (1935, ред. в 1958), Н. Дарузес (1948), С. Ильина (2011) и А. Климова (2012). Сопоставление русскоязычных версий текста между собой относительно оригинала позволяет учесть и факторы расхождения двух языковых систем, и индивидуальные переводческие стратегии воссоздания семантики и прагматики первоисточника.

В работе использован метод сопоставительного функционально-семантического исследования англоязычного текста и его переводов, при котором материал рассматривается в ракурсе интерпретации смыслов, заложенных автором текста, и функций, реализуемых задействованными им языковыми средствами. Имеющийся набор русскоязычных версий романа позволяет изучить интерпретацию показателей неопределенности при помощи методик как лингвостилистического, так и количественного анализа. Цель исследования — охарактеризовать специфику интерпретации показателей неопределенности в русских переводах романа о Томе на фоне оригинала в контексте функций, реализуемых ими в нарративе.

**Актуальные вопросы
сопоставительного изучения
показателей неопределенности
в оригинальных и переводных текстах**

В статье «Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира» Е. В. Падучева отмечает и подкрепляет многочисленными примерами специфическую закономерность: «Разные переводчики сходятся в том, что, как правило, оставляют показатели неопределенности, в избытке присутствующие в русском тексте, без перевода» [12. С. 10]. Автор статьи объясняет такие факты «особой настроенностью» русского языка «на эту семантическую сферу» и выдвигает гипотезу: «Если неопределенность составляет семантическую доминанту русской языковой картины мира, естественно ожидать, что показатели неопределенности будут иметь в русском тексте относительно малый удельный вес; в частности, при переводе будут иметь тенденцию опускаться» [Там же].

Мы же, разбирая приведенные Е. В. Падучевой фрагменты текстов Н. В. Гоголя и А. П. Чехова, при переводе которых на французский язык неопределенные местоимения были опущены, отметим их особенность: собственно неполнота знания персонажа в этих фрагментах отходит на второй план, важнее же всего оказывается субъективизация повествования, на создание которой «работают» и неопределенные эгоцентрики в купе с другими языковыми средствами:

И хотелось *почему-то* плакать. ...И *почему-то* казалось, что так теперь будет всю жизнь, без перемены, без конца! [Et l'on avait envie de pleurer. ...Et Nadia avait l'impression obscure que toute sa vie serait ainsi, sans changement, sans fin] (А. П. Чехов). Начальники поступали с ним *как-то* холодно-деспотически [Ses supérieurs le traitaient avec une froideur despotique] (Н. В. Гоголь).

В целом ряде примеров, разобранных Е. В. Падучевой, показатель неопределенности при переводе исчезает (как в первом приведенном примере, где наблюдается овнешнение точки зрения во французской версии), в некоторых же случаях его значение частично передается при помощи артикля (как во втором примере), однако такое регулярное грамматическое средство, как артикль, не обладает эквивалентной лексическому элементу интенсивностью выражения прагматического «заряда» показателя неопределенности.

Эти наблюдения могут быть сопоставлены с результатами исследования В. А. Нуриева, проведенного на материале данных параллельного русско-французского подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Помимо тех случаев, когда «признак неопределенности либо получает переводную реализацию в качестве отдельной лексемы, в которой закреплено соответствующее значение», зафиксировано значительное количество контекстов, где он, «снижая интенсификацию и “расщепляясь”, грамматикализуется при помощи артикля» [10. С. 16].

Выбранный нами материал позволяет рассмотреть языковые и смысловые трансформации в обратном направлении — при переводе на русский язык. Наличие конкурирующих переводческих версий поможет отметить степень регулярности тех или иных преобразований, сопряженных с использованием показателей неопределенности.

**Интерпретация показателей неопределенности
в русских переводах романа:
основные закономерности**

Значительная часть романа «Приключения Тома Сойера» представляет собой третьеличное *субъективированное повествование* (диалоги мы в данном анализе не привлекаем): точка зрения нарратора сближается с позицией различных персонажей: Тома, Гека, тети Полли, Бекки, учителя воскресной школы, формируя фрагменты текста с внутренней фокализацией [21; 22]. Именно в этих зонах романа аккумулируются эгоцентрики разных типов [17], и среди них — средства выражения семантики

неопределенности. Конкретные функции показателей неопределенности в романе различны. Такие элементы могут:

— демонстрировать ограничение точки зрения персонажа (а порой повествователя или читателя), указывая на неполноту его знания о ситуации («Локоть его упирался во *что-то* твердое»);

— акцентировать невозможность дать более точную номинацию или характеристику чему-либо («В поцелуе тети Полли было *что-то* такое, отчего уныние Тома сразу развеялось»);

— свидетельствовать о дефокусировании: неопределенность сведений об участнике или событии обусловлена его неважностью для говорящего или мыслящего субъекта («Отставной художник сидел рядом в холодке на *каком-то* бочонке»).

Для нашего исследования существенно, что все эти функции имеют общую составляющую — они подчеркивают *субъективность* точки зрения в соответствующих фрагментах повествования.

В оригинальном тексте разнообразные лексические показатели неопределенности используются вкуче с грамматическими (артиклями). Среди лексических показателей — не только слова с элементами *some* и *any* в соответствующем значении, но и разнообразные сочетания: *a touch of, a bit of, a sort of, a kind of, a stretch of* и подобные, подчеркивающие приблизительность и субъективность характеристики или номинации. Интересно, что подобные элементы активнее используются в определенных фрагментах текста — в первую очередь, в тех частях повествования, где, по замыслу автора, нарастает *саспенс* (ночь на кладбище, сцена в заброшенном доме, поиски выхода из пещеры и т. д.). В целом переводчики внимательно и корректно интерпретируют подобные смыслы при помощи широкого спектра русских лексических средств (в первую очередь неопределенных и слабоопределенных местоимений и наречий), а также конструкций с неопределенно-личным и неопределенно-предметным субъектом [4. С. 115—118].

Однако, помимо многочисленных случаев адекватной передачи всеми русскими переводчиками романа о Томе значения неопределенности в контексте незнания, неточности номинации или дефокусирования, мы обнаруживаем ряд ситуаций, в которых переводчики *добавляют показатели неопределенности* в тех контекстах, где такое значение в оригинале не было акцентировано при помощи лексических средств. Таким образом, анализируя переводы на русский язык, мы сталкиваемся

с явлением, «зеркально» соответствующим тому, которое было выявлено Е. В. Падучевой в переводах с русского языка, и можно предполагать, что перед нами — два следствия одной и той же закономерности. Рассмотрим это явление подробнее.

1. *Спорадические «вставки» показателей неопределенности* возникают в контекстах, где *субъективизация повествования повышена* (точка зрения повествователя сближается с позицией персонажа). Статистические сопоставительные подсчеты лексических показателей неопределенности в переводах по сравнению с оригиналом не могут быть информативными, поскольку в английском языке их использование поддерживается артиклями, отсутствующими в русском. Однако, сравнивая русские переводы между собой, нетрудно заметить, что количество показателей неопределенности в них может различаться (действуют различные переводческие стратегии). Следовательно, для изучения природы подобных «вставок» в переводе нам нужно в первую очередь обратиться к сопоставительному анализу текстов.

<p>A whole hour drifted by, the master sat nodding in his throne, the air was drowsy with the hum of study.</p>	<p>Прошел целый час, учитель дремал, сидя на своем троне, в воздухе стояло усыпляющее гуденье (пер. С. Воскресенской).</p> <p>Прошел целый час. Учитель сидел на троне и клевал носом. От гуденья школьников, зубривших уроки, самый воздух стал какой-то сонный (пер. К. Чуковского).</p>
---	--

Все переводы, так же как и оригинал, представляют нам сцену из повествования в контексте восприятия главного героя. Слово *какой-то*, использованное К. Чуковским, не добавляет в это описание существенного смысла, оно оттеняет субъективность метафоры, возникающей в ощущениях (даже не в сознании) Тома, изнывающего от скуки на уроке.

<p>And then it was discomfoting to see Huck eyeing Joe's preparations so wistfully, and keeping up such an ominous silence.</p>	<p>Смущало его и то, что Гек очень уж внимательно следил за приготовлениями Джо, храня зловещее молчание (пер. М. Энгельгардта).</p> <p>Еще более беспокоил его вид Гека, жадно следившего за сборами Джо. В молчании Гека Том чувствовал <i>что-то зловещее</i> (пер. К. Чуковского).</p>
---	--

Сравним последнюю фразу перевода К. Чуковского с вставкой в версии А. Климова: «Вдобавок и Гек пристально следил за сборами Джо, храня зловещее молчание. *Запахло мятежом*» (пер. А. Климова). Очередная коллизия романа дана нам сквозь призму восприятия главного героя, понимающего, что друзья вот-вот поссорятся с ним, и лихорадочно ищущего способ сохранить свое влияние, удержать ребят на острове. Если А. Климов «дописывает» ощущения Тома, то К. Чуковский стремится «погрузить» в них читателя, не отступая значительно от оригинала, и неопределенный эгоцентризм служит ему для этих целей.

Сопоставление переводческих версий показывает, что появление дополнительного показателя неопределенности может быть сопряжено с акцентированием внутренней фокализации фрагмента повествования.

2. В тех случаях, когда герой сильно испуган или заинтригован, увеличение субъективизации при помощи показателей неопределенности наблюдается в большем количестве переводов. В примерах ниже жирным курсивом выделены показатели неопределенности, светлым курсивом — все остальные эгоцентрики.

So he lay still, and stared up into the dark. Everything was *dismally* still. By and by, out of the stillness, little, scarcely *perceptible* noises began to emphasize themselves. The ticking of the clock began to bring itself into *notice*. Old beams began to crack mysteriously. The stairs creaked faintly. *Evidently* spirits were abroad.

И онъ лежалъ смирно, вперивъ глаза въ темноту. Всюду господствовала томительная тишина. *Слышалось* тиканье часовъ; старыя балки покрякивали тихонько, на лѣстницѣ **что-то** скрипнуло. *Ясно было*, что духи разгуливаются (пер. С. Воскресенской). ...Царила **какая-то** зловещая тишина. Мало-помалу в тишине стали *выделяться* едва уловимые звуки. Тиканье часов сделалось явственно *слышимым*. Старые балки начинали таинственно покрякивать. Ступеньки на лестнице слабо закрипели. *Очевидно*, духи пустились в свои похождения (пер. М. Энгельгардта). ...*Вокруг* царила гнетущая тишина, но постепенно из этой тишины начали *выделяться* **какие-то** незначительные, порой едва различимые звуки. *Внизу* тикали часы. Старые балки на чердаке таинственно потрескивали. Поскрипывала лестница, — *должно быть*, по ее ступеням бродили духи (пер. А. Климова).

Весь приведенный фрагмент повествования окрашен эгоцентрическими смыслами: слова, указывающие на процесс восприятия (*perceptible, notice*), соседствуют с лексикой, называющей перцептивные признаки происходящего (*noises, ticking, crack, crick*), с их эмоциональной интерпретацией (*dismally, mysteriously*), а также с показателем персуазивности (*evidently*), маркирующим границу перехода от слуховых впечатлений к фантастическому их объяснению. Бессобытийный в сюжетном плане эпизод наполняется динамикой благодаря насыщенному плану модуса, саспенс возникает практически «из ничего». Показатели неопределенности акцентируют субъективность восприятия происходящего (отметим, что в переводе А. Климова добавляются также дейктики — *вокруг* и *внизу*), оттеняя напряжение отрывка смыслами ограниченности восприятия и неполноты знания. Марк Твен уделяет немало внимания в повествовании и особенностям детского видения мира, и суевериям, распространенным, как он пишет во вступлении к роману, «среди детей и рабов в эпоху, к которой относится рассказ». Поэтому нарратив не лишен и мистической составляющей, характеризующей мир в рамках точки зрения определенных героев: Тома, Гека, Джо Гарпера, тети Полли.

В ряде случаев к лексическим средствам в русских переводах подключаются синтаксические:

The next day he hung about the courtroom, drawn by an *almost irresistible impulse* to go in, but forcing himself to stay out. Huck was having the same experience. They studiously avoided each other. Each wandered away, from time to time, but the same *dismal fascination* always brought them back presently.

На следующий день он с утра вертелся возле здания суда; его неудержимо **тянуло** войти внутрь, и только отчаянным усилием воли он сумел удержать себя от этого. Гек тоже был здесь, и ему *хотелось* того же. Они избегали смотреть друг на друга, и то один, то другой пытались уйти подальше от этого страшного места, но **какая-то непреодолимая сила** возвращала их обратно (пер. А. Климова). ...**Какая-то** непреодолимая сила влекла его внутрь, но он принуждал себя остаться на улице. То же самое испытывал и Гек. Они старательно избегали друг друга. Время от времени и тот и другой уходили **куда-нибудь** подальше, но те же *зловещие чары* снова тянули их к прежнему месту (пер. К. Чуковского).

При обозначении (см. светлый курсив) таинственных сил, действующих на мальчиков (в их воображении), переводчики добавляют неопределенные местоимения (причем в различных местах фрагмента), а в вариантах А. Климова (а также Н. Дарузес и С. Ильина) использованы синтаксические конструкции с неопределенным каузатором (*Ego тянуло войти внутрь*), подчеркивающие неконтролируемость состояния героев [4. С. 124] и поддерживаемые предикатом *хотелось* со значением инволютивности. Нельзя не отметить, что именно слова *тайна* и *таинственный* наиболее часто сопровождаются неопределенными местоимениями в русских переводах, не привнося новых смыслов, а выделяя представленную точку зрения персонажей: «В таверне похуже номер второй был *какой-то* таинственный» (пер. К. Чуковского); «...номер второй представлял *что-то* таинственное» (пер. С. Воскресенской); «Всякого, кто стоял здесь в сумраке, охватывали чувства самые романтические, ощущение *некой* тайны» (пер. С. Ильина).

3. Другой типичный контекст для вставки неопределенных эгоцентриков — это *описание, акцентирующее субъективное зрительное или слуховое восприятие* ситуации. В таких фрагментах слова со значением неопределенности указывают на ограничение точки зрения персонажа (он может интерпретировать только то, что доступно его восприятию), их функционирование поддерживается лексикой с перцептивной семантикой и дейктическими показателями: «Вскоре Том нашел подземное озеро, которое, тускло поблескивая, уходило *куда-то* вдаль, так что его очертания терялись

во мгле» (пер. Н. Дарузес); «[он] хотел было вернуться, но вдруг увидел вдали *какой-то* проблеск, вроде как бы дневной свет» (пер. К. Чуковского); «товарищ Индейца Джо... вытащил оттуда мешок, в котором *что-то* приятно зазвенело» (пер. К. Чуковского). Важно подчеркнуть: во всех обнаруженных случаях вставка неопределенного эгоцентрика отнюдь не является вынужденной мерой и некоторые переводы обходятся без нее, например:

He soon Вскорѣ ножъ уда-
 struck wood рился о дерево, рился о *что-то*
 that sounded и по стуку слыш- деревянное, пус-
 hollow. но было, что там тое, судя по зву-
 пустота (пер. ку (пер. С. Воск-
 Н. Дарузес). ресенской).

Можно выделить варианты С. Воскресенской, К. Чуковского и Н. Дарузес (см. таблицу ниже) как более активно использующие форманты *-то*, *-нибудь* и в целом неопределенные местоимения и наречия¹.

¹ Неоцифрованные ранние переводы романа демонстрируют в аналогичные тенденции в использовании показателей неопределенности. Переводчики передают оригинальные смыслы и иногда дополнительно вводят неопределенные местоимения, акцентируя субъективизацию повествования, например: *a new boy* — новый мальчик, встреченный Томом, в анонимном переводе 1918 г. назван «каким-то мальчиком», в анонимном переводе 1907 г. «каким-то совершенно незнакомым ему мальчиком», а его яркий галстук, вызвавший зависть героя, сделан из «какой-то пестрой ленты». Точные же подсчеты по этим материалам затруднены.

Использование неопределенных местоимений и наречий в русских переводах романа

	Воскресенская 1896	Энгельгардт 1911	Чуковский 1935—1958	Дарузес 1948	Ильин 2011	Климов 2012
-то	114	78	97	93	85	84
-либо	11	13	3	0	10	5
-нибудь	76	54	60	87	29	51
кое-	6	12	10	11	9	12
Некто	0	0	0	0	1	0
Нечто	5	5	4	1	12	3
Некий (во всех формах)	0	0	1	0	17	1
Один (слабо-опред.) (во всех формах)	27	18	30	23	23	23
Некоторый (во всех формах)	12	6	4	8	4	10
Иные (слабо-опред.)	1	1	2	0	0	1
Всего	252	187	211	223	190	191

Интересно, что диахронических различий в использовании неопределенных местоимений у переводчиков зарегистрировано не было, распределение слов с книжной и нейтральной окраской, скорее, обусловлено индивидуальной стилистической манерой каждого интерпретатора (в оригинале все лексические показатели неопределенности имеют нейтральную стилистическую окраску).

Лидером по вставкам неопределенных эгоцентриков является С. Воскресенская, однако и К. Чуковский, и Н. Дарузес также нередко используют этот прием акцентирования субъективизации повествования. Если С. Воскресенская и К. Чуковский, как показывают примеры выше, чаще вводят так называемые собственно неопределенные местоимения с формантом *-то* [12. С. 6], то Н. Дарузес активнее задействует нереферентные местоимения с компонентом *-нибудь*, усиливая с их помощью эмоциональную напряженность некоторых фрагментов в рамках несобственно-прямой речи или субъективированного повествования, ср.:

No — better still, he would join the Indians, and hunt buffaloes and go on the warpath in the mountain ranges and the trackless great plains of the Far West, and away in the future come back a great chief, bristling with feathers, hideous with Sunday-school, *some* drowsy summer morning, with a blood-curdling war-whoop...

Нет, еще лучше, он уйдет к индейцам, будет охотиться на буйволов, вступит на военную тропу, *где-нибудь* там, в горах или в девственных прериях Дальнего Запада, и *когда-нибудь* в будущем вернется великим вождем, весь утыканный орлиными перьями, страшно размазанный, и в *какое-нибудь* мирное летнее утро ворвется в воскресную школу с диким военным кличем... (пер. Н. Дарузес).

4. Слабоопределенные местоимения, чаще используемые при *дефокусировании*, а не при создании саспенса, обнаруживаются в переводах приблизительно в одном и том же количестве, однако у переводчиков есть свои предпочтения: так, С. Ильин активно использует слово *некий* (во всех формах), К. Чуковский и С. Воскресенская — слово *один*, А. Климов и С. Воскресенская — слово *некоторый*.

Нельзя не отметить, что и дефокусирование в нарративе по природе своей субъективно. Ярким примером тому может служить фрагмент размышлений Тома о Бекки в момент их ссоры: «Том решил, что может теперь обойтись и без Бекки

Тэтчер. Довольно с него и славы. Ради нее и будет он жить отныне. Теперь, когда он стал такой знаменитостью, Бекки, наверное, захочет с ним помириться. Что же, пусть попробует — увидит, что и он может быть таким же холодным, как *некоторые другие*» (пер. С. Ильина). Данный пассаж несобственно-прямой речи и в оригинале, и во всех переводах избобилует эгоцентриками: дейктическими элементами, оценочной лексикой, показателями персуазивности и эмоционально-экспрессивными конструкциями. Отметим в нем специфическое, но вполне естественное для контекста с внутренней фокализацией использование местоимения *некоторые* (в оригинале — *some other people*) с определенной референцией (речь идет именно о Бекки) и «отчуждающей», оценочной прагматикой (вспоминается Татьяна в восприятии Онегина: «его не видят, с ним ни слова» [9. С. 52; 18. С. 26]).

Подобные приемы воспроизводятся всеми переводчиками, однако нами зарегистрированы и случаи добавления неопределенных и слабоопределенных местоимений в контексте дефокусирования. Они встречаются в переводах С. Воскресенской и К. Чуковского, например: «Не будь этого, Инджэнь Джо не заподозрил бы ничего. Онъ не воротился бы за своим золотомъ и серебромъ, пока не “отмстил” бы *тамъ кому-то*, а когда явился бы за сокровищемъ, то уже и не нашель бы его» (пер. С. Воскресенской); ср.: *till his “revenge” was satisfied* — «когда ему удастся осуществить свою “мечь”» (пер. М. Энгельгардта). «В это время она как раз прошла мимо, и он оказал ей *какую-то* колкость» (пер. К. Чуковского); ср.: *He... delivered a stinging remark as he passed* — «он... послал ей вслед язвительное замечание» (пер. А. Климова). Не изменяя кардинально семантику фрагментов нарратива, эти средства оттеняют распределение важной и неважной для носителя точки зрения информации: в первом случае Том и Гек думают о деньгах индейца Джо, которые чуть было им не достались, они пока еще не осознали, что объектом мести мести могут оказаться они сами; во втором примере для разозлившегося Тома важно «уколоть» Бекки, отвергнувшей примирение, при этом слова, пущенные в ход, несущественны, они даже не названы.

Таким образом, добавление переводчиками показателей неопределенности в контексте реализации всех отмеченных нами функций обусловлено целым рядом факторов: это и, по выражению Е. В. Падучевой, «особая настроенность» русского языка «на эту семантическую сферу», сформированная в отсутствие регулярных и менее интенсивных грамматических

средств выражения соответствующего значения, и смысловая и прагматическая специфика оригинала, где одним из ключевых механизмов, формирующих нарратив, становится субъективизация, и индивидуальные переводческие стратегии, в большей или меньшей степени акцентирующие авторские приемы при помощи средств русского языка.

Заключение

Результаты анализа русских переводов романа «Приключения Тома Сойера» позволяют сделать вывод, что показатели неопределенности периодически добавляются переводчиками в изначально субъективированные фрагменты нарратива, наполненные перцептивной и авторизирующей лексикой, дейктиками, словами, выражающими эмоции и оценки героя, а также персуазивные смыслы, — то есть эгоцентриками. Не меняя смысла предложения, они оттеняют выбранный в рамках определенной точки зрения ракурс отображения ситуации и дополнительно приближают читателя к сознанию фокального персонажа. Это происходит при реализации всех выявленных нами функций показателей неопределенности в романе: при указании на неполноту знания субъекта о ситуации, при акцентировании невозможности дать чему-либо точную номинацию или характеристику, а также при дефокусировании.

Добавляя показатели неопределенности, переводчики действуют в рамках выбранной ими стратегии, основанной на индивидуальной интерпретации оригинала, — они в большей или меньшей степени дополнительно подчеркивают созданную автором внутреннюю фокализацию в соответствующих фрагментах романа. В субъективированном третьеличном повествовании на русском языке эта роль неопределенных эгоцентриков оказывается особенно важной. Русский язык не просто подчеркивает неопределенность — он активно маркирует субъективность. В этом, на наш взгляд, и заключается одно из возможных объяснений отмеченной Е. В. Падучевой и подтверждаемой исследованным нами материалом неадекватности соотношения русскоязычных нарративов (оригинальных и переводных) и их коррелятов на западноевропейских языках в плане насыщенности лексическими показателями неопределенности: в фокализованном повествовании на русском языке допустимо большее количество подобных лексических маркеров, подчеркивающих субъективность, чем в соответствующем иноязычном тексте, где задействована система артиклей — более регулярных, но менее интенсивных средств ее выражения, и где языковая картина мира располагает другим набором семантических доминант.

Список литературы

1. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. — Л., 1979. — 259 с.
2. Бондарева, Т. Э. Диахрония категории определенности/неопределенности: на материале русского языка и языков разных систем : дис. ... канд. филол. наук / Т. Э. Бондарева. — Ростов на/Д, 2011. — 175 с.
3. Зборовец, И. В. Неопределенные местоимения как примета стиля Н. Г. Гарина-Михайловского / И. В. Зборовец // Филол. науки. — 1984. — № 5. — С. 69—71.
4. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. — М., 1998. — 528 с.
5. Керо-Хервилья, Э. Ф. Сопоставительное изучение неопределенных местоимений-прилагательных в русском и испанском языках в рамках референциального подхода / Э. Ф. Керо-Хервилья // Вестн. ЦМО МГУ. — 2001. — № 2. — С. 179—195.
6. Кобозева, И. М. Опыт прагматического анализа -то и -нибудь местоимений / И. М. Кобозева // Изв. АН СССР. — 1981. — Т. 40, № 2. — С. 65—172.
7. Кузьмина, С. М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений / С. М. Кузьмина // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. — М. : Наука, 1989. — С. 158—231.
8. Лишаев, С. А. А. П. Чехов: стилистика неопределенности / С. А. Лишаев // Mikstura verborum'99: онтология, эстетика, культура : сб. ст. / под общ. ред. С. А. Лишаева. — Самара, 2000. — С. 144—155.
9. Никитина, Е. Н. Другие в синтаксической конструкции, в образной системе и в развитии сюжета / Е. Н. Никитина // Gramatyka a tekst. T. 4. — Katowice, 2014. — С. 45—61.

10. Нуриев, В. А. Исследование категории неопределенности в русском языке на материале корпусных данных / В. А. Нуриев // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Гуманитар. науки. — 2015. — № 24, вып. 28. — С. 14—18.
11. Онипенко, Н. К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических средств / Н. К. Онипенко // Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации. — СПб., 2013. — С. 92—121.
12. Падучева, Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира [Электронный ресурс] / Е. В. Падучева, 1996. — URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/dominanta1_1996.pdf (дата обращения 02.02.2020).
13. Падучева, Е. В. Семантические исследования / Е. В. Падучева. — М., 1996. — 464 с.
14. Падучева, Е. В. Эгоцентрические единицы языка / Е. В. Падучева. — М., 2019. — 440 с.
15. Сеничкина, Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке / Е. П. Сеничкина. — М., 2002. — 307 с.
16. Смирнов, Ю. Б. Семантика и функционирование местоименных слов со значением неопределенности в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Ю. Б. Смирнов. — Л., 1985. — 218 с.
17. Уржа, А. В. Классификация эгоцентрических средств языка сквозь призму анализа переводного нарратива. Функциональное взаимодействие эгоцентриков / А. В. Уржа // Филология и человек. — 2019. — № 4. — С. 43—58.
18. Уржа, А. В. Неопределенно-личные предложения в русских переводных нарративах (конец XIX — XX в.): модусная семантика, прагматика / А. В. Уржа // Мир рус. слова. — 2019. — № 2. — С. 24—31.
19. Хон Чжун Хюн. Текстовые функции неопределенных местоимений в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Хон Чжун Хюн. — М., 1998. — 183 с.
20. Шелякин, М. А. О семантике употребления неопределенных местоимений в русском языке / М. А. Шелякин // Семантика номинации и семантика устной речи. Ученые записки. Вып. 442. — Тарту, 1978. — С. 61—68.
21. Genette, G. Figures III / G. Genette. — Paris, 1972. — 286 p.
22. Sewell, D. R. Mark Twain's Languages: Discourse, Dialogue, and Linguistic Variety / D. R. Sewell. — California, 1987. — 188 p.

Сведения об авторе

Уржа Анастасия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. English2@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 113—122.*

FUNCTIONS OF THE MARKERS OF UNCERTAINTY IN THE NOVEL “THE ADVENTURES OF TOM SAWYER” AND ITS RUSSIAN TRANSLATIONS

A.V. Urzha

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. English2@yandex.ru

The article is focused on the lexical and syntactic means of expressing uncertainty in Russian translations of the novel “The Adventures of Tom Sawyer” by Mark Twain, compared to the original and to each other. The markers of uncertainty realize three main functions in the novel: they may point to the limits of the heroes’ knowledge of the situation (or, possibly, narrator’s and reader’s); they may highlight the impossibility of giving precise nomination or description to something; or they realize a defocusing strategy (when the insufficiency of information about a person or an event is caused by its non-importance for the speaker’s aims). All these functions have one thing in common — they foreground the subjectivity of the narrative. The article presents the results of the study of these functions and their interpretation in Russian translations of the book by Mark Twain. These results prove the hypothesis of E.V. Paducheva concerning the uncertainty as a semantic dominant of Russian language.

Keywords: *egocentric words, indefiniteness, translation, Mark Twain.*

References

1. Arakin V.D. *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of the English and the Russian language]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1979. 259 p. (In Russ.).
2. Bondareva T.E. *Diakhroniya kategorii opredelennosti/neopredelennosti: na materiale russkogo yazyka i yazykov raznykh sistem* [Diachronic study of the category of definiteness/indefiniteness on the material of the Russian language and the languages of different systems. Thesis]. Rostov-on-Don, 2011. (In Russ.).
3. Zborovets I.V. Neopredelennye mestoimeniya kak primeta stilya N.G. Garina-Mikhaylovskogo [Indefinite pronouns as the component of style of N. G. Garin-Mikhaylovskiy]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 1984, no. 5, pp. 69-71. (In Russ.).
4. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Iu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo iazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1998. 528 p. (In Russ.).
5. Kero-Khervil'ya E.F. Sopostavitel'noe izuchenie neopredelennykh mestoimennykh-prilagatel'nykh v russkom i ispanskoy yazykakh v ramkakh referentsial'nogo podkhoda [Comparative study of the indefinite pronouns-adjectives in the Russian and the Spanish languages based on the referential approach]. *Vestnik TsMO MGU* [Bulletin of the Centre of Methodology and Education of Lomonosov Moscow St. Univ.], 2001, no. 2, pp. 179-195. (In Russ.).
6. Kobozeva I.M. Opyt pragmaticheskogo analiza -to i -nibud' mestoimennykh [Pragmatic analysis of the pronouns including -to and -nibud']. *Izvestiya AN SSSR* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 1981, vol. 40, no. 2, pp. 65-172. (In Russ.).
7. Kuz'mina S.M. Semantika i stilistika neopredelennykh mestoimennykh [Semantics and stylistics of the indefinite pronouns]. *Grammaticheskie issledovaniya. Funktsional'no-stilisticheskiy aspekt. Supersegmentnaya fonetika. Morfologicheskaya semantika* [Grammar studies. Functional and stylistic aspect. Suprasegmental phonetics. Morphological semantics]. Moscow, 1989. Pp. 158-231. (In Russ.).
8. Lishaev S.A. A.P. Chekhov: Stilistika neopredelennosti [Stylistics of uncertainty]. Lishaev S.A. (ed.). *Mikstura verborum'99: ontologiya, estetika, kul'tura* [Mikstura verborum'99: ontology, esthetics, culture]. Samara, 2000. Pp. 144-155. (In Russ.).
9. Nikitina E.N. Drugie v sintaksicheskoi konstruktsii, v obraznoi sisteme i v razvitiu siuzheta [Others in syntax constructions, in the system of images and in the development of the plot]. Fontanski H., Lubocha-Kruglik J. (eds.). *Grammatika a tekst* [Grammar in a text]. Vol. 4. Katowice, 2014. Pp. 45-61. (In Russ.).
10. Nuriev V.A. Issledovanie kategorii neopredelennosti v russkom yazyke na materiale korpusnykh dannykh [Corpus-based study of the category of uncertainty in the Russian language]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Scientific bulletin. The Humanities], 2015, no. 24, iss. 28, pp. 14-18. (In Russ.).
11. Onipenko N.K. Model' sub'ektnoi perspektivy i problema klassifikatsii egotsentricheskikh sredstv [The model of subject perspective and the problem of classifying the egocentric means]. Bondarko A.V., Kazakovskaya V.V. (eds.). *Problemy funktsional'noi grammatiki. Printsip estestvennoi klassifikatsii* [Issues of functional grammar. The principle of natural classification]. St. Petersburg, 2013. Pp. 92-121. (In Russ.).
12. Paducheva E.V. *Neopredelennost' kak semanticheskaya dominanta russkoy yazykovoy kartiny mira* [Uncertainty as the semantic dominant of Russian language model of the world], 1996. Available at: URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/dominanta1_1996.pdf, accessed 02.02.2020. (In Russ.).
13. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniia* [Semantic studies]. Moscow, Yazyki Russkoy Kul'tury Publ., 1996. 464 p. (In Russ.).
14. Paducheva E.V. *Egotsentricheskie edinitsy yazyka* [Egocentric Units in the Language]. Moscow, YASK Publ., 2019. 440 p. (In Russ.).
15. Senichkina E.P. *Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke* [Semantics of paralipsis and the means of its verbalization in the Russian language]. Moscow, Moscow St. Reg. Univ. Publ., 2002. 307 p. (In Russ.).
16. Smirnov Yu.B. *Semantika i funktsionirovanie mestoimennykh slov so znacheniem neopredelennosti v sovremennom russkom yazyke* [Semantics and functioning of the pronouns with the meaning of indefiniteness in modern Russian. Thesis]. Leningrad, 1985. (In Russ.).

17. Urzha A.V. Klassifikatsiya egotsentricheskikh sredstv yazyka skvoz' prizmu analiza perevodnogo narativa. Funktsional'noe vzaimodeystvie egotsentrikov [Classification of egocentric language units based on the analysis of translated narratives. Functional interaction of egocentrics]. *Filologiya i chelovek*. [Philology and the Man], 2019, no. 4, pp. 43-58. (In Russ.).

18. Urzha A.V. Neopredelenno-lichnye predlozheniya v russkikh perevodnykh narrativakh (konets XIX — XX v.): modusnaya semantika, pragmatika [Indefinite personal constructions in Russian translated narratives (the end of XIX — XX centuries): modal semantics, pragmatics]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 2019, no. 2, pp. 24-31. (In Russ.).

19. Khon Chzhun Khyun. *Tekstovye funktsii neopredelennykh mestoimeny v sovremennom russkom yazyke* [Text functions of the indefinite pronouns in modern Russian. Thesis]. Moscow, 1998. (In Russ.).

20. Shelyakin M.A. O semantike upotrebleniya neopredelennykh mestoimeny v russkom yazyke [About the semantics and the use of indefinite pronouns in the Russian language]. *Semantika nominatsii i semantika ustnoy rechi. Uchenye zapiski* [The semantics of nomination and the semantics of oral speech]. Iss. 442. Tartu, 1978. Pp. 61-68. (In Russ.).

21. Genette G. *Figures III*. Paris, Seuil, 1972. 286 p. (In French).

22. Sewell D.R. *Mark Twain's Languages: Discourse, Dialogue, and Linguistic Variety*. California, University of California Press, 1987. 188 p.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГРАФИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТЕКСТАХ А. С. ПУШКИНА

Чжао Цзяи

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Статья посвящена изучению графических заимствований (ГЗ) в текстах А. С. Пушкина. Рассматриваются обнаруженные в Корпусе текстов Пушкина ГЗ субстантивного типа, анализируются контексты их употребления и наличие/отсутствие их кириллических вариантов. Также рассматривается вопрос отношения Пушкина к иноязычным словам.

Ключевые слова: *графические заимствования, корпус текстов, язык Пушкина, адаптация заимствований.*

В настоящее время в русские тексты активно вставляется латиница, и лингвисты обсуждают это явление. Но стоит отметить, что оно имеет давнюю традицию. В русскоязычных текстах А. С. Пушкина часто встречаются «латиноалфавитные вставки» — отдельные слова, словосочетания, а также целые фразы [6. С. 324]. Эта традиция во многом отражает литературное двуязычие и позволяет определить степень влияния французского языка на языковые стандарты русского нормативного языка [1. С. 5]. В силу всего этого следовало бы ожидать, что в пушкинский период, когда современный вариант русского литературного языка еще находился в стадии становления, это явление было развито в еще большей степени, чем сейчас.

С целью проверки данного предположения мы провели исследование иноалфавитных вкраплений (далее — графические заимствования, ГЗ) в электронном Корпусе текстов Пушкина, созданном в лаборатории прикладной лингвистики филологического факультета МГУ на основе Полного академического собрания сочинений Пушкина¹. А. С. Пушкин прекрасно владел французским языком и писал свои тексты не только на русском, но и на французском языке, поэтому Корпус его текстов должен давать ответ на вопрос о его отношении к иноязычным вкраплениям в русском тексте, об их количестве и выполняемых ими функциях.

Работа проводилась следующим образом. В Корпусе в качестве ГЗ отмечены иноалфавитные слова и словосочетания, являющиеся элементами

русских предложений. Целые цитаты, предложения, а также прямая речь на иностранных языках и случаи ее перевода в косвенную речь в качестве ГЗ не рассматривались. На основе имеющейся в тексте разметки был получен конкорданс употреблений. В него вошли 132 единицы, исключая имена собственные. Полученные единицы далее анализировались нами по следующим параметрам: количество употреблений каждого ГЗ; наличие у ГЗ кириллического варианта (КВ) в Корпусе и количество его употреблений; входит или нет единица в современный русский литературный язык (СРЛЯ); дает ли Пушкин русское слово — соответствие ГЗ и какова его частотность в Корпусе; какие функции выполняет ГЗ в тексте.

Такой анализ интересен прежде всего в следующих отношениях. Во-первых, ГЗ может выступать как «первичная форма лексического заимствования» [См.: 7. С. 100], поэтому на его основе можно установить, являлась ли единица в пушкинский период неологизмом. Во-вторых, полученные данные позволяют уточнить представления об узусе, норме употребления ГЗ в пушкинский период и об отношении самого Пушкина и его издателей к использованию латиницы и иноязычных вкраплений в письмах и публикуемых текстах. Ниже изложены некоторые результаты анализа употреблений ГЗ в пушкинском Корпусе.

Анализ собранных нами ГЗ позволяет разделить их на две группы единиц: А) единицы, используемые и в СРЛЯ; Б) единицы, не вошедшие в СРЛЯ. Среди субстантивных единиц первого типа можно выделить несколько различных по объему семантических групп. Самую маленькую группу составляют три конкретно-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 19 т. М. : Воскресенье, 1994—1999.

предметных существительных: *бифштекс* (beaf-steaks — англ. (1)¹) // бифштекс (1)²), *ростбиф* (roast-beef — англ. (1) // нет КВ) и *портфель* (portefeuille — фр. (2) // нет КВ). Очевидно, КВ для этих слов еще не были выработаны и сами обозначаемые ими реалии были «иностранными» и достаточно новыми для русской жизни. Ср., например, отсутствие у Пушкина ГЗ для таких слов, как *панталоны*, *фрак*, *жилет*, обозначавших уже ставшие обычными предметы быта.

Более обширна группа ГЗ «наименования лиц». Самые частотные слова этого типа представлены национальными обращениями (гоноративами): *мадам* (madame — фр. (6) // мадам (4), мадама (3)), *месье* (monsieur — фр. (6) // мосье (5), мосьё (2)), *се(и)ньор* (signor — итал., исп. (4) // сеньор (1)), *се(и)ньора* (la signora — итал., исп. (1) // сеньора (4)).

Все такие ГЗ имеют кириллические варианты. Варианты слова *мадам* употребляются следующим образом: ГЗ встречается вместе с иностранной фамилией, написанной латиницей, КВ *мадам* имеет место в случае русской фамилии: «Дочери его в пансионе у *Madame Jarni*» [9. Т. 14. С. 13]. «...И *мадам* Миронов добрая была дама...» [Там же. Т. 8-1. С. 338]. В нарицательном значении «воспитательница-иностранка» встречаются все три варианта, но главным является изменяемый КВ *мадама*. Ср.:

- «Судьба Евгения хранила: Сперва *Madame* за ним ходила, Потом *Monsieur* ее сменил» [Там же. Т. 6. С. 6].
- «У дочери его была *мадам* англичанка...» [Там же. Т. 8. С. 108].
- «...как балованные утки при *мадаме*...» [Там же. Т. 8-1. С. 403].
- «Великолепный бель-этаж нанят *мадамой* для пансиона» [Там же. Т. 11. С. 246].

В СРЛЯ нарицательное значение и передающий его склоняемый вариант не сохранились.

В русских текстах Корпуса также встречаются сокращенные варианты гоноративов *m-de* (14), *m-me* и *m-le* (2), предшествующие ГЗ-фамилиям (*M-de Staal*; *M-me Cottin*; *M-le NN*, *Pojarsky*). Кириллические варианты сокращений не обнаружены.

Слово *месье*, как и его женское соответствие, имело ранее и нарицательные значения. У Пушкина оно встречается в значении, которое

¹ Цифра обозначает количество употреблений в Корпусе.

² После // даются кириллические варианты или указывается их отсутствие.

в «Историческом словаре галлицизмов русского языка» определяется так: «(3) воспитатель при ребенке в дворянской семье, обычно иностранец-француз» [3. С. 2891]. Ср.: «Сперва *Madame* за ним ходила, Потом *Monsieur* ее сменил... *Monsieur* прогнали со двора». [9. Т. 6. С. 6]. В остальных случаях ГЗ используется как гоноратив. Зависимость выбора варианта от того, как написана фамилия, нарушается лишь один раз: «...*monsieur* Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании...» [Там же. Т. 8-1. С. 306].

Гоноративы *си(е)ньора* и *си(е)ньор* употребляются у Пушкина следующим образом. ГЗ *la signora* встречено при итальянской ГЗ-фамилии «Говорят, *la signora* Cataiani брала по 25 рублей?» [Там же. С. 270]. КВ используется в *e*-варианте в «Каменном госте» как обращение к испанке: «Дон Гуан: *Сеньора?*» [9. Т. 7. С. 154]. Мужской гоноратив *signor* используется как обращение при передаче разговора русского с итальянцем: «Надеюсь, *Signor*, что вы сделаете дружеское вспоможение своему собрату»; «*Signor*, — отвечал он запинаясь» [Там же. Т. 8-1. С. 265]; «Вы ошибаетесь, *Signor*, — прервал его Чарский» [Там же. С. 266]. КВ *сеньор* используется как обращение при передаче речи персонажей-испанцев: «Ему хозяин держит стремя. *Сеньор!* Послушайте меня...» [9. Т. 3. С. 436].

В СРЛЯ допустимо двоякое написание — *синьор(a)/сеньор(a)*. Это объясняется различием между испанским (*сеньор*) и итальянским (*синьор*) вариантами обращений (см. Орфографический словарь: «*сеньор*, -а (феодал; обращение в Испании) *синьор*, -а (в Италии)» [8]). У Пушкина такое языковое распределение вариантов выдерживается.

Среди *характеризующих наименований лиц* в виде ГЗ в Корпусе встречаются следующие единицы, вошедшие в СРЛЯ: *джентльмен* (англ.), *каналья* (итал.), *кокетка* (фр.), *шельма* (нем.).

Первое слово имеет в Корпусе следующие варианты: *gentleman* (2), *gentlemen* (2) // *джентельмен* (1). Оно выступает в значении «хорошо воспитанный человек». Ср.: «посмотрите на англ.[лийского] лорда: он готов отвечать на учтивый вызов *gentleman* и стреляться на кухенрейтерских пистолетах или снять с себя фрак и боксовать на перекрестке с извозчиком» [9. Т. 11. С. 91]; «А живя в нужнике, поневоле привыкнешь к... и вонь его тебе не будет противна, даром что *gentleman*» [Там же. Т. 15. С. 159]; «Соболевский здесь *incognito* прячется от заимодавцев, как настоящий *gentlemen*, и скупает свои векселя» [Там же. С. 74].

КВ, используемый Пушкиным, адаптирован: слово изменяется и в отличие от СРЛЯ в нем используется вокализированный вариант корня, который позволяет устранить неудобное для русского языка сочетание согласных со срединным звучным (*нт#л'м*) [См.: 4. С. 84]: «Английский лорд равно не отказывается и от поединка на кухонных пистолетах с учтивым *джентельменом* и от кулачного боя с пьяным конюхом» [9. Т. 11. С. 168]. Этот же морфонологически более оправданный вариант используется и в производном слове *джентельменство* (2). Наличие такой адаптации и производных говорит о том, что это слово было уже освоенным в языке Пушкина. Однако оно обозначает английскую реалию, и использование ГЗ это подчеркивает.

Слово *каналья* (фр.) встречается в вариантах *canaille* (1) // *каналья* (5). КВ является основным. ГЗ можно объяснить следующим. Оно используется как иноязычный эквивалент слова *чернь*: «Генерал Шпар был назначен уже московским губернатором и хвалился, что они русскую чернь (*canaille*) не только из России, но со света плетью выгонят» [Там же. Т. 10. С. 99]. ГЗ передает сказанное генералом-иностранцем, то есть отсылает к иноязычному первоисточнику. Поэтому его можно считать псевдозаимствованием. Интересно, в СРЛЯ у слова *каналья* собирательное значение, передаваемое словом *чернь*, отсутствует. Следует отметить также, что кириллический вариант у Пушкина имеет аналогичное современному значение «негодяй, сволочь». Слово оформляется как изменяемое и имеет производное *канальский* (1), то есть является вполне освоенным. Ср.: «Он тотчас потребовал *каналью* француза...» [Там же. Т. 8-1. С. 280] и др.

Слово *кокетка* (фр.) также активно используется в Корпусе в кириллическом варианте и является для языка Пушкина хорошо освоенным. Оно встречается в КВ 18 раз и имеет целый ряд производных: *кокетственный* (1); *кокетничать* (23); *кокетство* (15); *кокетствовать* (1). ГЗ *coquette* использовано только один раз и при передаче французского, а не русского слова. Ср.: «*Coquette, prude*. Слово кокетка обрусело, но *prude* не переведено и не вошло еще в употребление» [Там же. Т. 11. С. 56]. В этом случае имеет место не собственно ГЗ, а передача французского слова. Пушкин характеризует его как уже «обрусевшее» и противопоставляет его слову *prude*. В корпусе нет КВ для слова *prude*, но Пушкин дает развернутое определение его значения и подбирает ближайший русский эквивалент (*женщина-недоτροга*), а также

использует негативно-оценочные производные: *прюдство* (1) и *прюдничать* (1). Очевидно, Пушкин пытался ввести это слово в русский язык, считая, что точный русский эквивалент подобрать нельзя, но в СРЛЯ оно так и не вошло. Возможная причина этого — иностранный фонетический облик корня.

Слово *шельма* (нем.) выступает в корпусе в двух вариантах: *Schelm* (1) // *шельма* (1). ГЗ оформлено как неизменяемое, но по мужскому роду: «О, этот Швабрин превеликий *Schelm*, и если попадетя ко мне в руки, то я велю его судить в 24 часа, и мы расстреляем его на парапете крепости!» [Там же. Т. 8-1. С. 343]. Фраза принадлежит персонажу-немеццу (генералу Андрею Карловичу Р.), в речь которого Пушкин намеренно вводит черты немецкого акцента и ошибки типа *мадам Мионов*. Здесь, очевидно, латиница используется для передачи перехода генерала на немецкий язык, то есть данное ГЗ является псевдозаимствованием. Единственный КВ оформлен как изменяемое слово на *-а* мужского рода: «...они свои сочинения посвящают не доброду и умному вельможе, а какому-нибудь *шельме* и вралю, подобному им» [Там же. Т. 11. С. 255].

К неогеночным именам лиц, вошедшим в СРЛЯ и имеющим в Корпусе написание латиницей, относятся следующие слова: *антрепренёр* (*entrepreneurs* — фр. (1) // нет КВ), *аспирант* (*aspirants* — фр. (1) // нет КВ), *блондинка* (*la blonde* — фр. (10) // *блондинка* (1)), *брюнетка* (*la brune* — фр. (1) // *брюнетка* (2)), *вассал* (*vassaux* — фр. (1) // *вассал* (21)), *денди* (*dandy* — англ. (4) // нет КВ), *компаньонка* (*demoiselles de compagnie* — фр. (1) // нет КВ), *конспиратор* (*conspirateurs* — фр. (1) // нет КВ), *курьер* (*coureurs* — фр. (1) // нет КВ), *мама* (*maman* — фр. (2) // *мама* (2)), *патер* (*pater* — лат. (2) // нет КВ), *примадонна* (*prima dona* — итал. (1) // нет КВ), *шпион* (*espions* — фр. (1) // КВ: *шпион* (32), см. также *шпионка* (1), *шпионство* (1)), *янки* (*yankee* — англ. (1) // нет КВ).

Использование этих ГЗ Пушкиным в большинстве случаев функционально оправданно. Они передают «экзотизмы» (*pater, yankee, dandy*); французскую речь героя (*maman*); понятия, не имеющие еще русского эквивалента (*conspirateur, prima dona, demoiselles de compagnie*). Ряд ГЗ, имеющих кириллический вариант, выполняют интертекстуальную функцию — они указывают на иностранный первоисточник темы или выражения либо поясняют, что было в переводимом иностранном тексте. Здесь также имеет место псевдозаимствование. Этим можно объяснить следующие случаи:

• «Впрочем, давнишний спор между *la brune et la blonde* еще не решен» [9. Т. 8-1. С. 37].

• «...по донесениям скороходов или шпионов (*coureurs ou espions*)...» [Там же. Т. 10. С. 271].

В последнем случае в скобках дается текст французского первоисточника, который переводится русскими словами «скороходы и шпионы». Особый интерес представляют употребления, где Пушкин рядом с ГЗ приводит русский переводной эквивалент. Помимо вышеописанного случая «скороходы и шпионы» сюда относятся следующие примеры:

• «Петр учредил Морскую академию для обучения гардемарин (*aspirants*) в описном доме Кикина, близ Адмиралтейства» [Там же. Т. 10. С. 185].

• «Критикою у нас большею частию занимают журналисты, то есть *entrepreneurs*, люди хорошо понимающие свое дело, но не только не критики но даже и не литераторы» [Там же. Т. 12. С. 80].

Русские соответствия дают представление о том значении, которое имели заимствованные слова в пушкинскую эпоху. Они также отражают работу Пушкина по подбору переводных эквивалентов.

Самой большой по количеству ГЗ группой являются существительные, относящиеся к сфере литературы, искусства, речевой деятельности. Сюда относятся: *аллюзия* (*allusions* — фр. (3) // нет КВ), *антраша* (*entrechat* — фр. (1) // нет КВ), *брошюра* (*brochure* — фр. (1) // брошюрка (1)), *бюллетень* (*bulletin* — фр. (1) // нет КВ), *водевиль* (*Val de Vire* — фр. (1) // водевиль (11)), *дискуссия* (*discussion* — фр. (1) // нет КВ), *драматургия* (*dramaturgie* — фр. (1) // драматургия (1)), *каламбур* (*calembour* — фр. (1), *calembourg* — нем. (1) // каламбур (9), калембур (1)), *либретто* (*libretto* — фр. (1) // нет КВ), *литература* (*littérature* — фр. (1) // литература (157)), *мистерия* (*mystère* — фр., (1) // мистерия (7)), *постскриптум* (*Post-scriptum* — лат. (1) // нет КВ), *пролог* (*prologue* — фр. (1) // нет КВ), *ревью* (*review* (1) // *Review* (6) — англ. // нет КВ), *резюме* (*Resumé* — фр. (1) // нет КВ), *реквием* (*Requiem* — нем. (3) // нет КВ), *рококо* (*rococo* — фр. (1) // нет КВ), *спич* (*speech* — англ. (1) // нет КВ), *театр* (*théâtre* — фр. (1) // театр (100), театрально (1), театральный (11)), *фантазия* (*fantaisie* — фр. (1) // фантазия (7)), *фельетон* (*feuilleton* — фр. (1) // фельетон (1)), *гиатус* (*hiatus* — фр. (1) // гиатус (3)), *шедевр* (*chef-d'œuvre* — фр. (3) // нет КВ), *эссе* (*Essays* — нем. (1) // нет КВ).

Необходимо отметить, что основная часть таких ГЗ используются однократно. Особый интерес представляют те случаи, когда ГЗ имеет употре-

бительный КВ. Их анализ показывает, что здесь также может иметь место псевдозаимствование, то есть не перенос слова в русский язык, а вкрапление иностранной речи. Так, ГЗ *Val de Vire* употреблено при объяснении этимологии французского слова *водевиль*. Ср.: «...мне бы должно рассказать вам историю водевиля (*Val de vire*) от его колыбели до наших дней...» [Там же. С. 48]. ГЗ *littérature* употреблено при обозначении французского названия произведения: Ср.: «Душа моя, горчицы, рому,... да книг: *Conversations de Byron, Memoires de Fouché, Талию, Старину, да Sismondi (littérature)* да *Schlegel (dramaturgie)*, если есть у *St. Florent*» [9. Т. 13. С. 151]. Имеется в виду книга Сисмонди *Littérature du Midi de l'Europe*. С этим связано и появление некоторых не имеющих КВ единиц, таких, например, как *ессе*: «Кстати: пришли мне, если можно, *Essays de M. Montagne* — 4 синих книги, на длинных моих полках» [Там же. Т. 16. С. 49].

К псевдозаимствованиям можно отнести и те случаи, когда ГЗ дается в скобках и поясняет русские слова. Ср.:

• «...он невольно увлекает необыкновенною силою рассуждения (*discussion*) и ловкостью самого софизма...» [Там же. Т. 11. С. 97].

• «...Гомер неизмеримо выше Пиндара — ода, не говоря уже об элегии стоит на низших степенях поэм, трагедия, комедия, сатира все более ее требуют творчества (*fantaisie*), воображения — гениального знания природы» [Там же. С. 42].

• «...Чем, например, оправдате вы исключения гиатуса (*hiatus*), который французским ушам так нестерпим в соединении двух слов...» [Там же. С. 200].

• «...церковные празднества подали повод к сочинению таинств (*mystère*)...» [Там же. С. 37].

Среди слов, не вошедших в русский язык, также есть поясняющие псевдозаимствования, даваемые в скобках:

• «...ясность и стройность менее действует на толпу, чем преувеличение (*exagération*) модной поэзии...» [Там же. С. 74].

• «...Не они гнушаются просторечием и заменяют его простомыслием (*niaiserie*)¹...» [Там же. С. 152].

В отдельных случаях имеет место заимствование, которое затем заменяется русским аналогом: «...Его надо слушать, однако, чтоб порядком побранить в [*Review*] Летописце» [9. Т. 16. С. 28].

¹ *niaiserie* (1 раз), фр., значение в «Историческом словаре галлицизмов русского языка» под ред. Н. И. Епишкина — «пустяки».

Здесь имеется в виду «Современный летописец политики, наук и литературы», который Пушкин хотел издавать в качестве приложения к газете¹. Вероятно, слово *летописец* показалось Пушкину возможным, но не очень точным эквивалентом. Свои представления о жанре печатного издания он передавал с помощью ссылки на английские издания. Неоднократное использование ГЗ показывает, что слово, как и сам жанр, еще не было освоенным и было тесно связано с Англией. При этом грамматически оно оформляется и имеет женский род. Ср.:

- «...Прочие журналы все получаю и более чем когда-нибудь чувствую необходимость какой-нибудь Edimboorg review» [Там же. Т. 13. С. 145].

- «...Издание таковой Review доставило бы мне вновь независимость...» [Там же. Т. 16. С. 69—70].

- «...Я желал бы в нынешнем 1836 году издать 4 тома (на подобие англ<ийских> Review...» [Там же. С. 250].

- «Издание таковой Review доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды, мною начатые» [Там же].

- «Шевырев, Киреевский, Погодин и другие написали несколько опытов, достойных стать наряду с лучшими статьями английских Reviews...» [9. Т. 11. С. 248].

- «...на подобие английских трехмесячных Reviews...» [Там же. Т. 16. С. 69].

Следует обратить внимание на то, что Пушкин не избегает синтагматического оформления ГЗ по роду. Это наблюдается даже у заимствований из английского языка. Ср. женский род слова *ревью*: «необходимость какой-нибудь Edimboorg review», «издание таковой Review».

Ср. также: «Читал ли ты его последнюю brochure...»; муж. род слова *speech*: «...Он хотел обратиться к ним с следующим speech...» [Там же. Т. 12. С. 168].

Отдельный интерес представляют случаи контаминации ГЗ и КВ в одном слове. Они связаны с префиксоидами: Ср.:

- *anti-поэтический* (1): «...Всем известно, что французы народ самый anti-поэтический» [Там же. Т. 11. С. 219].

- *extra-почта* (1): «...Отвечай мне по extra-почте!» [Там же. Т. 13. С. 66].

В Корпусе, однако, есть и такие единицы, как *антипоэтический* (1), *антиромантик* (1), *анти-драматический* (1), *анти-польский* (1), *анти-христ* (1), *антихрист* (1), а также *экстра-дилижанс* (1). Это

показывает, что префиксоиды *анти-* и *экстра-* были уже достаточно освоены русским языком. Об этом говорит и единичный случай кириллического написания анти- в ГЗ *Аnmuthèses*: «...Он освобожден от италийских concetti, и от французских *Аnmuthèses* — но романтизма в нем нет еще ни капли» [Там же. Т. 13. С. 381].

Подобную контаминацию Пушкин использовал и в следующем случае языковой игры: *sot-действовать* (1) — «глупо <-действовать>» (фр. *sot* — глупый) — «...Зачем мне *sot-действовать* Детскому журналу?» [Там же. Т. 16. С. 211].

Еще один вид контаминации — написание русского окончания в ГЗ — отражен в случае с *Notой*: (фр. *note*) — «Не напечатать ли в конце Воспоминания в Ц.<арском> С.<еле> с *Notой*, что они писаны мною 14<-ти> лет — и с выпискою из моих Записок...» [Там же. Т. 13. С. 159] (перевод редакции: <с> примечанием).

Полученные результаты показывают, что большинство ГЗ в пушкинском Корпусе носят единичный характер и что далеко не все они являются настоящими заимствованиями, выполняя вспомогательные функции. Критерием того, что перед нами ГЗ-заимствование, является наличие у единицы номинативной функции. Отсутствие транслитерации и кириллических вариантов в этом случае служит признаком того, что заимствуемая единица была для Пушкина еще неологизмом.

На фоне функционально оправданного употребления ГЗ исключением выглядят только иностранные имена собственные. В отличие от современной русской нормы у Пушкина часто в одном ряду используются ГЗ и КВ фамилий. См. следующий характерный пример: «В Италии *Dante* и *Petrarca* предшествовали *Taccu* и Ариосту, сии предшествовали *Alfieri* и *Foscolo*. У англичан *Мильтон* и *Шекспир* писали прежде *Addиссона* и *Пона*, после которых явились *Southay*, *Walter Scott*, *Moor* и *Byron* — из этого мудрено вывести какое-нибудь заключение или правило» [Там же. С. 177].

Можно предположить, Пушкин использует ГЗ при отсутствии устойчивого варианта произнесения и написания фамилии, однако это нуждается в специальном исследовании. Подавляющее число ГЗ в пушкинском Корпусе заимствовано из французского языка. Как справедливо отмечает А. М. Дубинина, исследовавшая французские вкрапления в письмах русских авторов первой половины XIX в., эти вкрапления являются закономерным следствием русско-французского двуязычия [См.: 2. С. 36—37].

¹ См. Указатели к Полн. собр. соч. в 19 т., т. 19.

Проведенный анализ показывает, что даже в письмах, где наблюдается наибольшее количество иноязычных вкраплений, Пушкин использует слова-вкрапления в номинативной функции только в случае необходимости и очень ограниченно. Он по возможности пытается перевести иностранные слова на русский язык. И только при невозможности адекватного перевода поэт прибегает к заимствованию. То есть он ведет себя в отношении заимствований, в том числе графических, осторожно. Об этом говорят и его знаменитые комментарии из «Евгения Онегина»:

• «...*du comme il faut* (Шишков, прости: Не знаю, как перевести)...» [9. Т. 6. С. 171].

• «...в высоком лондонском кругу зовется *vulgar*. (Не могу... Люблю я очень это слово, но не могу перевести; оно у нас покамест ново, и вряд ли быть ему в чести)» [Там же. С. 172].

В этом отношении Пушкин во многом продолжает традиции, действовавшие во второй половине XVIII в. Ю. С. Сорокин характеризует их так: «После очень бурного, но вместе с тем часто еще

неупорядоченного притока новых иностранных слов западноевропейского происхождения в русскую литературную речь петровской поры наступает длительный период господства пуристических тенденций... На протяжении почти всей второй половины XVIII в., начиная с 1740-х годов, явно преобладает осторожность в прямом заимствовании иностранных слов... Переводы оценивались прежде всего с той точки зрения, насколько они свободны от иноязычных слов» [10. С. 45].

Значительная часть слов-заимствований, которые вошли в русский язык в этот период и сохранились в современном языке, уже встречаются у Пушкина. Однако Пушкин сознательно отбирал и включал такие слова в свои тексты при невозможности выработать адекватный русский эквивалент. Основная часть этих слов вошла в СРЛЯ. Это позволяет исследователям говорить о том, что, широко употребляя иноязычные вкрапления в своих литературных произведениях, А. С. Пушкин «разработал принципы их отбора и использования» [См.: 5. С. 119].

Список литературы

1. Гордеева, Л. П. Французская лексика в русском языке первой трети XIX века (на материале творчества А. С. Пушкина) : дис. ... канд. филол. наук / Л. П. Гордеева. — Казань, 2010.
2. Дубинина, А. М. Русско-французский эпистолярный I половины XIX века: фразеология и иноязычные вкрапления : дис. ... канд. филол. наук / А. М. Дубинина. — Брянск, 2005.
3. Епишкин, Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. — М., 2010. — 5140 с.
4. Кукушкина, О. В. Морфонология современного русского литературного языка / О. В. Кукушкина. — М., 2016. — 337 с.
5. Листрова-Правда, Ю. Т. Иноязычные вкрапления-библейзмы в русской литературной речи XIX—XX вв. / Ю. Т. Листрова-Правда // Вестн. ВГУ. Сер.: 1. Гуманитар. науки. — 2001. — № 1. — С. 119—139.
6. Маринова, Е. В. Латиница в русском письме: проблема графического заимствования / Е. В. Маринова // Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова. — М., 2007. — С. 323—334.
7. Маринова, Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка : учеб. пособие / Е. В. Маринова. — М., 2012. — 296 с.
8. Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. — URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%81%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BE%D1%80>; <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%81%D0%B8%D0%BD%D1%8C%D0%BE%D1%80> (дата обращения 25.12.2019).
9. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. : в 19 т., 23 кн. / А. С. Пушкин. — М., 1994—1999 г.
10. Сорокин, Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX века / Ю. С. Сорокин. — М. ; Л., 1965. — 569 с.

Сведения об авторе

Чжао Цзяи — аспирантка кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. zhaojiayi@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 123—129.*

THE USE OF GRAPHIC BORROWINGS IN THE TEXTS OF A.S. PUSHKIN

Zhao Jiayi

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. zhaojiayi@mail.ru

This article is devoted to the study of graphic borrowings (abbreviated as GZ) in the texts of A.S. Pushkin. The study was conducted on basis of the Electronic Text Corpus created at the laboratory of applied linguistics of the philological faculty of Moscow State University. The article examines the GZ of the substantive type found in the Pushkin Text Corpus, analyzes the contexts of their use and the presence/absence of Cyrillic variants in them. The focus is on units that have entered the modern Russian language. Based on the analysis of GZ use, a conclusion is drawn on the degree of development of these or other borrowings in the Russian language in the first half of the 19th century. The article also is being discussed by the question of the attitude of Pushkin to language insertions. As a result of the analysis of the functions of the GZ, it is concluded that, despite the poet's bilingualism, he rarely used them in the actually nominative function.

Keywords: *graphic borrowings, corpus of texts, Pushkin's language, adaptation of borrowings.*

References

1. Gordeeva L.P. *Francuzskaya leksika v russkom yazyke pervoj treti XIX veka (na materiale tvorchestva A.S. Pushkina)* [French vocabulary in the Russian language in the first third of the XIX century (based on the work of A.S. Pushkin). Thesis]. Kazan, 2010. (In Russ.).
2. Dubinina A.M. *Russko-francuzskij epistolyarij I poloviny XIX veka: frazeologiya i inoyazychnye vkrapljeniya* [The Russian-French epistolary in the 1st half of the 19th century: phraseology and language insertions. Thesis]. Bryansk, 2005. (In Russ.).
3. Epishkin N.I. *Istoricheskij slovar' gallicizmov russkogo yazyka* [Historical Dictionary of Gallicisms of the Russian Language]. Moscow, 2010. 5140 p. (In Russ.).
4. Kukushkina O.V. *Morfologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Morphology of the modern Russian literary language]. Moscow, 2016. 337 p. (In Russ.).
5. Listrova-Pravda Yu.T. Noyazychnye vkrapljeniya-bibleizmy v russkoj literaturnoj rechi XIX-XX vv. [Language insertions-biblicism in Russian literary speech of the XIX-XX centuries]. *Vestnik VGU. Ser.: 1. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Voronezh State University. Ser.: 1. Humanities], 2001, no. 1, pp. 119-139. (In Russ.).
6. Marinova E.V. Latinica v russkom pis'me: problema graficheskogo zaimstvovaniya [Latin script in Russian writing: the problem of graphic borrowing]. *Zhizn' yazyka: Pamyati Mihaila Viktorovicha Panova* [Life of the language: In memory of Mikhail Viktorov Panov]. Moscow, 2007. Pp. 323-334. (In Russ.).
7. Marinova E.V. *Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka* [Foreign vocabulary of the Modern Russian Language]. Moscow, 2012. 296 p. (In Russ.).
8. *Orfograficheskij akademicheskij resurs AKADEMOS Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN* [Spelling academic resource AKADEMOS Institute of the Russian language V.V. Vinogradov RAS]. Available at: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%81%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BE%D1%80>; <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%81%D0%B8%D0%BD%D1%8C%D0%BE%D1%80>, accessed 25.12.2019. (In Russ.).
9. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij v 19 tomah, 23 knig* [Complete works in 19 volumes (set of 23 books)]. Moscow, 1994-1999.
10. Sorokin Yu.S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka v 30-90-e gody XIX veka* [The development of the vocabulary of the Russian literary language in the 30-90s of the XIX century]. Moscow, Leningrad, 1965. 569 p. (In Russ.).

ЦЕРЕМОНИЯ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР В АСПЕКТЕ ЭМОТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРСИДСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

М. Шафази¹, М. В. Загидуллина²

¹ Университет им. Алламе Табатабаи, Иран, Тегеран

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Предлагается рассматривать некоторые традиции гостеприимства в иранской культуре как речевой этикетный жанр «церемония». Авторы сопоставляют речевое оформление коммуникативной ситуации угощения в русскоязычной и персидскоязычной культурах и обобщают ключевые отличия в понятии «церемония» (как культурно-бытового феномена и речевого этикетного жанра) в аспекте эмотивного подхода (удовольствие, удовлетворение). Категория процессуальности (длительности), инвариантно характеризующая речевой этикетный жанр «церемония», выступает в качестве дополнительного измерения жанра и предопределяет закономерности его речевого оформления. Понимание значимости речевого жанра «церемония» в иранской культуре позволяет избежать недоразумений в организации межкультурных взаимодействий и добиться эффективной (эмотивно положительной) коммуникации в области российско-иранских межкультурных контактов.

Ключевые слова: речевой жанр «церемония», речевые этикетные жанры, вежливость, искренность, коммуникативная способность, коммуникативная компетенция, эмотивный потенциал речевых жанров.

Понятие «церемония»

Слово «церемония» (от лат. *caerimonia* в значении *благоговение, культурный обряд*) означает: 1) установленный торжественный порядок совершения чего-л. (церемония присяги, церемония вручения какой-н. медали, церемония вручения диплома, выездная церемония, свадебная церемония, церемония бракосочетания, чайная церемония (в Китае), церемония открытия/закрытия чего-н. и т. д.); и 2) церемонии условности, принужденность в поведении, обращении; излишняя, преувеличенная вежливость [8. С. 958].

В пятитомном толковом словаре персидского языка Мухаммада Моина слово «церемония» (тароф) определяется следующим образом: 1) знакомиться друг с другом; 2) оказывать гостеприимство; 3) дарить; 4) объявить знакомство / спросить о здоровье собеседника; 5) приветствовать; 6) подарок/дар/гостинец [28. V. 1. С. 1096]; в 16-томном словаре Деххода дополнительно к вышеуказанному можно встретить и значения: «приветствовать при встрече / при входе куда-н.; по иранскому этикету следует приветствовать и осуществлять церемонию; обеспечивать процесс угощения: угощение гостей и вербальный призыв гостей к угощению; приглашение гостей [26. С. 6793]. В иранской лингвокультуре попу-

лярна фразеология: *taarof amad naiamad darad!* («церемония может быть действительна, может быть недействительна!»); «не всегда принимать церемонию (приглашение, угощение, подарки и т. п.)» (в значении: не всякая церемония искренна). Церемония в первую очередь является проявлением вежливости в знак придания значимости коммуникативной ситуации. Приведенная фразеология используется применительно к оценке лицемерности церемонии, ее показного характера. Глагольная форма с частью *taarof* (церемония) + *dadan* (дать) — *taarof-dadan* (дарить подарки) — означает отправить кому-н. подарки [Там же]; а глагольная форма *taarof* (церемония) + *kardan* (давать) — *taarof-kardan* — приглашать к себе домой [Там же].

Как видим, существуют значительные расхождения в понимании «церемониальности» как основы речевого жанра просьбы, приглашения, благодарности, поздравления в персидскоязычной и русскоязычной культурах; понимание этих расхождений лежит в основе адекватной и эффективной межкультурной коммуникации. Особенную значимость приобретает эмотивный коннотат данного речевого жанра (поскольку его осуществление направлено на создание позитивных интеракций между коммуникантами; об эмотивном потенциале и коннотатах см. [20]).

Этим и определяется значимость обращения к данной теме.

Речевой этикетный жанр «церемония»

Настоящее исследование представляет собой анализ церемонии как речевого этикетного жанра на ряде словарных примеров с включением ситуационного анализа, позволяющего обнаружить многоуровневость самого феномена церемонии, существующего не только в виде словесных формул, но и в определенных поведенческих паттернах, неразрывно связанных с речевыми жанрами. Само понятие «речевой жанр» у М. М. Бахтина может быть рассмотрено в мультимодальном аспекте: речевой жанр есть вербальная конвенция определенной сферы человеческой деятельности; жанр вбирает в себя суть этой деятельности и одновременно является ее воплощением (в коммуникативном аспекте) [3. С. 160—162]. Таким образом, первичные речевые жанры, к каковым Бахтин относит и этикетные формулы прощания, приветствия и подобные, уже несут в себе много-ресурсность, воплощая определенную традицию и мировоззрение, а также включая и индивидуальные особенности конкретного высказывания, вбирающие экстралингвистические формы выражения. На наш взгляд, хотя Бахтин и подчеркивает ограниченные возможности первичных речевых жанров по сравнению с «творческими» вторичными (каковыми выступают, например, романы или драмы, рассматриваемые Бахтиным именно как высказывания), для исследователя важна внутренняя форма таких первичных жанров, предопределяющих суть и назначение высказывания, а мысль о «репертуаре речевых жанров», вырабатываемых каждой сферой человеческой деятельности, содержит в себе возможность дальнейшего развития теории речевых жанров применительно к коммуникации в целом. Это блестяще продемонстрировано в монографии В. В. Дементьева [6], обобщившего множество подходов к понятию речевого жанра, в том числе и в области этикетной коммуникации [См.: 2; 5; 9; 15—17; 21]. По мнению В. В. Дементьева, области этикета и вежливости должны быть строго разграничены: первая включает в себя строгие жанры, вторая — модусы их воплощения [6. С. 202—203].

Тема речевых жанров остается актуальной и в новейших работах [См.: 7; 19]; кроме того, высказывается критическое отношение исследователей к размыванию точного понятия «речевой жанр» в некоторых источниках [См. об этом: [1]].

Продолжая исследования речевых жанров как основы вербальной коммуникации, мы развиваем возможность выявления национальных особенностей этикетных речевых жанров в сравнительном исследовании на примере русского и персидского языков. Лингвокультурологические аспекты иранской культуры активно изучались прежде всего в сопоставлении с западным культурным стилем (труды Уильяма Бимана [См.: 22; 23]; ему же принадлежит заслуга активного исследования концепта «таароф» в иранской культуре). В то же время работ, посвященных собственно сравнительному анализу речевых этикетных жанров, воплощающих концепты вежливости и «таароф» в русскоязычном и персидскоязычном мирах, немного (см., в частности, некоторые недавние наблюдения [14; 11]). На наш взгляд, возможно внесение такого добавления в теорию речевых этикетных жанров, как «церемония» (рассматривается нами одновременно и как феномен поведения и культуры, и как этикетный речевой жанр). С нашей точки зрения, «церемония» не совпадает ни с концептом «вежливости» или «тарофа» (так же, как и в случае несовпадения этикета и вежливости [См.: 6. С. 202—203], ни с первичными речевыми жанрами приветствия, просьбы, пожелания, прощания. Хотя формально возможно вычленение элементов этих речевых жанров из комплексного состава церемонии, сами по себе, вырванные из ситуативного контекста, они не будут нести функции, реализуемые ими в составе целого. Именно эта невозможность «разложить» церемонию на составляющие ее единицы — первичные речевые жанры — и заставляет рассматривать церемонию как самостоятельный речевой жанр.

На наш взгляд, введение понятия «церемония» как единицы осуществления коммуникации в персидскоязычном мире может облегчить донесение особенностей иранской культуры до коммуникантов, вступающих в межкультурное общение и испытывающих сложности в правильной интерпретации действий (в том числе речевых) собеседника — представителя культуры Ирана. Речевой жанр «церемонии» выступает частью действия, таким образом обретая мультимодальное измерение (соединяя ряд модусов, включая невербальные, акциональные модусы).

Хотя в русскоязычной исследовательской литературе закрепилось понимание термина «мультимодальность» применительно к креолизованным или поликодовым текстам (упрощая, «картинка» + «текст»), в настоящей статье мы следуем

пониманию модуса как семиотического ресурса, предложенному М. Халлидеем и развивающему общие принципы социального интеракционизма. Таким образом, мультимодальный речевой этикетный жанр «церемония» представляет собой определенный фрейм диалогового поведения в ситуациях, предписывающих не только уместность, но и неизбежность такой коммуникации: речевые формулы являются частью предписанных действий, поведения (речь в том числе о жестах, мимике, взглядах, представляющих собой дополнительные семиотические ресурсы и позволяющие участникам индивидуализировать этикетное общение).

Для описания речевого жанра «церемония» следует уточнить место этого феномена в иранской культуре. С самого раннего детства иранцы становятся свидетелями осуществления этого жанра в коммуникации. В соответствии с семейными и социальными обычаями они привыкают использовать «церемониальную стратегию» в своем общении с окружающим миром, поскольку владение этим речевым жанром у иранцев относится к числу обязательных коммуникативных социальных умений и навыков общения с другими людьми [30. С. 100]. Как отмечено выше, понятия «вежливость» и «церемония» различаются. Такое различие касается не только языковых формул и языка жестов, но и интонации и конкретных движений коммуникантов. Владение навыками осуществления «церемонии» оказывается в прямой зависимости от другого важнейшего концепта иранской культуры — «лица» [27. С. 116—117]. При этом точки зрения исследователей на взаимовлияние «церемонии» и «лица» не совпадают: София Кутлаки представляет церемонию как «фактор укрепления лица» [24]; Нанбахш считает, что церемония угрожает «лицу» [25]. Ахмад Язди не соглашается с этими мнениями относительно понятия церемонии, так как, по его мнению, церемония может служить причиной и сближения, и отдаления. Хотя он подчеркивает, что церемония используется в качестве стратегии сближения с другими, для него важно, что такое сближение достигается не всегда одинаково и не всегда на него отвечают положительно. Церемония как речевой этикетный жанр открывает возможность проявления разной степени искренности и неискренности. Поэтому церемонию можно интерпретировать в зависимости от индивидуальных особенностей коммуникантов, их ситуативных ожиданий, которые дают сложные сочетания сближения или, наоборот, отдаления коммуникантов [29. С. 79].

Речевой этикетный жанр «церемония» и прием гостей

Рассмотрим особенности речевого этикетного жанра «церемония» на примере приема гостей. В ситуации угощения в иранской культурной среде наиболее часто встречаются четыре основные сложные глагольные формы, состоящие из имени существительного и вспомогательного глагола کردن (kardan) «делать» в общем значении «угощайтесь!»:

(Nooš-e-jān-kardan)	نوش جان کردن
(Meil-kardan)	میل کردن
(Tanāvol-kardan)	تناول کردن
(Sarf-kardan)	صرف کردن

В таких формулах поддерживается уважительная тональность, направленная на соблюдение этикета и «сохранение лица».

خواهش میکنم بفرمایید نوش جان کنید.

Приятного аппетита.

(Xāheš mikonam be-
farmaid nooše jān konid!)
(Прошу вас покушайте на здоровье!)

تناول بفرمایید.

Ешьте на здоровье. (tanāvol befarmāid)
(Покушайте, пожалуйста, еду)

میل کنید. / بفرمایید.

Ешьте на здоровье. (meil konid / befarmāid)
Приятного аппетита.
(Покушайте, пожалуйста, еду)

نوش جان کنید. بفرمایید.

(Nooš-e jān konid. *Отведайте.*
befarmāid.) *Откушайте*.*

* Данная форма в современном русском языке относится к устаревшим.

Церемония как речевой жанр предполагает поддержание разговора, маркированного формулами проявления искреннего уважения к гостю. Поэтому хозяева строят коммуникацию не на однократном приглашении к столу, но на постоянной заботе о том, что гость приступил к трапезе и наслаждается едой. Поэтому, хотя и возможно проведение параллели с русскоязычной культурой, сама структура речевого жанра иная, в ее основе — именно длительное, неустанное проявление заботы о госте.

<i>Угощайтесь,</i>	(befarmāid	بفرمایید میل کنید.	<i>Брось (что-</i>	(bezan tu rag)	بزن تو رگ.
<i>пожалуйста.</i>	meil konid)		<i>нибудь)</i>	(Bendāz bālā)	بنداز بالا.
<i>Пожалуйста,</i>	(befarmāid)	بفرمایید.	<i>в желудок</i>	(Bendāz tu	بنداز تو خندق بلا.
<i>попробуйте.</i>				xhandagh-e balā)	
<i>Проходите,</i>	(Befarmāid	بفرمایید سر میز.		(Bendāz tu	بنداز تو هندق بلا.
<i>пожалуйста,</i>	sar-e miz)			handaq-e balā)	
<i>к столу.</i>				(Beterek)	بترک.

Эквиваленты вышеуказанных формул обла- дают в персидском языке более высокой частот- ностью, чем в русском. Принцип длительности в организации речевого жанра церемонии прояв- ляется в варьировании различных формул, их на- низывании (кумуляции):

1)

Кушайте, а то остынет / Кушайте, а то мо- жет остыть.

(لطفاً غذا را) بخورید. سرد نشود (از دهان نیفتد).

(lotfan qazā rā bexorid. Sard naše / az dahān paiofteh) (нейтральное выражение)

2)

Пейте и ешьте, дорогие гости.

بنوشید، میل کنید، میهمانان گرمی.

(benoošid. meil konid, mihmānān-e gerāmi)

3)

Чувствуйте себя как дома.

فکر کنید منزل خودتان است.

(fekr konid manzel-e xodetān-eh)

Таким образом, с одной стороны, мы видим сходство самой организации высказываний (то есть создаются условия для выделения речевого эти- кетного жанра просьбы), но, с другой стороны, контекстуальная кумуляция делает эти формулы «работающими» только в составе длительной бе- седы как ее важнейшей ритуализованной части.

С этой точки зрения интерес представляет со- поставление русской и персидской лингвокуль- туры в той же ситуации угощения, помещенной в неформальный контекст. Мы можем обнаружить здесь сходство: в обеих культурах в таких случаях активизируется фольклоро-ориентированная прос- торечная лексика, а также жаргонизмы и стилис- тически сниженные выражения. Неоднозначность интерпретации таких речевых обращений свя- зана с тем, что они могут маркировать, с одной стороны, неформальную искренность, а с дру- гой — фамильярность (в негативном смысле) или невежливость.

Вот некоторые примеры таких неоднозначных sluчаев:

В русском языке такая фраза невозможна в офи- циальной ситуации угощения, но вполне употре- бима в кругу близких людей. В персидской куль- туре подобное выражение исключается из рече- вого этикетного жанра церемонии и маркирует сниженный вариант коммуникации во время тра- пезы в кругу «своих». В определенном смысле та- кие речевые формулы могут рассматриваться как «бесцеремонные», что буквально подчеркивает их противопоставленность речевому этикетному жанру церемонии.

Другой пример связан с использованием импе- ратива «ешь!» в русском языке и его эквивалентов (катр-е се се сар кон) и (katr-e se sar kon) в персидском языке (цит. по записям устных высказываний информанта Ахмада Тамимдари). Первая форма (kooft kon) более распространена (по сравнению со второй). Однако оба эти вари- анта также исключаются из речевого этикетного жанра церемонии. Важно, что в персидской куль- туре такое прямое обращение (подмена просьбы требованием) может стать источником конфлик- та, в основе которого лежит «угроза лицу».

Кроме того, в русскоязычной и персидскоязыч- ной культурных средах в ситуации угощения мож- но обнаружить следующие формы:

<i>Жри!</i>	(bā hers	(با حرص) بلمبان!
	belomban!)	
<i>Лопай!</i>	(beterek!)	بترک!
<i>Уплетай за</i>	(do loppī	دو لپی بلمبون!
<i>обе щеки!</i>	belomboon!)	
<i>Хавай!</i>	(kooft kon!)	کوفت کن!

Обращение к словарям показывает, что подоб- ные выражения маркируются как стилистиче- ски сниженные (просторечные, жаргонные и др.; см. [10. С. 159, 266, 682 и др.]). В персидскоязыч- ной культуре такие обороты речи, как видим, тоже существуют:

Ну что? Обожрался?

(xob četor bood? خوب چطور بود؟ خوب لمباندی؟
Xoob lombandi?)

Я нажрался/нажралась.

(sir šodam!) سیر شدم.

(Пометы «груб.», «простореч.» [12. С. 552, 579; см. также: 13. С. 406–407]).

Ну, я совсем объелся/объелась.

Ну, я совсем обожрался/обождралась (у вас).

شکمم سیر شد! / (Šekamam sir šod!) / سیر شدم! (Sir šodam!)
(я довольно наелся/наелась)

Ну тут мы с тобой очень обождрались.

من و تو خوب شکممون رو اینجا سیر کردیم!

(Man o to xoob šekamemoon ro injā sir kardim!)

Я наелся/наелась от живота.

(Šekamam sir šod) شکمم سیر شد.

Я наждрался/наждралась.

(Man sir-moni gereftam) من سیرمونی گرفتم.

Я натрескался/натрескалась.

(Tā xerxereh xordam) تا خرخره خوردم.

Он натрескался и повалился спать.

(U tā xerxereh xord va veloo šod) او تا خرخره خورد و ولو شد خوابید.

Отметим, что эти сниженно-разговорные фразы, равно как и подобные им варианты, и в русскоязычной, и в персидскоязычной культурах исключаются из речевого жанра «церемония».

Наконец, особый интерес представляет заключительная часть речевого жанра «церемония», когда гости прощаются с хозяевами и готовятся переступить порог дома. Этот элемент церемонии может занимать даже целый час. София Кутлаки перечисляет ряд формул, воплощающих эту часть церемонии (переход к заключительному этапу церемонии начинается еще во время угощения и завершается расставанием гостей и хозяев):

نه ديگه ما يواش يواش بریم ديگه.

[Нет. Уж мы потихонечку должны уехать.]

يه ميوه بخورين.

[Пожалуйста, возьмите хоть один фрукт.]

نه ديگه متشکر، نه ديگه خیلی ممنون.

[Нет. Спасибо. Нет.]

چرا تعارف می کنين؟

[Пожалуйста, без церемоний!]

نه بابا چه تعارفي... نه من الآن هنوز گلوم درست حسابی خوب نشده.

[Какие церемонии? У меня горло болит. Болею.]

خب يه موز بخورين. يه موز. ميوه ضرر دار نداريم. سيب..

[Хоть один банан возьмите. Он не вреден. Пожалуйста, яблоко!]

نه ديگه مرسى.

[Нет. Спасибо!]

چای نخوردين. چای می خورين حسين آقا؟

[Вы еще чай не пили. Будете чай пить, Хосейн Ага?]

نه خیلی متشکر. ما ديگه بايد بلند شيم. کتمو بپوشم.

[Нет. Спасибо. Мы уже должны идти. Пойду надену пальто.]

يه ميوه بخورين برين. بزار خانوم موز شو.

[Берите фрукты. Позвольте, чтоб ваша супруга покушала этот банан] [24].

В иранской культурной среде ситуация прохода через дверной проем оформляется как особо значимый элемент как поведения, так и речи. Помимо статусной нагрузки, существуют и особые правила, коренящиеся в глубине традиций: например, тот коммуникант, что находится с правой стороны, обладает приоритетом над тем, что находится слева:

اين چه فرمايشی است. شما سمت راست هستيد. اول بفرمايد.

(In če farmāieši-st. Soma samt-e rāst hastid. Avval befarmāid.)

[Нет. Вы на правой стороне! Проходите, пожалуйста, первым!]

استدعا دارم. شما اول بفرمايد. (Ested-ā dāram. šoma avval befarmāid.)

[Прошу. Проходите первым!]

Возрастной приоритет:

شما بزرگتر هستيد. شما اول بفرمايد. (Šomā bozorgtar hastid. šomā avval befarmāid.)

[Прошу, проходите, пожалуйста, первым. Вы старше!]

ممکن نیست من اول رد شوم. خواهش میکنم.

(Momken nist man avval rad šam. Xāheš mikonam.)

[Нет, нет, нет. Прошу!]

جان شما اگر بشود. شما اول بفرمايد. امکان ندارد قبل شما داخل شوم. شما بفرمايد.

(Jān-e šomā agar bešvad. šomā avval befarmāid. Emkān nadareh qabl-e šomā dāxel šam. šomā bafarmāid.)

[Нет, нет, нет! Проходите, пожалуйста, первым! Только после Вас!]

بفرمايد رد شويد!

(befarmāid rad šid)

[Пожалуйста, проходите!] ممکن نیست! بعد از شما! (momken nist! Bad az šomā!)

[Нет. Только после вас!]

У русских принято пропускать вперед женщин, пожилых людей, женщин с детьми или уважаемого человека:

Нет, нет, нет. Только после вас!

امکان ندارد! بعد از شما! (emkān nadareh! Bad az šomā!)

Однако слишком долгая ситуация прощания или оказания знаков внимания и уважения в си-

туации прохода через дверь, например, в русской культуре может вызвать непонимание и насмешку. Классическое описание такой ситуации приведено в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя (глава вторая):

«— Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после, — говорил Чичиков.

— Нет, Павел Иванович, нет, вы гость, — говорил Манилов, показывая ему рукою на дверь.

— Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь. Пожалуйста, проходите, — говорил Чичиков.

— Нет уж извините, не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю.

— Почему ж образованному?.. Пожалуйста, проходите.

— Ну да уж извольте проходить вы.

— Да отчего ж?

— Ну да уж оттого! — сказал с приятною улыбкою Манилов.

Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга» [4. С. 27].

«Комикование» Гоголя над своими персонажами между тем дает возможность понять реакцию представителя русскоязычной культуры на речевой этикетный жанр церемонии в иранской культуре: отсутствует сама основа понимания значимости этого словесного ритуала, и поэтому он выглядит как ненужное, неискреннее, «показное» проявление лицемерной вежливости, наполняется коннотатами негативной эмотивности. Между тем «обратная ситуация» краткого действия (пропустить вперед лицо старшего возраста, женщину, ребенка — например, с учтивым жестом, но без слов) может выглядеть в иранской культуре как «угроза лицу» и вызывать такую же нежелательную реакцию, как «излишняя» церемониальность в российской культуре. Незнание речевого жанра церемонии как устойчивого элемента персидскоязычной культуры чревато в межкультурном общении провалами и неверными оценками, отчуждением

коммуникантов, поскольку, помимо приведенных примеров угощения и гостевого визита, этот жанр может оформлять самые разные стороны делового общения (например, дипломатический дискурс или академическую коммуникацию). Обязательность обстоятельного вступления, предваряющего суть ответа на вопрос и содержащего формулы вежливости, учтивости, признательности говорящему, тоже может быть отнесена к речевому жанру церемонии в иранской культуре, что требует специальной подготовки коммуникантов к встрече и готовности к адекватному восприятию особенностей коммуникации с представителями иной культуры.

Заключение

Возвращаясь к речевому этикетному жанру церемонии с позиций лингвокультурологии, важно отметить, что к собственно лексической составляющей здесь неразрывно добавляется процессуальность, длительность как особый инвариант этого речевого жанра. Именно этот элемент позволяет говорить о речевом жанре церемонии как самостоятельном феномене, неразложимом на иные первичные речевые жанры. Категория процессуальности в условиях реализации церемонии как речевого жанра может рассматриваться как семиотический ресурс, самостоятельный модус действия и деятельности, поскольку требует наполнения разнообразными формами просьб и благодарностей, а также исполнения определенного ритуального сценария, направленного на проявление искренности и «сохранение лица». Таким образом, речевой этикетный жанр реализуется как мультимодальное явление, требующее комплексного рассмотрения, включающего не только наблюдения за речевым оформлением соответствующего коммуникативного действия, но и за его драматургией, предопределяющей эмотивный фон коммуникации.

Список литературы

1. Анисимова, Т. В. К вопросу о значении термина «речевой жанр» / Т. В. Анисимова // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. — 2019. — Т. 1, № 1. — С. 104—111.
2. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. — М. : АСТ-Пресс, 2001. — 672 с.
3. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. — М. : Рус. словари, 1996. — Т. 5: Работы 1940—1960 гг. — С. 159—206.
4. Гоголь, Н. В. Мертвые души. Том первый // Полн. собр. соч. : [в 14 т.]. Т. 6. — [М.; Л.] : Изд-во АН СССР, 1951. — С. 5—247.
5. Гольдин, В. Е. Этикет и речь. / В. Е. Гольдин. — Изд. 3-е, доп. — М. : URSS, 2009. — 115 с.
6. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. — М. : Знак, 2010. — 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).

7. Елина, Е. Г. Устный рассказ студента-активиста как речевой жанр / Е. Г. Елина // Жанры речи. — 2019. — № 3 (23). — С. 193—199.
8. Захаренко, Е. Н. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. — М.: Азбуковник, 2008. — 1040 с.
9. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. — М.: Языки славян. культуры, 2009. — 258 с. — (Язык. Семиотика. Культура).
10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. Около 57 000 слов / С. И. Ожегов; под ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. — М.: Рус. яз., 1988. — 749 с.
11. Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки: монография / Е. А. Бакланова, Е. В. Берверс, А. В. Березина [и др.]; под ред. И. Т. Прокофьевой, Е. Ю. Карачковой. — М.: МГИМО-ун-т, 2018. — 639 с.
12. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К — О / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз., 1983. — 736 с.
13. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. С — Я / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз., 1983. — 794 с.
14. Сотова, О. М. Уникальность явления таароф в персидском языке в контексте межкультурной коммуникации / О. М. Сотова // Гуманитарные технологии в современном мире. — Калининград: РАНХиГС, 2019. — С. 257—259.
15. Тарасенко, Т. В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Тарасенко. — Красноярск, 1999. — 24 с.
16. Тупикова, С. Е. Развитие бытового речевого этикета как функционально-семантической универсалии (на материале художественных текстов XIX—XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Е. Тупикова. — Волгоград, 2003. — 24 с.
17. Формановская, Н. И. Речевого этикет и культура общения / Н. И. Формановская. — М.: Высш. шк., 1989. — 159 с.
18. Формановская, Н. И. Речевого этикет в русском общении. Теория и практика / Н. И. Формановская. — М.: ВК, 2009. — 333 с.
19. Чернова, С. В. «Пранк» как речевого жанр развлекательного дискурса и его культурологический аспект / С. В. Чернова // Филол. науки в МГИМО. — 2019. — № 8. — С. 189—200.
20. Шаховский, В. И. Эмотивная валентность единиц языка и речи / В. И. Шаховский // Вопр. языкознания. — 1986. — № 6. — С. 97—103.
21. Шмелева, Т. В. Речевого жанр: опыт общепилологического осмысления / Т. В. Шмелева // Collegium. — 1995. — № 1—2. — С. 57—65.
22. Beeman, W. O. Language, Status and Power in Iran. Bloomington / W. O. Beeman. — Bloomington: Indiana Univ. Press, 1986.
23. Beeman, W. O. Emotion and Sincerity in Persian Discourse: Accomplishing the Representation of Inner States / W. O. Beeman // Intern. J. of the Sociology of Language. — 2001. — No. 148. — P. 31—57.
24. Koutlaki, S. A. Offers and expressions of thanks as face enhancing acts: ta'arof in Persian / S. A. Koutlaki // J. of Pragmatics. — 2002. — No. 34. — P. 1733—1756.
25. Nanbakhsh, G. Social constraints on Persian politeness ritual: Taarof / G. Nanbakhsh // Linguistic Politeness and Rudeness Conference. Lancaster: Lancaster Univ., 2009. — P. 55—56.
- [26.] علی اکبر دهخدا، لغت نامه دهخدا، جلد پنجم (تبوش - چاقور)، تهران: موسسه انتشارات و چاپ دانشگاه تهران، ۷۷۳۱، ۶۲.
- [27.] زورن فایکا، ادب و تعارف در ایران، پژوهشهای ایرانشناسی، سال ۶، شماره ۱، بهار و تابستان ۵۹۳۱، صص ۳۳۱—۵۱، ۷۲.
- فرهنگ فارسی (متوسط) شامل یک مقدمه و سه بخش: لغات، ترکیبات خارجی، اعلام حاوی: لغات و اصطلاحات فصیح و عامیانه فارسی (ایرانی و غیرایرانی)، ترکیبات خارجی، اعلام (نامهای بزرگان جهان، اسامی جغرافیایی، کتابها و فرقه های دینی) / تالیف محمد معین- تهران: امیرکبیر، ۲۶۳۱، ۲۴۳۱ - ۶ ج.: مصور (بخش رنگی)، نقشه، جدول، عکس- (سلسله فرهنگهای معین، ۳)
- [28.] احمد ایزدی، کاوشی در وجه تعارف ایرانی، نشریه پژوهش های زبان شناسی، سال دهم، شماره دوم، شماره ترتیبی ۹۱، پاییز ۹۲.
- [29.] زمستان ۷۹۳۱، صص ۲۸—۷۶
- فاطمه جعفری، ابوالقاسم غیاثی زراج، تعارف و روابط اجتماعی ایرانیان: مطالعه موردی تعارف در آموزش زبان فارسی به ۰۳.
- [30.] عنوان زبان دوم، زبان فارسی و گویش های ایرانی، سال سوم، دوره اول، بهار و تابستان ۷۹۳۱، شماره پیاپی ۵، صص ۲۱۱—۳۹

Сведения об авторах

Шафаги Марьям — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Университета им. Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран. shafaghi@atu.ac.ir, maryam.shafaghi@mail.ru

Загидуллина Марина Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. mzagidullina@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 130—138.*

CEREMONY AS A SPEECH GENRE IN THE ASPECT OF EMOTIVITY (BASED ON THE EXAMPLE OF PERSIAN AND RUSSIAN)

M. Shafaghi

Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran. shafaghi@atu.ac.ir, maryam.shafaghi@mail.ru

M.V. Zagidullina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. mzagidullina@gmail.com

In this article, the authors propose to consider some traditions of hospitality in Iranian culture as a speech etiquette genre “ceremony”. The authors compare the speech design of the communicative situation of sharing meal procedure in Russian and Persian-speaking cultures and summarize the key differences in the concept of “ceremony” (as a cultural and everyday phenomenon and speech etiquette genre) in terms of the emotive approach (pleasure, satisfaction). The theory of speech genres can be expanded to include individual elements of the context of the utterance as independent semiotic resources with emotive potential. The category of processuality (duration), which invariantly characterizes the speech etiquette genre “ceremony”, operates as an additional dimension of the genre and determines the rules of its speech design. Understanding the significance of the speech genre “ceremony” in Iranian culture allows communicants to avoid misunderstandings in the organization of intercultural interactions and achieve effective (emotionally positive) communication in the field of Russian-Iranian intercultural contacts.

Keywords: *speech genre “ceremony”, speech etiquette genres, politeness, sincerity, communicative ability, communicative competence, emotive potential of speech genre.*

References

1. Anisimova T.V. K voprosu o znachenii termina “rechevoy zhanr” [On the meaning of the term “speech genre”]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva* [Bulletin of V.N. Tatishchev Volga State University], 2019, vol. 1, no. 1, pp. 104-111. (In Russ.).
2. Balakay A.G. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. Moscow, AST-Press, 2001. 672 p. (In Russ.).
3. Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. *Sobranie sochineniy. T. 5* [Collected works. Vol. 5]. Moscow, Russkie slovari, 1996. Pp. 159-206. (In Russ.).
4. Gogol' N.V. Mertvye dushi. Tom pervyi [Dead Souls. Volume One]. *Polnoe sobranie sochinenii v 14 t. T. 6* [Collected works in 14 vol, vol. 6]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1937-1952. (In Russ.).
5. Gol'din V.E. *Etiket i Rech'* [Etiquette and Speech]. Moscow, URSS, 2009. 115 p. (In Russ.).
6. Dement'ev V.V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (In Russ.).
7. Elina E.G. Ustnyi rasskaz studenta-aktivista kak rechevoy zhanr [Oral story of an activist student as a speech genre]. *Zhanry rechi* [Speech genres], 2019, no. 3 (23), pp. 193-199. (In Russ.).
8. Zakharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. *Novyi slovar' inostrannykh slov: svyshe 25 000 slov i slovosochetaniy* [New Dictionary of Foreign Words: over 25,000 words and phrases]. Moscow, Azbukovnik, 2008, 1040 p. (In Russ.).
9. Larina T.V. *Kategoriya veshlivosti v angliiskoi i russkoi kommunikativnykh kul'turakh* [Politeness category in English and Russian communicative cultures]. Moscow, Izdatel'stvo RUDN, 2003. (In Russ.).
10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka. Okolo 57 000 slov* [Dictionary of the Russian language. About 57,000 words]. Moscow, Russkii yazyk, 1988. (In Russ.).
11. Prokof'eva I.T., Karachkova E.Yu. (eds.). *Vkus Vostoka. Gastronomicheskie traditsii v istorii, kul'ture i religiyakh narodov Azii i Afriki* [Taste of the East. Gastronomic traditions in the history, culture and religions of the peoples of Asia and Africa]. Moscow, MGIMO-universitet. 639 p. (In Russ.).

12. Evgen'eva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka v 4 t. T. 2* [Dictionary of the Russian language in 4 vol.]. Vol. 2. K-O. Moscow, Russkii yazyk, 1983. 736 p. (In Russ.).

13. Evgen'eva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka v 4 t. T. 4* [Dictionary of the Russian language in 4 vol.]. Vol. 4. S-Ya. Moscow, Russkii yazyk, 1983. 794 p. (In Russ.).

14. Sotova O.M. Unikal'nost' yavleniya taarof v persidskom yazyke v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii [The uniqueness of the taarofic phenomenon in the Persian language in the context of intercultural communication]. *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennom mire* [Humanitarian technologies in the modern world]. Kaliningrad, RANKhIGS, 2019. Pp. 257-259. (In Russ.).

15. Tarasenko T.V. *Etiketnye zhanry russkoy rechi: blagodarnost', izvinenie, pozdravlenie, soboleznovanie* [Etiquette genres of Russian speech: gratitude, apology, congratulation, condolences. Abstract of thesis]. Krasnoyarsk, 1999. 24 p. (In Russ.).

16. Tupikova S.E. *Razvitie bytovogo rechevogo etiketa kak funktsional'no-semanticheskoi universalii (na materiale khudozhestvennykh tekstov XIX-XX vv.)* [Development of everyday speech etiquette as a functional-semantic universal (based on the material of literary texts of the 19th — 20th centuries). Abstract of thesis]. Volgograd, 2003. 24 p. (In Russ.).

17. Formanovskaya N.I. *Rechevoy etiket i kul'tura obshcheniya* [Speech etiquette and communication culture]. Moscow, Vysshaya shkola, 1989. 159 p. (In Russ.).

18. Formanovskaya N.I. *Rechevoy etiket v russkom obshchenii. Teoriya i praktika* [Speech etiquette in Russian communication. Theory and practice]. Moscow, VK, 2009. 333 p. (In Russ.).

19. Chernova S.V. "Prank" kak rechevoy zhanr razvlekatel'nogo diskursa i ego kul'turologicheskii aspekt ["Prank" as a speech genre of entertaining discourse and its cultural aspect]. *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philological Sciences at MGIMO], 2019, no. 8, pp. 189-200. (In Russ.).

20. Shakhovskii V.I. Emotivnaya valentnost' edinits yazyka i rechi [Emotional valency of units of language and speech]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics], 1986, no. 6, pp. 97-103. (In Russ.).

21. Shmeleva T.V. Rechevoy zhanr: opyt obshchafilologicheskogo osmysleniya [Speech genre: the experience of general philological understanding]. *Collegium*, 1995, no. 1-2, pp. 57-65. (In Russ.).

22. Beeman W.O. *Language, Status and Power in Iran*. Bloomington, Indiana University Press, 1986.

23. Beeman W.O. Emotion and Sincerity in Persian Discourse: Accomplishing the Representation of Inner States. *International Journal of the Sociology of Language*, 2001, no. 148, pp. 31-57.

24. Koutlaki S.A. Offers and Expressions of Thanks as Face Enhancing Acts: Tæ'arof in Persian. *Journal of Pragmatics*, 2002, no. 34, pp. 1733-1756.

25. Nanbakhsh G. Social Constraints on Persian Politeness Ritual: Taarof. *Linguistic Politeness and Rudeness Conference*. Lancaster, Lancaster University, 2009. Pp. 55-56.

26. Dehkhoda A.-A. (1377 (1999)). *Loghat-nameh Dehkhoda* [Dehkhoda dictionary]. Jeld 5. (taboosh - chaghvar) [Volume 5 (Aggressive - Knife)]. Tehran, Moaseseh entesharat va chap daneshghah-e Tehran. (In Persian).

27. Faika Z. (1395 (2016)). Adab va taarof-e dar iran [Courtesy in Iran]. *Pazhoohesh-haie iranshenasi* [Iranian Studies]. Sal-e 6, shomareh 1, bahar va tabestan-e, pp. 105-133. (In Persian).

28. Moin M. (ed.). (1342-1362 (1964-1984)). *Farhang-e farsi (motevaset) shamel-e iek moghadameh va 3 bakhsh: loghat, tarkibat-e khareji, elam-e havi-e: loghat va estelahat fasih va amianeh farsi (irani va geir-e irani), tarkibat-e khareji, elam (nam-haie bozorgan, asami-e joghrafiyai, ketabha va ferghehha-ie dini)* [Persian (Medium) Culture includes an introduction and three sections: Vocabulary, Foreign Compositions, Declaration Containing: Foolish and Folk Persian (Iranian and Non-Iranian) Vocabulary and Idioms, Foreign Compositions, Declaration (World Names, Geographical Names, Books and Religious Sects)]. 6 Volumes: mosavar (bakhsh-e rangi), naghshah, jadval. Aks.- (selseleh farhang-haie moin, 3). Tehran, Amir Kabir. (In Persian).

29. Izadi A. (1397 (2019)). Kavoooshi dar vajh-e taarof-e irani [Exploring the Iranian compliments]. *Nashrieh-ie pazhoohesh-hai-e zaban-shenasi* [Journal of Linguistic Research], Sal-e 10, no. 2, shomareh tartibi 19, pp. 67-82. (In Persian).

30. Jafari F., Giasi-Zrach A. (1397 (2018)). Taarof va ravabet-e ejtemai Iranian: motalee moredi taarof dar amoozesh-e zaban-e farsi be onvan-e zaban-e dovom [Iranian Interpretation and Social Relations: A Case Study of Interpretation in Teaching Persian as a Second Language]. *Zaban-e farsi va ghooieshhaie irani*. Sal-e sevom, Doreh avval, Bahar va tabestan, Shomareh paiapei 5, pp. 93-112. (In Persian).

СОПОСТАВЛЕНИЕ СЕМИОТИЧЕСКОЙ И РИТМОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ РИТМА И СВЯЗАННЫХ С НИМ ЗНАКОВЫХ СТРУКТУР

Д. Л. Шкарин¹, Е. В. Шелестюк²

¹Центр развития тренинговых технологий, Екатеринбург, Россия

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Сопоставляются ритмологическая и семиотическая интерпретации статуса знаковых структур с целью обнаружения как общих моментов, так и уникальной специфики ритмологической трактовки знака, ритма и языка. Авторы показывают, что полноценное теоретическое осмысление практик ритмологии требует учета внутренних онтологических установок, составляющих ритмологическую картину мира.

Ключевые слова: *знак, ритм, язык, трансформатив, ритмология, психолингвистика, семиотика, дискурсивная практика.*

«Ритмометод 7P0», являясь комплексом дисциплин, объединенных общей методологией изучения отношений человека и времени, по своему внешнему характеру может напоминать оригинальную психотехническую практику, построенную на психолингвистических и семиотических основаниях. Этому прежде всего способствует то обстоятельство, что в основу метода заложено понятие ритма как темпоральной языковой структуры. На этих основаниях Е. Д. Лучезарновой (Марченко) разработана комплексная дисциплина, которая позволяет в рамках локальных процедур решать различные практические задачи, подробные данные по которым приводятся в монографии О. В. Алимовой и Н. Т. Цимакуридзе «Опыт применения Ритмометода 7P0 Евдокии Лучезарновой. По материалам качественных и количественных исследований» [1]. Согласно проведенным исследованиям на выборке из 702 человек в 2016—2017 гг. у респондентов, отобранных по возрастным, социальным, профессиональным и прочим признакам, получены статистически значимые показатели изменения общего физического, эмоционального и интеллектуального состояний при регулярном обращении к ритмометоду. Кроме этого, выявлены и качественные изменения в самих жизненных ситуациях опрошенных респондентов.

Основную сложность при содержательной интерпретации полученных данных составляет расхождение между онтологическими представлениями автора метода и общепринятой картиной мира, формирующейся внутри естественных наук и оказывающей, в свою очередь, влияние на гуманитарное знание. В то же время более глубокое по-

гружение в содержание метода показывает, что он имеет ряд качественных отличительных особенностей, которые требуют во избежание редуционистских эффектов своего обязательного учета при анализе ритмологии в русле семиотических и психолингвистических подходов. В данной статье мы выделим серию специфических моментов, которые необходимо учитывать при неритмологической интерпретации таких традиционных семиотических понятий, как знак, ритм, язык, в контексте их использования внутри ритмологического дискурса. В дальнейшем мы будем обозначать принадлежность ритмологическому дискурсу написанием термина с прописной буквы.

В качестве методологического подхода мы используем герменевтический метод воссоздания картины мира, стоящей за текстом, на основе авторских интерпретаций. Это наиболее экологичный способ приближения к аутентичному пониманию локального дискурса без редукции его к внешним онтологиям. Таким образом, приведенные ниже рассуждения имеют характер предварительных гипотез и эвристик, которые могут быть полезны при выстраивании методологии дальнейших исследований.

Ритмологический статус Ритма в свете семиотики

В лингвистическом аспекте ритм представляет собой ритмизованный текст под авторством Е. Д. Лучезарновой, выполненный в жанре свободного стиха и приближенный к стилистике поэтических текстов серебряного века русской поэзии. В Ритмах можно найти множество стилистических

и тематических переключек с традициями символизма, футуризма и современного авангардного искусства, а также выделить новаторские приемы и мотивы, отражающие уникальные черты авторского стиля.

Тематическое содержание Ритмов крайне разнообразно и охватывает широкий спектр явлений — от отдельных философских размышлений и описания локальных исторических событий до воссоздания эволюции в космологических масштабах. В качестве примера возьмем лаконичный ритм «Светопись»:

СВЕТОПИСЬ

Священное перо имеет отраженье.

Бессильна тень,

держая перо желанием опоры.

Светописью писанное исполнится.

1.10.96 [5. С. 184]

Приведенный пример Ритма имеет непривычную структурную организацию и прозрачный образный строй, позволяющий даже неподготовленному читателю без труда достраивать смысловые и ассоциативные связи, находить собственные решения от схватывания буквального смысла описываемой ситуации до воссоздания сложных метафорических соответствий в рамках очевидной темы причинно-следственных отношений. Если к тому же читатель имеет более близкое отношение к «методу 7P0», то он сумеет найти и дополнительные смысловые переключки с общим контекстом метода, его понятийной базой и картиной мира, включая представления о световой вселенной, законах отражения и первопричинах. Кроме того, у него появляются дополнительные возможности использования Ритма в специфических дискурсивных практиках ритмометода. Иными словами, до этого момента все предельно понятно, и общая линия анализа ничем принципиально не отличается от линии анализа любой другой знаковой структуры внутри определенной дискурсивной практики. Но, как ни странно, эта линия проходит мимо сущности Ритма как такового.

Основное отличительное свойство Ритмов кроется не в их языковом или содержательном своеобразии, а в особом онтологическом статусе Ритма, как он постигается в рамках «метода 7P0». Согласно этому методу, языком Ритмов говорит сам космос. Это означает, что Ритмы не только не являются случайным порождением человеческого творчества, но, наоборот, световая вселенная творится ими. В соответствии с ритмологической онтологией управляющей субстанцией всей материальной

вселенной является время (понятое особым образом как самосушащая реальность). Ритмы являются собой чистую субстанцию ритмовремени, извлекаемую ими из событийного времени и оформленную в словах. В этом плане в отличие от обычных текстов Ритм имеет двойную природу. Одной стороной он полностью совпадает со знаковыми структурами обычной человеческой речи и соответствует нормам языкового употребления, другой стороной Ритм выходит и выводит за пределы проявленной вселенной в вечность, где словесная форма как таковая становится излишней. Ритм переоформляется в чистую субстанцию лучевой вселенной, в терминологии Е. Д. Лучезарновой. Луч же в отличие от световых и звуковых волн мгновенен и не нуждается в пространственно-временных развертках.

Именно эта двойственная природа Ритма и составляет основную сложность при его стандартной семиотической интерпретации. Под стандартной процедурой мы подразумеваем установление однозначных соответствий в связке «имя — значение — предмет», где язык рассматривается прежде всего как орудие мышления (инструмент наименования, абстрагирования и категоризации опыта). Этот предельно обобщенный вариант рассмотрения знаковой системы преимущественно выявляет номинативные отношения, сводящиеся исключительно к накоплению, передаче и хранению информации о чем-либо, что можно понимать как внешнее условное *отношение отражения и выражения*. Так появляется и закрепляется традиционный семантический треугольник, инвариантно просвечивающий через разнообразные модели языковой единицы: знак — значение / план выражения — смысл / план обозначения (Г. Фреге), термин — интенционал / содержание понятия — экстенционал / объем понятия (Ф. Карнап), слово — понятие / сигнификат — денотат / предмет (Ч. Огден, А. Ричардс) [9]. Поскольку в различных семиотических моделях идентичные термины зачастую смещены относительно друг друга, мы будем использовать максимально упрощенную, унифицированную модель знака: имя — значение — предмет, упуская более тонкие различия наподобие коннотативного значения.

Если первая, знаковая сторона Ритма (Ритм как знаковая структура) легко раскладывается в рамках привычных семиотических моделей, построенных по принципу классического треугольника (имя — значение — предмет) в различных его вариациях, то вторую сторону Ритма (Ритм как время) сред-

ствами традиционной семиотики и лингвистики уловить непросто. Рассмотрим более детально, с чем связаны эти трудности.

Прежде всего ритмологическая интерпретация Ритма предельно далека от номинативной стороны знака и соответствующей ей проблематики *внешнего отношения* языка и мира. В книге «Знакомься, знак! Знакомьтесь — знаки!» Е. Д. Лучезарнова определяет Ритм как «звуко-буквенно-словарно-информационный блок, содержащий в себе время» [Цит. по: 5. С. 3]. Из первой части определения следует, что Ритм может трактоваться как информационный блок в рамках только что рассмотренного треугольника, то есть как традиционная семиотическая система. Вторая же часть определения указывает на несемиотическое отношение: содержание времени. Если мы принимаем онтологический постулат ритмологии, что предметный событийный мир организуется и разворачивается в пространстве из времени, а не наоборот, то структура, организующая и содержащая в себе само время, выводится даже за пределы событийного времени. «Постепенно Ритмовремя опережает событийное время и управляет им» [3. С. 34]. Таким образом, Ритм в отличие от простой информационной системы уже не принадлежит порядку событийного мира, хотя и организует его. В этой связи возникает естественный вопрос, какой тип семиотических отношений связывает Ритм со временем и являются ли они семиотическими. В книге «Ритмология: неделю за неделю» мы встречаем следующий ответ: «Ритм — время, оформленное в оболочку пространства, знаний, памяти, энергии, информации, то есть в оболочку своих соседей» [6. С. 3]. Таким образом, мы видим два типа отношений: 1) онтологическое тождество Ритма и времени; 2) оформление этого тождества через пространство, знания, память, энергию, информацию. Ни то ни другое отношения не являются стандартно семиотическими, то есть не опосредованы знаковыми структурами, хотя и выполнены на материале естественного языка. Другими словами, данные отношения никак не выводятся из формальной и содержательной структуры Ритма. В приведенном примере Ритма «Светопись» связь «Ритм — время» не задается ни его организацией, ни содержанием, даже если мы и построим вполне конкретные смысловые связки относительно того, что говорится в тексте, посчитав, например, Ритм автореферентным, то есть говорящим о себе самом. В этом варианте Ритм сам ставит читателя в положение «исполнения писанного». Но в любом

случае, следует признать, что Ритм определяется как Ритм безотносительно содержания текста, а онтологическая связь Ритма и времени устанавливается независимо от того, идет в тексте речь о времени или нет. В ином случае сообщение о положении дел, не являясь положением дел, остается лишь стандартным семиотическим отношением в рамках номинативной функции. Таким образом, определение особого семиотического статуса текста задается прежде всего предварительной осведомленностью об этом статусе как частью контекстуального знания вне зависимости от формы и содержания текста.

Именно потому и возможно непроизвольное удивление при сравнении стихотворения с молитвой или Ритма с поэзией, что мы предварительно уже различили между собой онтологическую природу молитвы, стихотворения или Ритма внутри определенных дискурсивных практик вне зависимости от того, что они используют одну и ту же языковую систему. Осознание глубинных оснований этих различий и есть предмет для всестороннего семиотического и психолингвистического анализа дискурсивных практик. И при таком подходе исследователь уже не волен по своему произволу определять, что имеет семиотическое значение в исследуемом объекте, а что является случайным элементом контекста. Скорее, наоборот, объект изучения должен априори пониматься как объемное явление, где нет ничего случайного. Например, указание на первое октября в датировке Ритма «Светопись» может стать основным значащим элементом при фокусировке прочтения.

В этом месте возникает еще одна ловушка, которая может затемнить суть ритмологической интерпретации Ритма. Дело в том, что поскольку семиотические отношения устанавливаются не только внутри естественных или искусственных языковых систем, то может возникнуть соблазн упрощенной семиотической интерпретации Ритма через расширенные классификации знаков, включающие внеязыковые знаки. В наиболее известной классификации Ч. Пирса знаки разделяются на иконические знаки-образы (подобия или копии означаемого), знаки-индексы (элементы означаемой ситуации, смежные в пространстве и времени) и знаки-символы (условные заместители означаемого на основе договоренности) [9. С. 66]. Поскольку языковые системы построены преимущественно из конвенциональных, условных знаков-символов, имеет смысл обратиться к неязыковым (неконвенциональным) знакам-индексам и знакам-образам,

форма которых так или иначе мотивирована онтологическими отношениями между означающим и означаемым. Так, например, мы можем указать на метафорическое восприятие реки как знака времени, и в таком случае река вступит в семиотическое отношение как иконический знак времени. Онтологизация же этого отношения может породить интерпретации в духе систем философского реализма идеалистических течений мысли и мистицизма (пифагорейская школа, платоники и неоплатоники, гностицизм). Но отношение подобия (оригинала и копии) противоречит пониманию Ритма как носителя, капсулы и гранулы времени, являющемуся центральным положением метода. Ритм не напоминает время, а сам непосредственно является временем, и это онтологический постулат ритмологии, который мы вольны принимать или не принимать, но учитывать должны обязательно. То есть Ритм не описывает и не отображает время, а собирает и распределяет его. Кроме того, сами вещи, процессы и события не являются отражениями или отображениями Ритма, словно бы он был их идеей, как и он сам не является их отражением или отображением, хотя Ритмовремя может использовать событийное время и обычные события для своего отражения и отображения. Например (развивая пример с рекой), тот факт, что прочтение Ритма совпало с созерцанием реальной реки, скажет о природе Ритма и времени в ритмологической интерпретации существенно больше, чем сложнейшие философские спекуляции на основе семантических связей текста.

Еще один вариант трактовки Ритма как знака-индекса также в определенных обстоятельствах может хорошо соотноситься с ритмологической позицией, поскольку в знаке-индексе означающее и означаемое являются причастными друг другу в рамках объективных систем отношений: часть — целое, причина — следствие, явление — свойство и т. п. Если мы показываем на наручные часы, сигнализируя собеседнику о том, что спешим, то часы мгновенно вступают в семиотические отношения как знак-индекс времени, так как имеют непосредственное отношение к измерению времени. Точно так же мелодия может явиться знаком-индексом определенных свойств времени как темпоральная структура, в которую погружено наше сознание в момент ее прослушивания. В этом смысле Ритм тоже является темпоральной, ритмической структурой, как мелодия или стихотворение, но не этот аспект делает Ритм Ритмом. Во всех перечисленных вариантах знаки представляют собой тот или

иной аспект представляемого явления, но сами системы отношений упускают основное свойство — быть онтологически тождественным времени как таковому, то есть содержать в себе саму субстанцию времени.

В этом плане необходимо подчеркнуть, что корни ритмологической системы погружены в особый тип философского мировоззрения, предлагающего радикально иные семиотические отношения в самой действительности, которые мы можем условно обозначить как манифестационизм (способность одного непротиворечиво пребывать в другом, оставаясь собой). Данный тип мировоззрения стал особенно актуален во второй половине XX в., когда революционные сдвиги в физических науках значительно пошатнули классические представления о мире. На передний план обсуждений вышли дискуссии о нелокальности, голографическом устройстве вселенной и многомировых интерпретациях квантовых парадоксов.

Но эти же парадигмы способны радикально перевернуть и многие привычные семиотические отношения. Вселенная обретает дар слова, с ней становится возможным вступить в диалог и быть услышанным. Языки и алфавиты выходят за узкие рамки исключительно человеческой коммуникации, превращаясь в трансцендентные шифры вселенной [4; 12]. То, что мы называем вещью, внезапно может стать самым символом, требующим своего уникального знакопрочтения.

Поведанная в символогии М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского история об индийце, которого не кусают змеи, поскольку он знает их символ, сегодня уже не кажется столь фантастичной в свете представлений о возможностях расширения разума за рамки человеческого [4]. Именно эта парадигма позволяет в рамках неклассических картин мира трактовать весь мир как текст, но текст, требующий владения определенными *безусловными* ключами и шифрами, безусловными не в своей догматичной всеобщности, а в плане исключительной бытийной целесообразности в рамках уникальности каждой конкретной ситуации. Соответственно, правильное семиотическое прочтение мира имеет обязательный онтологический характер, неминуемо ведущий к бытийной трансформации мира. А дискурс приобретает статус трансформатива, способный воздействовать на любые аспекты бытия, поскольку «светописьмо писанное исполнится».

Важнейшей методологической причиной слабой чувствительности инструментов традиционного семиотического анализа к возможностям парадиг-

мы манифестационизма, на наш взгляд, является укорененная экстравертированная установка новейшей европейской технократической цивилизации, коррелирующая с инструментальным и потребительским отношением к миру, что неминуемо оборачивается для человека инструментализацией и собственного разума, становящегося нечувствительным к непредсказуемой и многоплановой игре бытийных потоков. В результате многие тонкие различия внутри разума, очевидные для культур с богатым медитативным опытом, либо не замечаются, либо отбрасываются как мистические и паралогические. Поэтому в современных гуманитарных науках до сих пор царит путаница в вопросах определения сознания, различения мышления и сознания, не говоря уж о систематическом исследовании уровней сознания, которые, по странной логике европейской цивилизации, наиболее полно изучаются в своих дисфункциональных аспектах в психиатрическом дискурсе. По этой же причине многоуровневые и многомерные пространства разума, открываемые ритмологией, не говоря уж о нюансировке восприятия непроявленных реальностей, отражаемых в знаковых структурах, либо остаются без внимания, либо редуцируются к простейшим феноменам самовнушения, либо инструментализируются подобно технологиям нейролингвистического самопрограммирования.

Таким образом, описывая изоморфизм и эквивалентность знаковых структур в «методе 7P0» структурам естественных языков (поэтическим текстам, романам, аффирмациям, молитвам, алфавитам, правилам знаковых преобразований и т. д.), необходимо помнить о вторичности этих соответствий, поскольку первичным системообразующим отношением является именно живое онтологическое отношение ритмоязыка и времени, вывести которое из семиотики знаковых систем средствами самой семиотики пока не представляется возможным.

Важно отметить, что любая знаковая система, именуемая предметный мир, сама вписана в порядок этого же предметного мира, за счет чего позволяет надстраивать над собой неограниченное число метаязыковых уровней. В результате может возникнуть соблазн трактовать язык ритмологии как вторичную языковую систему (искусственный язык), надстраиваемую над естественным языком за счет трансформации, перекодирования и расширения его исходных элементов, но в рамках все той же самой предметной логики, что будет

явным редуцирующим упрощением самой сути явления, сведением всего нового к уже известному [2; 10; 11]. Методология же, построенная на принципе *сведения неизвестного к уже известному*, рискует превратиться в «бессильную тень, держащую перо желанием опоры», когда объект интерпретации постоянно ускользает от средств его фиксации. И единственным способом вернуть его становится внимательное следование за объектом.

В настоящее время в философском и методологическом дискурсе все чаще раздаются голоса, что постулат о произвольности знака и условности речи постепенно заточил человека в тюрьму бесконечной симуляции самого себя в окружении собственных же симулякров. Приведем в завершение созвучное размышление отечественного философа А. Н. Павленко из его работы «Пределы интересубъективности. Критика коммуникативной способности обоснования знания». А. Н. Павленко предложил различать слова-вещи, относящиеся к живому человекомиру и произвольные формальные знаки, поскольку «коммуникация стимулирует появление «ощущения произвольности наименования». Произвольности в том смысле, что сначала — в рациофундаментализме Декарта — роль «мира» в этом деле заменили человеку его собственный разум и рассудок, а в коммуникативной программе — где разум и рассудок поражены в своих правах — предпочтение отдается «коммуникативной практике», то есть коммуникативному действию. А какое отношение имеет коммуникация к обсуждаемой классификации слов и знаков? Думается, прямое. В самом деле, если праязык человекомира позволял общаться человеку со всем миром и его частями, то после его разрушения и сама коммуникация замыкается на «человеческой и только человеческой коммуникации». Сама современная коммуникация осуществляется под знаком антрополатрии» [8. С. 159].

Антрополатрия, понимаемая здесь как абсолютизация антропоцентризма, проявление человеческого эгоцентризма и высокомерия, на самом деле не возвышает, а нивелирует человека, обедняя его жизненные потенции. Отмечается прогрессирующее отчуждение человека от мира, когда живое общение с миром все чаще подменяется заикливанием на воспроизводстве стандартных и зачастую огрубленных коммуникативных клише массовой культуры. В этом контексте сам посыл научиться слышать Вселенную и говорить с ней на ее же языке начинает обретать новое гуманистическое звучание.

В противовес упрощенным семиотическим средствам коммуникации человека «метод 7P0», как представляется, наполнен знаковыми системами, включающими многоуровневые высокоорганизованные ритмоязыки с собственными алфавитами и правилами их преобразования, эволюционирующие иерархии Ритмов, тщательно продуманные

практики использования Ритмовремени, многообразные живые словесные субстанции и формы знакопрочтения. Поэтому, на наш взгляд, «метод 7P0» представляет определенный интерес как многомерный объект для дальнейших исследований в русле семиотики, дискурсивного анализа и психолингвистики.

Список литературы

1. Алимova, О. В. Опыт применения Ритмометода 7P0 Евдокии Лучезарновой. По материалам качественных и количественных исследований / О. В. Алимova, Н. Т. Цимакуридзе. — СПб. : Петрополис, 2019. — 104 с.
2. Лучезарнова, Е. Д. Откровенное знакомство. Т. 1. / Е. Д. Лучезарнова. — СПб. : Ритмовзлёт, 2015. — 216 с.
3. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. — М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1997. — 224 с.
4. Марченко, Е. Д. Звездные ритмы времени. Т. 5 / Е. Д. Марченко. — СПб. : РАДАТС, 2008. — 256 с.
5. Марченко, Е. Д. Знакомься, знак! Знакомьтесь — знаки! / Е. Д. Марченко. — М. : Ритм 25, 2010. — 224 с.
6. Марченко, Е. Д. Ритмология: неделя за неделей 1. Человек, умеющий читать / Е. Д. Марченко. — СПб. : РАДАТС, 2008. — 280 с.
7. Павленко, А. Н. Пределы intersubjectivity (критика коммуникативной способности обоснования знания) / А. Н. Павленко. — СПб. : Алетей, 2012. — 280 с.
8. Степанов, Ю. С. Семиотика: Антология / Ю. С. Степанов. — М. : Академ. проект ; Екатеринбург : Деловая кн., 2001. — 702 с.
9. Тарасенко, В. В. Фрактальная семиотика / В. В. Тарасенко. — М. : Либроком, 2009. — 232 с.
10. Шилов, С. Е. Риторическая теория числа / С. Е. Шилов. — М. : ЛЕНАНД, 2013. — 800 с.
11. Эпштейн, М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук / М. Н. Эпштейн. — М. : Новое лит. обозрение, 2017. — 1100 с.

Сведения об авторах

Шкарин Дмитрий Леонидович — методист центра развития тренинговых технологий, Екатеринбург, Россия. shkarindmit@yandex.ru

Шелестюк Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. shelestiuk@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 139—145.*

COMPARISON OF THE SEMIOTIC AND RHYTHMOLOGICAL INTERPRETATION OF RHYTHM AND RELATED SIGN STRUCTURES

D.L. Shkarin

Centre for the development of training technologies, Yekaterinburg, Russia. shkarindmit@yandex.ru

E.V. Shelestyuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. shelestiuk@yandex.ru

The article compares the semiotic and rhythmological (7P0 Rhythm Method) interpretation of the Rhythm verse. Interest to the semiosis of Rhythm is dictated by two considerations. First, sign-symbolic structures have an important ontological significance in the verbally expressed rhythmological picture of the world, repre-

sented in numerous works of E.D. Luchezarnova. Secondly, the specific practices included in the 7P0 Rhythm Method are semiotic procedures associated with various types of manipulation with sign-symbolic structures. At the same time, we observe that the use of semiotic terms within rhythmology often implies a radical redefinition of relatively significant meanings, combining the ontological and semiotic understanding of relevant concepts. The article proves that a full theoretical understanding of such a complex systemic object as rhythmology requires taking into account the internal ontological settings that make up the rhythmological picture of the world, which, in turn, may sophisticate the use of semiotic tools.

Keywords: *sign, rhythm, language, transforming, rhythmology, psycholinguistics, semiotics, discursive practice.*

References

1. Alimova O.V., Tsimakuridze N.T. *Opyt primeneniya Ritmometa 7R0 Evdokii Luchezarnovoj. Po materialam kachestvennyh i kolichestvennyh issledovanij* [Experience with the use of the 7P0 Rhythm Method by Evdokia Luchezarnova. Based on materials of qualitative and quantitative research]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2019. 104 p. (In Russ.).
2. Luchezarnova E.D. *Otkrovennoe znakomstvo. T. 1* [Frank introduction. Vol. 1]. St. Petersburg, Ritmovzlyot, 2015. 216 p. (In Russ.).
3. Mamardashvili M.K., Pyatigorskij A.M. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simbolike i yazyke* [The Character and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoj kul'tury", 1997. 224 p. (In Russ.).
4. Marchenko E.D. *Zvezdnye ritmy vremeni. T. 5* [Stellar rhythms of time. Vol. 5]. St. Petersburg, RADATS, 2008. 256 p. (In Russ.).
5. Marchenko E.D. *Znakom'sya, znak! Znakom'tes' — znaki!* [Meet the sign, meet the signs]. M., Ritm 25, 2010. 224 p. (In Russ.).
6. Marchenko E.D. *Ritmologiya: nedelya za nedelej 1. Chelovek, umeyushhij chitat'* [Rhythmology: week after week 1. A man who can read]. St. Petersburg, RADATS, 2008. 280 p. (In Russ.).
7. Pavlenko A.N. *Predely intersub'ektivnosti. Kritika kommunikativnoj sposobnosti obosnovaniya znaniya* [The limits of intersubjectivity. Criticism communication skills for the justification of knowledge]. St. Petersburg, Aletejya, 2012. 280 p. (In Russ.).
8. Stepanov Yu.S., Proskurin S.G. *Konstanty mirovoj kul'tury. Alfavitnyye teksty v periody dvoeveriya* [Constant of the world culture. Alphabets and alphabetic texts in the period of the dual religion]. Moscow, Nauka, 1993. 156 p. (In Russ.).
9. Tarasenko V.V. *Fraktal'naya semiotika* [Fractal semiotics]. Moscow, Librokom, 2009. 232 p. (In Russ.).
10. Shilov S.E. *Ritoricheskaya teoriya chisla* [Rhetorical number theory]. Moscow, LENAND, 2013. 800 p. (In Russ.).
11. Epshtejn M.N. *Proektivnyj slovar' gumanitarnyx nauk* [Projective dictionary of Humanities]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 1100 p. (In Russ.).

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Т. А. ВОЛКОВОЙ
«ОТ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА К СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА»
(МОСКВА: ФЛИНТА, 2016. 304 С.)**

С. А. Путина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследования, посвященные моделированию процесса перевода, актуальны для теории, практики и дидактики перевода, поэтому фундаментальные работы современных теоретиков и практиков переводоведения, в которых представлен анализ особенности моделей и стратегий перевода, представляются весьма востребованными. Монографические исследования в области перевода, учитывающие новейшие направления как лингвистики, так и переводоведения, основанные на интегральном подходе к выработке модели и стратегии перевода, апробированные в процессе преподавания письменного и устного перевода, вносят вклад в теорию, практику и дидактику перевода. Полагаем, что к таким работам по праву относится рецензируемая монография руководителя Челябинского регионального отделения Союза переводчиков России, члена правления Союза переводчиков России, доцента Челябинского государственного университета Т. А. Волковой.

Исследование посвящено описанию авторской дискурсивно-коммуникативной модели перевода, подробному теоретико-методологическому обоснованию дискурсивно-коммуникативного подхода к переводу институциональных текстов и применению предложенной модели и стратегии в процессе преподавания. В работе систематизированы принципы моделирования перевода, рассмотрены определения понятий «модель перевода», «стратегия перевода», представлено авторское видение рассматриваемых понятий.

Монография Т. А. Волковой адресована не только профессиональным переводчикам, преподавателям, аспирантам и студентам языковых факультетов, но и широкому кругу читателей, поскольку написана доступным языком, сопровождается наглядными таблицами и схемами.

На современном этапе развития лингвистики и ее разделов, включающих теорию и практику перевода, оправданным считаем утверждение автора об изменении представления о моделировании языка и перевода. Вслед за теоретиком перевода

Л. М. Алексеевой автор работы справедливо полагает, что основными характеристиками моделей становятся междисциплинарность, интегративность, универсальность, когнитивная и деятельная природа, коммуникативный характер, полипарадигмальность [С. 6 монографии].

Целью исследования является обоснование дискурсивно-коммуникативной модели перевода и ее параметров как основы дискурсивно-коммуникативного подхода к переводу. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода, основанная на взаимосвязанных параметрах текста, дискурса и коммуникации, применима как в практике письменного перевода текстов институциональной сферы при формировании переводческой стратегии на всех этапах перевода, в практике устного перевода при подготовке к переводу и для анализа результатов, так и в дидактике перевода при обучении письменному и устному переводу. Подчеркнем открытость предложенной Т. А. Волковой модели к использованию дополнительных параметров в аспекте дискурсивно-коммуникативного подхода.

В рецензируемой монографии впервые принята и удачно осуществлена попытка изучить и систематизировать основные принципы моделирования перевода с целью интегрировать их с современными междисциплинарными исследованиями, выявить ключевые составляющие моделирования перевода. Т. А. Волкова ввела в научный оборот и подробно описала понятие «дискурсивное досье», которое создается переводчиком средствами предложенной модели в качестве основы для формирования стратегии перевода текстов, отражающих рассмотренные в работе виды институционального дискурса.

Большой объем материала исследования (5560 страниц устных и письменных текстов институционального дискурса), включающий дипломатический дискурс, дискурс переговоров, массово-информационный, научный (научно-популярный), педагогический, политический, экскурсионный, юридический дискурсы, позволил

автору апробировать и верифицировать предлагаемую модель перевода. Единицей исследования является текст в его тесной связи с дискурсом и коммуникацией.

Применение общенаучных методов наряду с комплексом лингвистических подходов (коммуникативно-деятельностного, когнитивно-дискурсивного, функционально-стилистического), методов лингвистического моделирования, контекстуального и дискурсивного анализа позволило автору работы предложить и разработать интегральную дискурсивно-коммуникативную модель перевода.

Структура исследования Т. А. Волковой логична, позволяет проследить переход от теоретического обоснования основных положений авторской концепции до ее раскрытия и практического применения.

В первой главе работы «Дискурсивно-коммуникативная модель перевода как аналитический инструмент в работе переводчика» подробно описаны и систематизированы общие и междисциплинарные принципы моделирования процесса перевода, подходы к определению понятий «модель перевода», «стратегия перевода». Убедительны обзор подходов к исследованию институционального дискурса и изложение принципов организации и функционирования авторской дискурсивно-коммуникативной модели перевода. Интерпретативный, объяснительный характер предложенной Т. А. Волковой дискурсивно-коммуникативной модели перевода описывает действия переводчика, предлагает вариативный набор параметров дискурса, позволяет сформировать стратегию перевода. Процесс перевода в предлагаемой модели носит циклический характер: решения принимаются переводчиком на каждом уровне, отмечена повторяемость цикла в ходе перевода. Подчеркнем наличие в дискурсивно-коммуникативной модели перевода обучающего компонента, что значительно дополняет существующие схемы переводческого анализа.

Составляющими дискурсивно-коммуникативной модели перевода являются следующие взаимосвязанные уровни: уровень текста, уровень дискурса, уровень коммуникации, уровень действительности. В работе подробно рассмотрены все указанные автором уровни, представленные лингвистическими (лексико-семантические, синтаксические, стилистические, прагматические) особенностями исходного текста, его дискурсивными характеристиками (авторство, адресность текста,

нарратив). Согласимся с мнением автора о том, что узловые точки дискурса, ценности, цели, тематика, участники, хронотоп дискурса, интердискурсивность (полидискурсивность), функции, типовые свойства и стратегии коммуникации определяют переводческие решения. Параметры текста формируют микростратегию перевода, параметры на других уровнях — макростратегию перевода. Использование переводчиком категорий дискурсивно-коммуникативной модели перевода позволяет переводчику, как справедливо полагает автор работы, опираясь на результаты современных дискурсивных исследований, индивидуальный и коллективный опыт, создавать дискурсивные досье для перевода текстов институционального дискурса.

Т. А. Волкова трактует стратегию как «неконечную совокупность целенаправленных профессиональных, динамических, логически взаимосвязанных, последовательных универсальных и индивидуальных действий переводчика (приемов, переводческих решений)» [С. 144 монографии], используемые в переводческой деятельности для оптимизации понимания исходного текста и поиска наиболее точного соответствия исходному тексту в языке перевода. Стратегия перевода подвижна, индивидуальна (но не уникальна) и формулируется для конкретного исходного текста [Там же].

Во второй главе «Категории дискурсивно-коммуникативной модели перевода» цели, ценности, узловые точки дискурса, поле, направление, хронотоп дискурса и интердискурсивность (полидискурсивность), типовые свойства, функции и стратегии коммуникации, лингвистические особенности и дискурсивные характеристики текста анализируются как категории предлагаемой автором дискурсивно-коммуникативной модели перевода и как универсальные категории институционального дискурса. Постулируется возможность применения дискурсивно-коммуникативной модели перевода в письменном переводе (анализ исходного текста на всех этапах перевода) и в обучении письменному переводу (на всех этапах обучения). В главе логично систематизирован алгоритм действий переводчика для выработки стратегии письменного перевода. Предложенный автором монографии алгоритм действий переводчика заключается в выделении в тексте особенностей различных уровней (в соответствии с предлагаемой моделью), группировке полученных особенностей для определения, какие из них попадают в разряд переводческих трудностей, и, наконец, нахождении к обозначенным

трудностям (группам трудностей) переводческих решений, которые составляют переводческую стратегию. Особенности или трудности перевода могут быть универсальными для разных видов институционального дискурса из-за их совпадающих характеристик. Закономерно предположить, что трудности перевода могут быть универсальными не только для институционального дискурса.

Параметры предлагаемой Т. А. Волковой дискурсивно-коммуникативной модели перевода используются как метаполя (категории) для полевого анализа ключевых слов в исходном тексте как одного из способов определения доминант перевода и частичной автоматизации (пред)переводческого анализа в переводческом процессе. Закономерными параметрами модели автор считает:

1. Авторство и адресность (дискурсивные характеристики текста), направление (участники) дискурса (социальные атрибуты, статус, число);
2. Поле дискурса (тематика, сфера функционирования текста).
3. Хронотоп (место, время создания текста, описываемые события).
4. Узловые точки, цели, ценности дискурса.

В итоговой, третьей главе монографии «Дискурсивно-коммуникативная модель перевода в устном переводе» подробно представлено использование категорий авторской дискурсивно-коммуникативной модели перевода и дискурсивных досье, составляемых профессиональным переводчиком и студентами языковых вузов, обучающимися устному переводу. Дискурсивные досье создаются с опорой на разработанные Т. А. Волковой методические рекомендации. Возможность использования предлагаемой методики обучения устному пере-

воду успешно реализуется на примерах занятий, тематически или жанрово объединенных циклов занятий, конкретных текстов публичных выступлений. Автору удалось убедительно показать, что дискурсивно-коммуникативная модель перевода применима в устном переводе (на этапах подготовки к переводу и анализа результатов) и в процессе обучения устному переводу на тех же этапах. Выделены этапы подготовки к устному переводу при обучении устному переводу:

- информационная подготовка;
- самостоятельные тренировки переводчика;
- (пред)переводческий анализ по категориям дискурсивно-коммуникативной модели перевода, выполняемый переводчиком на основе полученных перед мероприятием и (или) самостоятельно подготовленных материалов.

Минимальные исходные параметры для начала подготовки к устному переводу включают: тематику перевода; жанр исходного текста; коммуникативную ситуацию. Указанные параметры дополнены при обучении устному переводу материалами для подготовки (в объеме, который регулируется сложностью предстоящего перевода и уровнем подготовки группы).

Подчеркнем, что монография Т. А. Волковой «От модели перевода к стратегии перевода» представляет собой многоаспектный, структурированный, логично изложенный труд, интегрирующий междисциплинарные знания. Рецензируемый актуальный научный проект является весомой заявкой на новое, основанное на дискурсе направление в моделировании перевода и переводческой лингводидактике.

Сведения об авторе

Питина Светлана Анатольевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. sap.pitina@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 146—148.*

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY T.A. VOLKOVA “FROM THE MODEL OF TRANSLATION TO THE STRATEGY OF TRANSLATION” (MOSCOW, FLINTA PUBL., 2016. 304 P.)

S.A. Pitina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sap.pitina@rambler.ru